

interaction
интеракция

interview
интервью

interpretation
интерпретация

INTER

3' 2020

Рисунок на обложке Рафи Шварца
<https://www.good.is/articles/smelly-maps-urban-smellscapes>

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2020. Том 12. № 3
Interaction. Interview. Interpretation
2020. Volume 12. No. 3

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2020. Том 12. № 3

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2020
© Interaction. Interview. Interpretation, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiaarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director of Science and Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mfcche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Leocadia M. DROBIZHEVA — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Contents

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии	10
<i>Екатерина Шишова</i>	
Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов	10
<i>Ксения Шталенкова</i>	
Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте	31
Полевые исследования	50
<i>Наталья Заиченко, Елена Савельева</i>	
Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы	50
<i>Елена Онегина</i>	
Векторы солидарности участников ЛГБТК+ сцены внутри сообщества и с другими активистскими группами	75
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	91
<i>Виктория Семенова, Елена Рождественская</i>	
ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация	92
Рецензии и обзоры	106
<i>Илья Штейнберг</i>	
«Лайфхаки», “how to” и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях	106

Contents

Editor's letter	7
Theoretical Discourses and Debates	10
<i>Ekaterina Shishova</i> New Residential Districts Ordering: from Language of Smells Description to the Space Sensory Order	10
<i>Kseniya Shtalenkova</i> The Dynamics of Currency Design in the Socio-Historical Context	31
Field Work Research	50
<i>Elena Savelyeva, Natalia Zaichenko</i> Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg Schools	50
<i>Elena Onegina</i> The Main Value Vectors of Solidarity of LGBTQ+ Scene with Other Activist Groups	75
INTER-Encyclopedia of Qualitative Research	91
<i>Victoria Semenova, Elena Rozhdestvenskaya</i> INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation	92
Reviews	106
<i>Ilya Shteinberg</i> Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial	106

Письмо редактора

Представляя читателям очередной, осенний номер «Интера», прежде всего хочу объявить о том, что мы открываем в журнале совершенно новую рубрику и приглашаем к сотрудничеству широкий круг коллег — социологов, антропологов и прочих гуманитарных ученых, которые относят свои труды к так называемой качественной парадигме или просто применяют в своих исследованиях качественные методы. Наш журнал был создан в 2002 году как площадка для теоретических и методических дискуссий именно в этом поле, таким образом, миссия журнала неразрывно связана с подобной проблематикой. За прошедшие почти два десятилетия в российской и международной социологии накоплен уже большой опыт, значительный исследовательский материал требует осмысления — а для того, чтобы такое осмысление стало успешным, необходимо договориться о терминах. Это мы и предлагаем — на страницах нашего журнала теперь будут регулярно появляться статьи будущей энциклопедии, посредством которых будут определяться и описываться важные для качественной парадигмы ключевые термины и понятия. Мы надеемся, что эта рубрика поможет социальным ученым «сверить часы» и еще раз отрефлексировать те понятия, на которые мы опираемся в своем анализе: очертить их смысловое поле, подчеркнуть уместные контексты их употребления.

И, конечно, первые такие маленькие обзорные статьи мы посвящаем «ключевым словам», вынесенным в полную форму названия нашего журнала, — «Интеракция. Интервью. Интерпретация», с которыми вас познакомят его основательницы Виктория Семенова и Елена Рождественская. Выбор следующих — за вами, дорогие читатели и авторы, предлагайте и описывайте важные для вас термины! Вместе мы сделаем очень нужное дело и обогатим социальные науки новым энциклопедическим знанием.

Если же говорить об «обычных», форматных статьях этого номера, то они в большинстве своем отражают очень важный тренд современной социологии — внимание к деталям и к новым темам, которые еще недостаточно представлены в «мейнстриме». Так, интересная статья Екатерины Шишовой «Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов» посвящена социологии запахов — необычно, не правда ли? В то же время сенсоральная проблематика в социологии чрезвычайно актуальна, ибо современным исследователям хорошо известно, что жизнь индивидуумов и социальных групп определяется не только масштабными социальными процессами, но и всем тем миром повседневности, который «дан нам в ощущениях», — и эти ощущения в значительной степени определяют наше социальное самочувствие. В своем исследовании Е. Шишова описывает, как различные действия жителей одного из московских районов создают и пересоздают новый «сенсорный порядок»: люди учатся говорить о запахах,

определять их и бороться за качество жизни, на которое этот сенсорный порядок значительно влияет, — ведь никто не хочет жить около свалки или дышать выбросами мусоросжигающего завода! Из статьи вы можете узнать даже о таком феномене, как «сенсорное патрулирование», представляющее собой своего рода новую гражданскую инициативу.

Еще одна деталь нашей повседневности, с которой мы ежедневно сталкиваемся, но о которой редко задумываемся, — это деньги. То есть мы, конечно, очень много о них думаем, но преимущественно как об «универсальном эквиваленте» благ и «подушке безопасности» на будущее. А вот наш автор Ксения Шталенкова предлагает обратить внимание на деньги с точки зрения их дизайна — и подробно рассматривает, как менялась идеологическая и функциональная нагрузка денег-предметов, начиная с первых монет, чеканившихся в Малой Азии, и заканчивая бесконтактными сервисами Apple Pay. Ведь даже современные электронные деньги, казалось бы, максимально обезличенные, имеют свою «видимость» — хотя бы в виде иконок на экранах наших смартфонов. В статье «Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте» К. Шталенкова предлагает серьезный теоретический анализ символических особенностей практик денежного обмена, используя в качестве отправной точки концепцию свидетельства М. Энгельке, демонстрируя, насколько сложный и неоднозначный характер имеют деньги, рассмотренные как «свидетельство».

Остальные статьи номера посвящены интересным эмпирическим исследованиям. Так, Наталья Заиченко и Елена Савельева посвятили свой текст проблеме гендерной сегрегации среди школьных учителей — всем, кто когда-либо имел дело со школой, хорошо известно, насколько неравномерно представлены в педагогических коллективах женщины и мужчины. В статье «Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы» авторы рассматривают, как реагируют на эту гендерную асимметрию разные причастные к школьной жизни люди — директора и администраторы, родители и ученики, и, конечно, сами учителя обоего пола. И получается очень любопытная картина: мужчина-учитель оказывается очень противоречивой фигурой. С одной стороны, он как бы «смутный объект желаний» — его в школе явно недостает, и это принято считать проблемой. Чтобы решить эту проблему, педагогам-мужчинам вроде бы стремятся создать привлекательные условия — повышать зарплату, продвигать по карьерной лестнице. Но это вызывает резонное недовольство их коллег-женщин, не понимающих, почему те должны иметь какие-то привилегии. С другой стороны, мужчина в школе сам немного воспринимается как проблема — им труднее руководить, он подозревается в эгоцентризме, большей ориентации на личные интересы, и некоторые директора школ признаются, что при прочих равных условиях взяли бы на свободную ставку женщину. Этот вывод нельзя не признать контринтуитивным, а значит, расширяющим наши представления о школе.

Статья молодой исследовательницы Елены Онегиной посвящена острой теме гражданских солидарностей и активизма. В фокусе ее внимания

ЛГБТК+ сообщество — одно из самых ограниченных в способах политической репрезентации в связи с известными законами. Рассматривая отношения внутри сообщества и с внешними союзниками, исследовательница приходит к выводу, что специфика группы, борющейся за свои права, по сути, не так уж и важна — общий опыт политического подавления делает возможными самые труднопредставимые альянсы (например, ЛГБТК+ активистов и водителей-дальнобойщиков), а идеологические противоречия по частным вопросам могут раскалывать и идейно близкие гражданские движения.

Наконец, хочу обратить ваше внимание на раздел рецензий — в нем вы можете прочесть очень полезный текст ведущего эксперта по качественным методам Ильи Штейнберга. В рецензии на учебное пособие А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» он не только разбирает «лайфхаки», предложенные авторами, но и делится своими, и это именно тот случай, когда читать рецензию так же интересно и познавательно, как и саму книгу.

Приятного чтения!
Ирина Тартаковская,
ответственный редактор номера

Теоретические дискурсы и дискуссии

Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.1

Ссылка для цитирования:

Шишова Е. С. Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.1>

For citation:

Shishova E. S. (2020) New Residential Districts Ordering: from Language of Smells Description to the Space Sensory Order. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.1>

Екатерина Шишова*

В статье рассматривается значение сенсорных аспектов городской жизни. Основываясь на критической ревизии концепций сенсорного порядка, автор анализирует способы сенсорного упорядочивания пространства жителями нового городского района, ключевую роль в котором играет восприятие запахов. В результате анализа выделяется три составляющих сенсорного упорядочивания: 1) создание горожанами языка описания своих сенсорных опытов, 2) приписывание пространству смыслов и локализация запахов, 3) действия, направленные на поддержание желаемого запахового ландшафта. Создание языка и попытка договориться о желательном запаховом ландшафте основываются на заимствовании специализированных терминов и визуализации запахов. Формирование коммуникации позволяет взаимодействовать с широким кругом агентов, преобразовывать и контролировать

¹ Автор выражает благодарность О. Н. Запорожец за терпение и неоценимую помощь в обсуждении и редактировании текста, В. В. Кобыще за помощь в разработке идеи, Я. А. Багиной и Д. В. Волковой за обсуждение и правильные вопросы.

* Шишова Екатерина — младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социальных исследований города, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», eshishova@hse.ru.

территорию. Производство смыслов пространства, связанных с запахами, влияет на создание идентичности района. И позитивное, и негативное восприятие запахов образует ценность района, причем последнее действует в логике от противного и связано с обесцениванием других городских территорий. Сенсорная нормативность поддерживается через действия горожан — сенсорное патрулирование (различные способы фиксации запахов) и микроупорядочивание (создание ощущения чистоты и свежести на уровне кварталов, дворов и домов).

Рассмотренные способы упорядочивания сенсорного опыта и формирования запахового ландшафта позволяют понять, каким образом происходит взаимодействие жителей района, формируется их агентность и, вместе с этим, ответственность за территорию.

Ключевые слова: сенсорный порядок; запахи; запаховый ландшафт; новые жилые районы; сенсорная мультимодальность

Сенсорные аспекты достаточно редко учитываются при изучении жилых районов российских городов. Вместе с тем во всем мире сенсорные характеристики городской среды все больше интересуют исследователей — социологов, культурных географов, экологов — и практиков — архитекторов, гигиенистов, управленцев. Интерес социальных исследователей к сенсорным опытам и чувствам горожан связан с признанием их влияния на отношение к пространству, социальные взаимодействия, механизмы социального исключения и эмоциональную атмосферу городской жизни.

В центре внимания этой статьи будет жизнь одного из новых жилых районов Москвы, пропитанного неприятными запахами. Их источник не всегда легко определить, хотя чаще всего они связываются с работой расположенных неподалеку заводов и свалок. Несмотря на это обстоятельство, район пользуется популярностью на московском рынке жилья. За последние годы квартиры в нем приобрели тысячи горожан. Жители района по-разному относятся к запахам, которыми он регулярно наполняется, но в целом большинство его обитателей считает свой район неплохим местом для жизни.

Случай нового района станет отправной точкой для ревизии концепций, рассматривающих сенсорные измерения городской жизни. Обращаясь к идеям сенсорного порядка и запахового ландшафта, я покажу, как разговоры и действия жителей района, связанные с запахами, помогают выработать язык коммуникации, общие смыслы, формы контроля и преобразования пространства, иными словами, осуществить сенсорное упорядочивание городской жизни. Сенсорное упорядочивание, помимо прочего, позволяет понять, как в ходе повседневных взаимодействий и целенаправленных акций формируется агентность горожан — принятие ответственности за определенное городское пространство.

Сенсорные опыты в городе и подходы к пониманию сенсорного порядка

Являясь центрами притяжения большого количества людей, города требуют от своих жителей приспособления к интенсивной, насыщенной различными ощущениями жизни. Искусство жизни в городе заключается в том числе и в отсекании горожанами избыточных или неприятных контактов и опытов, уменьшении чувствительности к ним, а также в создании городскими обитателями особых упорядоченных пространств для взаимодействия. В последнем случае сенсорные опыты играют одну из важнейших ролей, создавая *«оболочку, которая ведет, приглашает, пронизывает, незаметно влияет на наши паттерны социальности, способы перемещения и взаимодействия в пространстве»* (Atkinson, 2007: 1907). Среди примеров упорядочивания пространства сенсорными стимулами можно назвать звуки радио во время уборки, которые способны формировать звуковой ландшафт дома и ощущение комфорта (Pink, 2020), звук медицинской техники, определяющий пространство больницы и проживаемый здесь опыт (Rice, 2003), тактильные ощущения от работы в саду и взаимодействия с растениями, упорядочивающие пространство сада и формирующие чувство принадлежности к нему (Lorimer, 2005).

Значение сенсорного измерения городской жизни и социальной жизни в целом отмечалось социальными исследователями еще в начале XX века (Зиммель, 2002). В 1990-х годах внимание к сенсорности усилилось: произошло формирование методологических подходов и категориального аппарата, позволяющих операционализировать и исследовать сенсорные измерения социальных отношений. Наиболее комплексной категорией, позволяющей социальным исследователям работать с сенсорикой, стала категория «сенсорного порядка». На мой взгляд, можно говорить о двух подходах к пониманию сенсорного порядка. Первый, который я предлагаю называть холистическим, формируется в работах культурных антропологов в 1990-х годах (The varieties, 1991; Geurts, 2003; Classen, 1997; Elberfeld, 2003). Вторым, который я называю социально-групповым, обозначился в работах социологов в 2010-х годах (Vannini et al., 2011; Low, 2013).

«Холистический» подход предлагает рассматривать сенсорный порядок или, в терминах Констанс Классен (Classen, 1997), сенсорную модель, как нормативы чувствования, присущие культуре *в целом* и основанные *на общих* для ее представителей верованиях, языке и обычаях (Classen, 1990). По мнению представителей данного подхода, можно говорить, например, о сенсорном порядке европейской культуры, которая ранее основывалась преимущественно на визуальных образах, а сейчас — на тактильных и ольфакторных ощущениях (Elberfeld, 2003). Основанием сенсорного порядка империи инков были аудиальные опыты, особую роль в которых играл голос правителя (Classen, 1990), а социальная организация жителей Тробрианских островов была тесно связана с запахами (Howes, 1997).

«Социально-групповой» подход рассматривает сенсорный порядок не как целостность, присущую определенной культуре, а как совокупность нормативов и конвенций, которые создаются и воспроизводятся определенными социальными группами, оказывают влияние на регулирование социальных отношений, формирование и поддержание социальных иерархий. Филипп Ваннини и его соавторы определяют сенсорный порядок как **«нормативные аспекты социального порядка, связанные с сенсорным опытом представителей социальной группы»** (Vannini et al., 2011: 127). Сенсорный порядок основывается на взаимодействии и привычках представителей различных социальных групп. Его формирование и поддержание сопровождается конфликтами, социальным дистанцированием и исключением. В качестве примера сенсорного дистанцирования или исключения могут рассматриваться африканские торговцы на рынке в Сингапуре, которые маркируются местными жителями как опасные лишь потому, что в их культуре в волнительные для них моменты принято разговаривать на повышенных тонах, а это противоречит аудиальным нормам сингапурцев (Low, 2013).

Сенсорный порядок тесно связан с рутинными практиками (Palirane, 2011; Pink, 2008). Ривке Джафф с коллегами в работе о бедных кварталах Мехико, Нового Орлеана и Рио-де-Жанейро связывают его с повседневными практиками — едой, общением, нахождением на улице, формирующими эмоциональную привязанность к определенному пространству, — возникновением «чувства дома». Нарушение сенсорного порядка или принятых для определенного пространства норм ведет к появлению дискомфорта, ощущению несхожести и недоброжелательности (Jaffe et al., 2020).

Социально-групповой подход представляется мне более продуктивным как применительно к исследованиям города, так и в социальных исследованиях в целом, поскольку он рассматривает сенсорный порядок как продукт взаимодействия различных социальных групп, находящийся в постоянном переопределении. Внимание к взаимодействиям групп и отдельных индивидов, их сенсорной вовлеченности и рутинным практикам переводит внимание исследователей с макроуровня, рассматривающего городскую жизнь как *«социальную тотальность»* <...> *не зависящих от обывателей структурных факторов, определяющих конфигурацию городской жизни»* (Бредникова, Запорожец, 2014: 13–14), на микроуровень, где в центре находятся люди, по-своему упорядочивающие повседневность и адаптирующие под себя городские пространства. Изучение города на микроуровне позволяет улавливать изменения и рассматривать его как множественную реальность, создаваемую разными людьми в зависимости от их восприятия.

При всей продуктивности существующего социально-группового подхода, я хотела бы обратить внимание на его несовершенство. Несмотря на то, что подход подчеркивает изменчивость сенсорных нормативов и их консенсуальный характер, процессуальность редко становится предметом эмпирического исследования. Как правило, эмпирические исследования, реализуемые в рамках подхода, сосредотачиваются на сформированных нормах — аудиальных, ольфакторных и других, и их влиянии на социальные

взаимодействия. Однако мой эмпирический объект — новый городской район — подчеркивает важность рассмотрения сенсорного порядка как процесса упорядочивания сенсорных опытов в новом, осваиваемом пространстве.

В этой статье я хочу дополнить социально-групповой подход, предлагаемый Филиппом Ваннини и его соавторами, к пониманию сенсорного порядка и предлагаю использовать категорию «сенсорное упорядочивание», которая позволит фиксировать процессуальность создания сенсорных норм и конвенций различными агентами. Я полагаю, что сенсорное упорядочивание включает следующие составляющие: (а) производящие его агенты, (б) используемый ими язык, позволяющий обсуждать сенсорный опыт и делать его коллективным, (в) формирующиеся смыслы, нормы, конвенции, (г) пространственные границы действия подобных нормативов.

Сенсорное упорядочивание подразумевает обсуждения и действия в отношении различных сенсорных опытов — аудиальных, визуальных, ольфакторных, тактильных. Эти опыты могут восприниматься и как комбинируемые, и как конкурентные, в последнем случае речь может идти о формировании доминантных сенсорных опытов, наиболее важных для определения групп, ситуаций, пространств. Признавая это, я хотела бы в дальнейшем обратиться к рассмотрению ольфакторного опыта, на значимость которого указывают и современные исследования, и мое исследование нового района Москвы.

Запахи в городе: особенности концептуализации

Значимой, но относительно мало исследованной составляющей городских сенсорных опытов являются запахи. Исследователи городской сенсорики отмечают ряд особенностей запахов. Прежде всего, речь идет об их неизбежности, ведь восприятие и распознавание запахов связано с дыханием, а значит, в отличие от визуальных или аудиальных стимулов, не может быть полностью заблокировано. Помимо этого, неизбежность запахов детерминирована тем, что сами люди, их действия и образ жизни являются источником запахов (Synnott, 1991) и формируют запаховые ландшафты (Zardini, 2016).

Неизбежность запахов не упрощает их изучение. В отличие от визуальных или тактильных объектов запахи обычно моментально появляются и так же быстро исчезают (Rodaway, 2002; Henshaw, 2013). Несмотря на определенную непредсказуемость и неуловимость, запахи, тем не менее, могут обладать устойчивостью. Это связано как с длительностью их сохранения в определенных пространствах, так и с фиксацией в памяти связки «запах — ситуация», «запах — пространство», рождающей (не)желание вернуть ситуацию или опыт (Pallasmaa, 2012). По мнению специалиста в области феноменологической эстетики Мадалины Диакону, многие архитекторы при планировании комфортных пространств не учитывают перечисленные свойства запахов, зачастую работая только с визуальными, шумовыми, тактильными опытами. Вместе с тем именно запахи во многом создают идентичность места, оживляя его и заставляя приходить сюда вновь (Diaconu, 2011; Xiao et al., 2018).

Связь запахов с определенным пространством получила название запахового ландшафта (smellscape). Термин был предложен в середине 1980-х годов географом Джоном-Дугласом Портосом, который определял запаховый ландшафт как фрагмент пространства, выделяемый благодаря временным характеристикам и иным значимым параметрам (например, запахи имеют особенность концентрироваться ближе к земле), а также обонятельным способностям людей (Porteous, 1985). Запаховый ландшафт, по мнению Портоса, тесно связан с другими сенсорными модальностями, и в первую очередь с визуальным образом пространства, дополняя и обогащая его (Porteous, 1985). В начале 2010-х годов определение запахового ландшафта расширяется и начинает рассматриваться не просто как относительно статичный феномен, а как человеческий опыт, включающий в себя процесс восприятия и, одновременно с этим, свойства самой среды (Henshaw, 2013). Предполагается, что запаховый ландшафт находится в процессе постоянного изменения и не может быть строго регламентирован (Diaconu, 2011).

Исследование запахов в городе подразумевает внимание к повседневным практикам, сенсорным интеракциям, дискурсам (Jenner, 2000). Можно говорить о двух приоритетных тематических направлениях исследования запахов в городе: во-первых, об изучении социальных групп и связывающих их отношений, во-вторых, о связи запахов и городских пространств. Выделение двух направлений, скорее, связано с расстановкой акцентов, в частности, исследования групп включают исследования пространства, но рассматривают его как вторичное, и наоборот.

Первое направление на сегодняшний день более разработано. Изучению запахов как составляющей социальных взаимодействий в городе посвящено множество работ. Их основные сюжеты связаны с отношениями между социальными группами, основанными на повседневном опыте принятия или отвержения запахов (Classen et al., 1994; Synnott, 1991; Howes, 2010; Beer, 2014), социальным дистанцированием или формированием ольфакторной идентичности (Largey, Watson, 1972; Montsion, Tan, 2016; Cohen, 1988). Особый интерес для исследователей запахов в городе представляют политики и практики исключения сенсорно-иных социальных групп, как правило, представителей низших страт, мигрантов или бездомных, основанные на их несоответствии централизованной политике или нормативности доминирующих групп (Manalansan, 2006; Low, 2013; Pow, 2017; Tan, 2016). Продолжением этого интереса является изучение формирования ольфакторной нормативности в процессе технического и гигиенического развития и оснащения городов (Vigarello, 1988; Otter, 2004; Henry, 2005).

Второе тематическое направление в исследовании запахов в городской среде смещает фокус внимания с социальных отношений на уровень пространств. Данный тип работ сконцентрирован на качестве воздуха в городах или городских районах, маргинализации этих территорий и снижении жизненных шансов их жителей (Auyero, Swistun, 2009; Ghertner, 2020). Прикладные исследования в рамках этого направления изучают влияние запахов

на развитие туризма и потребление товаров и услуг (Davis, Thys-Şenocak, 2017; Dann, Jacobsen, 2003).

Приоритетное внимание к запахам не означает игнорирования других сенсорных измерений. Одна из ведущих социальных исследовательниц сенсорики, Сара Пинк, подчеркивает необходимость изучения сенсорного опыта как мультимодального — образуемого различными ощущениями, которые дополняют, замещают, конкурируют друг с другом (Pink, 2011). Этим принципом я и буду руководствоваться далее.

Запаховый ландшафт одного московского района

Изначально мое исследование не предполагало пристального внимания к запахам. Являясь частью группового проекта, оно было сосредоточено на освоении и обживании новых районов Москвы. Погружаясь в поле, я поняла, что наиболее обсуждаемой темой и в разговорах с местными жителями, и в постах в местных группах, и в сообщениях СМИ являются запахи. «Вонь», «воняет», «от вони страдают» — эти и другие описания и жалобы можно было услышать от множества людей: жителей района, местных активистов, городских депутатов.

Моя статья основана на материалах полевого исследования одного из новых районов, расположенного на юго-востоке Москвы. Вокруг района находится несколько предприятий, очистные сооружения, полигоны для твердых бытовых отходов, мусоросжигательный завод, что является источником регулярных неприятных запахов. Активное строительство района началось в 2011 году. Сегодня на его территории построено 178 многоэтажных домов и проживает порядка 100 тысяч жителей. В своей статье я намеренно отказываюсь от использования названия района, чтобы избежать укрепления его негативной запаховой репутации.

Исследование проходило с декабря 2018 года по сентябрь 2019 года и включало 26 полуструктурированных интервью с жителями района (14 интервью с женщинами и 14 интервью с мужчинами в возрасте от 20 года до 78 лет), 2 интервью со стейкхолдерами (представителями местного бизнеса), а также данные экспресс-интервью и наблюдений. Полевые материалы были дополнены открытыми данными из телеграм-канала района, тематического сообщества во «ВКонтакте», сайта инициативной группы жителей, официальных сайтов, опубликованными в период с 1 сентября 2018 года по 15 июля 2020.

Обращение к данным, полученным как онлайн, так и офлайн, сегодня необходимо при исследовании новых районов города (Чернышева, Гизатуллина, 2020). Эти районы интенсивно дигитализируются: в качестве востребованных коммуникативных площадок выступают онлайн-платформы — тематические группы в социальных сетях, форумы, телеграм-каналы. Социальное взаимодействие в новых районах можно назвать гибридным — разворачивающимся в постоянных переходах между онлайн- и офлайн-форматами. Одновременная коммуникация в указанных форматах способствует формированию

единого пространства смыслов (Postill, Pink, 2012). В моем исследовании онлайн-данные использовались как для детализации и прояснения отдельных тем, затронутых в интервью, так и для получения подробной информации о «запаховом словаре» жителей района и содержательных дискуссиях о его ольфакторном ландшафте. Поскольку такие тематические обсуждения привлекают большое количество участников, содержат сформулированные позиции, имеют длительную историю, они оказались крайне полезными для анализа, дополняя достаточно четкие, но краткие и одномоментные мнения, сформулированные в интервью.

Сенсорное упорядочивание одного городского района

Сенсорный порядок является результатом взаимодействия различных агентов. В немалой степени он задается структурными условиями, связанными с действиями властей, городских планировщиков и других агентов влияния. Район, о котором пойдет речь, вписывается в долгосрочную политику и практику городского планирования в Москве — расположения крупных промышленных производств и городских свалок в юго-восточном направлении. Такое размещение промышленных объектов связывается аналитиками (Свирков, 2013) с розой ветров и преобладанием западных и северо-западных ветров в Москве². Институциональными игроками, влияющими на запаховый ландшафт района и создающими существующие сенсорные нормы, являются власти города, расположенные здесь предприятия и свалки, частные организации и предприниматели, вовлеченные в деятельность по переработке отходов, а также местные власти и девелоперы. Действующие государственные стандарты установления нормативов и контроля выбросов запаха в атмосферу зачастую нарушаются ключевыми игроками³. Несмотря на то, что жители района в полной мере не могут влиять на запаховый ландшафт, тем не менее они способны участвовать в формировании сенсорной нормативности пространства, воздействуя на властных агентов. Их высказывания, повседневные практики, индивидуальные или коллективные действия являются работой по упорядочиванию сенсорного опыта и формированию сенсорного порядка. Упорядочивание в случае данного района связано, прежде всего, с формированием желаемого запахового ландшафта. Вслед за Хеншо (Henshaw, 2013) я буду понимать запаховый ландшафт как процесс восприятия запахов, связанных с определенным пространством, и обобщенные ольфакторные характеристики самого пространства.

Я полагаю, что основными способами упорядочивания сенсорного опыта являются: во-первых, создание языка, позволяющего говорить о своих сенсорных опытах, делать их рефлексивными и разделять с другими; во-вторых,

² Откуда в Москве ветер дует? URL: <https://www.russianrealty.ru/analytic/articles/companies/649654> (дата обращения: 05.08.2020).

³ База ГОСТов. URL: https://allgosts.ru/01/040/gost_r_58578-2019 (дата обращения: 13.08.2020).

приписывание смыслов тем или иным ощущениям и локализация сенсорного опыта — связь его с определенными пространствами и производство границ; в-третьих, действия, направленные на регулирование собственных и коллективных сенсорных опытов, обеспечение их желаемого состояния. Рассмотрим подробнее каждый из этих способов.

Говорить о запахах, идентифицировать запахи

Запахи не являются доминирующей сенсорной модальностью, что затрудняет их идентификацию и различение собственных ольфакторных ощущений. Длительное невнимание к запахам создало дефицит «запахового словаря» и уменьшило возможности обсуждать соответствующие опыты. Обсуждение запахов в интервью или местных социальных сетях делает видимыми попытки жителей создать общий словарь — договориться о запахах. Говоря о своих ощущениях, они, как правило, используют обыденные эмоционально окрашенные определения, отмечая, что в районе *«дышать невозможно»*, что они чувствуют *«тошнотворный»*, *«адский»*, *«жуткий»* запах. Благодаря регулярности неприятных запахов местные жители приобретают способность ощущать и идентифицировать их: *«запах прокисшей капусты»*, *«сначала гарь, потом тухляк какой-то»*, *«воздух какой-то мыльный, постоянно пахнет какой-то рыбой, легкий такой аромат мыльного чего-то, иногда горелого»*, *«амбре чего-то горелого и тухлого с примесью кислицы»*, *«несильный болотисто-гнилостный запах»*. В этих примерах запахи описываются в привычных категориях, связанных с повседневной жизнью — гари, тухлости, и не опознаются как что-то самостоятельное, требующее особого языка.

Следующим уровнем в различении и обсуждении запахов является использование специализированного словаря: *«пахнет просто мерзким сладким запахом фенола»*, *«сероводород или гарь»*, *«свалочный газ»*, — и предположительное определение их источников. Выработке запахового словаря способствует знакомство местных жителей с данными экологических мониторингов, материалами СМИ, наблюдение за дискуссиями в местных онлайн-группах, участие в деятельности местных активистов. В частности, экологические карты и публичные обращения активистов говорят о высоком уровне содержания сероводорода и других химических соединений в воздухе, тем самым обогащая словарь и усиливая способность местных жителей распознавать запахи.

Обсуждая запахи в социальных сетях, жители зачастую не различают их точного источника, приписывая их очистным сооружениям, свалкам или некоторым заводам. Однако есть и те, кто отслеживает запаховые дискуссии и со знанием дела определяет предприятие-загрязнитель. В социальных сетях редко, но встречается мнение о том, что нужно бояться не запахов, а невидимых и неосязаемых выбросов, более опасных для здоровья, чем те, которые издают запахи.

Постоянно возникающие дискуссии о запахах между жителями района формируют сеть агентов, по-разному влияющих на упорядочивание

пространства. Обсуждения, основанные на обыденном «запаховом словаре», расширяют радиус действия агентов, привлекая наименее компетентных жителей. Специализированный «запаховый словарь» производит экспертное знание, с помощью которого агенты приобретают политический капитал, взаимодействуют на равных с институциональными игроками и обучают менее активных горожан. Сформированная разноуровневая сеть агентов становится устойчивым механизмом решения не только запаховых, но и иных проблем пространства.

Приписывание смыслов и локализация запахов

Упорядочивание своего сенсорного опыта жителями новых жилых районов происходит в комфортном и безопасном для них пространстве смыслов. Горожане не всегда единодушны и выбирают разные способы восприятия территории.

Некоторые из них не связывают район с неприятными запахами, рассматривая его как безопасное и комфортное для проживания пространство — оплот тишины, спокойствия, «как будто даже вот и не в Москве находишься» (жен., 62 года, жительница района).

Обсуждение запахов вскрывает противоречия в восприятии района. Часть жителей создает ценность района через позитивное восприятие ассоциирующихся с ним запахов и других сенсорных опытов. Для них запахи района — это запахи свежести и чистоты. Они полагают, что внутренняя территория отличается чистым воздухом, а неприятные запахи и выбросы приносятся сюда ветром, который накрывает район «лисьим хвостом», дымовым «шлейфом» с близлежащих территорий. Парадоксально, но позитивный ольфакторный ландшафт нового жилого района с плотной высотной застройкой во многом создается расположенным рядом частным сектором с его малоэтажными домами, огородами и подсобным хозяйством, позволяющим ощутить свежесть листвы, запахи шашлыков и бани. Приятные ощущения поддерживаются и другими модальностями: аудиальной — пением петухов, общей тишиной, и визуальной — «домами, как в деревне», парниками и огородами, природой, домашним скотом, пасущимся в частном секторе, «огромными зелеными горами» (рекультивированными свалками), обросшими деревьями с завораживающими горизонтами, новыми красивыми разноцветными домами, видами «свободного пространства», «перспективы», «дали».

Далеко не все жители района разделяют представление о районе как о «сенсорном оазисе», и все же, будучи его обитателями, стремятся создать его позитивный образ. В этом случае речь идет о действии от противного — создании ценности района и его сенсорных характеристик через обесценивание других территорий. Наиболее часто обесцениваемой оказывается Москва, которая представляется как большой город с плохой экологией, на фоне которой район проживания кажется относительно благополучным.

Другими обесцениваемыми референтами называются близлежащие районы — пахнущие, шумные, населенные подозрительными и опасными жителями. Такие районы «где-то есть», но непонятно, где начинаются их границы и как они выглядят:

Р.: Подмосковьё — это вообще небо и земля. Даже перейти дорогу, вон в «Самолет» (жилой комплекс — прим.) сходите, там уже гетто.

И.: Гетто в каком смысле?

Р.: Негры там на лавках бухают.

И.: А здесь жители как себя ведут?

Р.: Такого нет, ничего такого нет. Очень культурно. Знаете, я как-то удивлен, как будто здесь какая-то команда. Ну, то есть такие люди. Я не вижу хамости, грубости. Здесь все новые, здесь все обживаются, притираются. Такого, чтобы какой-то негатив, такого не встречал. По крайней мере, пока (муж., 34 года, житель района).

Восприятие запахов как неприятных не означает их идентификации как опасных или вредных для здоровья, что свидетельствует о формировании особого дискурса, связанного с личным опытом и отношением жителей района, а не заимствовании экологического или гигиенистского дискурсов, оперирующих идеями угрозы здоровью.

Не только запахи района не являются предметом консенсуса среди местных жителей. Среди них нет и согласованной позиции в отношении тех, кто их замечает. Если чувствительность к запахам и их обсуждение вполне допустимы, то осуждение района из-за ассоциирующихся с ним неприятных запахов порицается, что лишний раз подчеркивает значимость запахов в формировании идентичности территории:

«Кто здесь живет, всем нравится. <...> Кому не нравится, те съедут» (жен., 31 год, жительница района).

Исключение составляют те, кто, как местные активисты, не считает неприятные запахи приговором району и предпринимает действия по изменению сложившейся ситуации. В этом случае борьба за запахи становится борьбой за район, что вызывает понимание и поддержку, впрочем, далеко не всегда.

Изменение сенсорной ситуации: сенсорное патрулирование и «микрорядок»

Упорядочивание сенсорных опытов включает как работу с языком и смыслами, так и конкретные действия. Хотя упорядочивание связано со множеством рутинных незамечаемых индивидуальных и совместных практик, я хотела бы остановиться на наиболее заметных коллективных действиях,

ощутимо меняющих ситуацию, которые я называю «сенсорное патрулирование» и «создание микропорядка».

Сенсорное патрулирование

Под сенсорным патрулированием я понимаю действия местных активистов и всех желающих по фиксации запахов в различных формах, на разных уровнях (на высоте и на земле), в разную погоду и время суток. Основной задачей сенсорного патрулирования является изменение ольфакторного ландшафта. Представляя информацию о запахах на публичных аренах — в жалобах, адресованных в различные инстанции, судебных исках, социальных сетях и СМИ, местные жители стремятся к изменению сложившейся ситуации. Одним из важнейших следствий сенсорного патрулирования является приобретение жителями района навыков коллективного действия, которые впоследствии могут быть использованы для решения других проблем. Неприятные запахи и связанные с ними возмущения и беспокойства становятся основой для формирования сплоченности жителей района и разработки стратегий по защите территории.

Сенсорное патрулирование, включающее велосипедные и пешие прогулки, съемки из окна своей квартиры или с квадрокоптера, является коллективной практикой и предусматривает включение всех желающих. В ходе патрулирования опытные участники обучают новичков правильно фиксировать запахи. Ранее в статье речь шла о важности вербализации запахов — создания «запахового словаря», дающего возможность обсуждать сенсорные опыты. Сенсорное патрулирование раскрывает значимость визуализации запахов — их фиксации через визуальные индикаторы. В частности, участники патрулирования отслеживают и фиксируют характер выбросов по цвету горизонта, их концентрированным состояниям (смогу, дыму и пр.), используют геотеги в процессе фиксации для более эффективной коммуникации с местными властями и контролирующими органами.

Визуальная фиксация запахов и их источников осуществляется как по предварительным договоренностям, так и без них. Заметив, к примеру, колонны машин с мусором или илом с очистных сооружений, или просто дымку, источающую запахи, жители начинают фото- или видеофиксацию.

Один из наиболее значимых параметров визуализации — высота съемки, позволяющая создать представление о масштабах распространения запахов. Необходимая высота съемки достигается усилиями жителей, квартиры которых расположены на верхних этажах, а также использованием квадрокоптеров, расширяющих возможности фиксации.

Частью сенсорного патрулирования может быть «манипулирование идентичностью» (Волков, Хархордин, 2008) — принятие активистами различных ролей во время обхода территорий для выявления источников неприятных запахов. Жители вступают в диалог с частными лицами или представителями организаций, нелегально или неправильно утилизирующими мусор, иногда притворяясь любопытным соседом или владельцем газовых баллонов

из близлежащего дома, таким образом пытаюсь выяснить природу запахов и законность производимых действий:

«Там был вот поселок. <...> И там постоянно жгли листья. Круглосуточно. И всякий мусор. И этот дым тоже приходил к нам. Прямо вечером. <...> Я там ездил как-то на велосипеде, смотрю — мусорная машина поехала, думаю, куда она поехала? <...> Взял телефон и сразу начал снимать. Смотрю, какой-то там узбек сжигает листья, я его снимаю, он говорит: “Что надо?” Я говорю: “Да нет, ничего <...> я думал, у вас пожар <...> Вот у меня на соседней территории там, понимаете, газовые баллоны, все это, а вы тут жжете”. Он говорит: “Не, не, все нормально, это листья, все под контролем”. Я отправил всем депутатам, кто там следит за мной. И все буквально через там пару часов туда приехали, вот, их оштрафовали, и по сей день не жгут листья там» (муж., 34 года, активист района).

Действия местных жителей по фиксации и определению запахов, их коммуникация с различными инстанциями ведут к обретению ими агентности — возможности действовать самостоятельно и в своих интересах. Опыт работы превращает их в экспертов и усиливает их позиции как в переговорах с властями, так и в местном сообществе.

Сенсорный микропорядок

Если сенсорное патрулирование ведется в больших пространствах, зачастую выходящих за пределы района и ограниченных только возможностями технических средств — квадрокоптеров или фотоаппаратов, то установление сенсорного «микропорядка» включает действия на локальном уровне. Как правило, сенсорное патрулирование и «микропорядочивание» осуществляются разными людьми, представляя конкурентные версии работы с запахами. Сторонники сенсорного патрулирования выступают за масштабное переопределение ситуации, предполагая, что деятельность промышленных предприятий и переработчиков мусора может быть взята под контроль горожанами, что изменит общие условия жизни района. Сторонники поддержания микропорядка действуют в логике малых дел, предпочитая изменять и контролировать небольшие пространства.

Микропорядок подразумевает установление норм и осуществление контроля за потенциально неприятными запахами, включающими запахи от мусора и испражнений домашних животных, а также создание желаемого состояния воздуха через озеленение. Наиболее важны для жителей территории дворов, домов, квартир. В отношении потенциально неприятных локальных запахов здесь создаются особые правила и осуществляется дополнительный контроль, основанный на вытеснении, мониторинге и опосредованных формах коммуникации.

Потенциально неприятные запахи (мусора и испражнений домашних животных) и их производители, нарушающие сенсорные нормы, вытесняются в специальные или слабо контролируемые пространства. В результате

поддерживается не только желаемый запаховый ландшафт, но и санитарное и эстетическое состояние территории.

Мониторинг за соблюдением правил выноса мусора и выгула животных производится из окон домов и через социальные сети, являющиеся основными способами замечания и осуждения недопустимых действий.

Обращение с мусором обнаруживает, как множество регистров коммуникации формирует и укрепляет норму. Сочетание непосредственного взаимодействия жильцов и опосредованной коммуникации — текстовых сообщений, знаков, расположенных в специально отведенном месте, делает нормы явными:

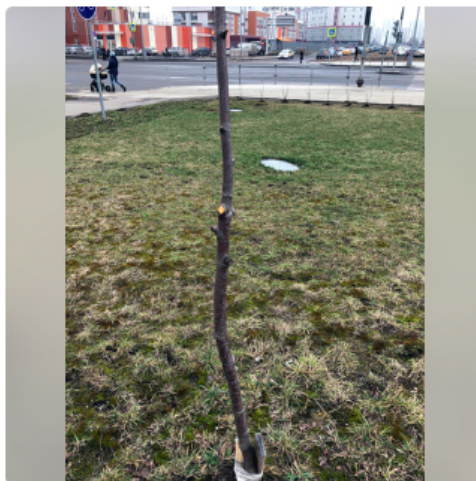
*«У нас был контейнер прямо перед подъездами, туда все скидывали. Контейнер убрали — они все скидывали прямо вот на лужайку. То есть *** (нецензурно — прим.) везде хватает. Там N вешала, распечатывала знаки, просила уборщиков “уберите, пожалуйста”, пытались хоть как-то, гоняли тех, когда видели, что кто-то выкидывает, заставляли... То есть мы, обычные жители, заставляли, грубо говоря, их силком брать пакеты и “иди выбрасывай в нормальное место, а не на землю, на лужайку”» (жен., 22 года, жительница района).*

Микропорядок также предполагает взаимодействие со стейкхолдерами по вопросам поддержания эстетического и ольфакторного ландшафтов территории, но, в отличие от сенсорного патрулирования, не требует приобретения экспертности, а значит, делает доступным участие всех желающих:

«И я в единственном районе на самом деле вижу, что здесь люди, которые ходят с собаками гулять, они убирают все за собой. <...> И много собачников на самом деле, много кто утром к нам тоже заходят — они с собаками гуляют, они много кто заходят за кофе, все они с пакетами, многие, кстати, если что-то там вдруг, они что-то забыли, они заходят к нам просят пакет <...> даже мамочки, уверены вот в людях здесь. <...> То есть и никаких даже ссор там, споров не было, что люди сами все в принципе видят. Никогда даже не выгоняют собак, там типа “не надо здесь гулять, тут детская площадка, чего вы гуляете”» (муж., 27 лет, владелец местной кофейни).

Свежесть воздуха, создаваемая зелеными насаждениями, улавливающими пыль и неприятные запахи, по мнению ряда жителей, должна являться основой запахового ландшафта района. Даже если деревья не могут устранить неприятные запахи, они могут их компенсировать, превратив «безликий», «каменный городок» в пространство, где «можно отдохнуть», «зацепиться глазу», «скинуть оковы» и ощутить себя «как будто, ну, не в тюрьме». Озеленение становится важным элементом сенсорного упорядочивания района и ответственностью его жителей. Несмотря на то, что в функции местной управляющей компании и управы входят мероприятия по озеленению, жители стремятся действовать

по своему усмотрению: соревнуются подъездами в посадке клумб у дома, объединяются и коллективно озеленяют придомовую территорию, стараясь «создать уют вокруг себя и сделать комфортным проживание» (жен., 41 год, жительница района) и также осуществляют контроль (см. фото 1).

!! Дорогие Жители **!!** Прошу
помочь в поиске Вредителя ,который уничтожает
или уродует деревья своей Неграмотностью !
Этот "человек" уже испортил более 80
деревьев ...Предположительно это делает
"женщина" с нарушенной психикой не высокого
роста (видно по характеру среза веток у
больших деревьев)
Все деревья ходить и фотографировать по
ближайшим дворам нету возможности ..
Если кто-то видел или знает кто кто это
делает ,дайте знать !
Спасибо

Фото 1. Объявление из чата жителей района в «Телеграме»

И сенсорное патрулирование, и сенсорный микропорядок включают действия агентов по созданию и контролю границ комфортного для них пространства. Главное их отличие заключается в том, что каждая стратегия выстраивается вокруг сенсорных норм разного уровня. Микропорядок строится на уже существующих сенсорных нормах, приемлемых как для самих жителей, так и для агентов власти, и направлен на упорядочивание сенсорного опыта здесь и сейчас. В результате, используя обыденный язык коммуникации, горожане могут беспрепятственно договариваться с ключевыми игроками или стейкхолдерами, коллективно действовать и осуществлять санкции в отношении нарушающих сенсорные нормы.

Патрулирование основывается на переопределении существующего сенсорного порядка и упорядочивает жизнь горожан в перспективе. Данная стратегия предполагает использование ресурсов в виде создания и использования обыденного, специализированного и визуального «запахового словаря»,

расширенной и разноуровневой сети агентов и ее политического капитала. Лишь только с их помощью жители могут отстаивать пространство, контролировать его безопасность, заставлять действовать и подвергать санкциям ключевых игроков. Обе стратегии можно рассматривать как важные и взаимодополняющие друг друга, поскольку концентрируются на разных уровнях сенсорного порядка и ведут к упорядочиванию сенсорного опыта горожан.

Заключение

Обращение к сенсорным аспектам городской жизни в данной статье позволило провести ревизию существующих концепций и категориального аппарата, которые могут использоваться в городских исследованиях. Использование категории «сенсорное упорядочивание», под которым понимаются действия различных агентов по созданию языка обсуждения сенсорных опытов, производству смыслов, сенсорной нормативности и ее пространственной закреплённости, представляется весьма продуктивным.

Основываясь на материалах исследования нового жилого района Москвы, я рассмотрела сенсорное упорядочивание, связанное с регуляцией запахов различными агентами. Изучаемый район находится в окружении промышленных объектов, заводов по переработке отходов и городских свалок, что ведет к образованию специфических запахов, которые определяются местными жителями скорее как неприятные, нежели опасные. В настоящее время ведется выработка языка обсуждения запахов, наличие которого важно для обозначения позиции различных агентов и достижения сенсорного консенсуса. При всем различии языков и позиций можно выделить тенденцию формирования специализированного языка, основанного на использовании научных названий, заимствуемого из профессионального экологического, активистского дискурса, СМИ. Параллельно с ним формируется язык визуализаций — фотографий источников или концентраций запахов, снабженных геотегами, которые активно используются в коммуникации с властями и контролирующими органами. Поддержание и контроль запаховой нормативности в рассматриваемом районе включает сенсорное патрулирование и поддержание сенсорного микропорядка. Перечисленные в статье, а также многие другие действия по поддержанию сенсорного порядка, способствуют формированию агентности жителей нового района — обретению ими самостоятельности и возможности отстаивать свои интересы, а также навыков согласованных коллективных действий. То, что коллективные действия и опыты вызываются сенсорностью, лишней раз подчеркивает ее значимость и необходимость дальнейших исследований.

Литература

- Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 13–39.
- Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Т. 3. № 34. С. 23–34.

Свирков В. П. Учет «Розы ветров» при проектировании зданий, сооружений и предприятий дорожной индустрии // Сборник докладов Республиканской научно-технической конференции аспирантов, магистрантов и студентов «Инновации в технике и технологии дорожно-транспортного комплекса». Секция «Дорожная климатология». Ч. 5. Минск: БНТУ, 2013.

Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. «Вконтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе в Санкт-Петербурге // *Laboratorium*. 2020. (в печати)

Atkinson R. Ecology of Sound: The Sonic Order of urban Space // *Urban studies*. 2007. Vol. 44. № 10. P. 1905–1917. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00420980701471901>

Auyero J., Swistun D. A. Flammable: Environmental Suffering in an Argentine Shantytown. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Beer B. Boholano Olfaction: Odor Terms, Categories, and Discourses // *The Senses and Society*. 2014. Vol. 9. № 2. P. 151–173. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589314X13953118734788>

Classen C. Foundations for an Anthropology of the Senses // *International Social Science Journal*. 1997. Vol. 49. № 153. P. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.1997.tb00032.x>

Classen C. Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // *American Ethnologist*. 1990. Vol. 17. № 4. P. 722–735. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1990.17.4.02a00070>

Classen C. V., Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. L.: Taylor & Francis, 1994.

Cohen E. The Broken Cycle: Smell in a Bangkok Soi (Lane) // *Ethnos*. 1988. Vol. 53. № 1–2. P. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141844.1988.9981359>

Dann G., Jacobsen J. K. S. Tourism Smellscapes // *Tourism Geographies*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461668032000034033>

Davis L., Thys-Şenocak L. Heritage and Scent: Research and Exhibition of Istanbul's Changing Smellscapes // *International Journal of Heritage Studies*. 2017. Vol. 23. № 8. P. 723–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1317646>

Diaconu M. Mapping Urban Smellscapes // *Senses and the City: An Interdisciplinary Approach to Urban Sensescape* / Ed. by M. Diaconu, E. Heuberger, R. Mateus-Berr, L. M. Vosicky. L.: Transaction Publishers, 2011.

Elberfeld R. Sensory Dimensions in Intercultural Perspective and the Problem of Modern Media and Technology // *Technology and Cultural Values: On the Edge of the Third Millennium*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003. P. 478–489. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780824844967-030>

Geurts K. Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community. Berkeley: University of California Press, 2003. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936546>

Ghertner D. A. Airpocalypse: Distributions of Life amidst Delhi's Polluted Airs // *Public Culture*. 2020. Vol. 32. № 1. P. 133–162. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-7816329>

Henry T. A. Sanitizing Empire: Japanese Articulations of Korean Otherness and the Construction of Early Colonial Seoul, 1905–1919 // *The Journal of Asian Studies*. 2005. Vol. 64. № 3. P. 639–675. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911805001531>

Henshaw V. *Urban Smellscapes: Understanding and Designing City Smell Environments*. NY: Routledge, 2013. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203072776>

Howes D. Oedipus out of the Trobriands: Sensory Order, Erotogenic Zones, and Psychosexual Development in the Massim Region of Papua New Guinea // *Psychoanalytic Psychology*. 1997. Vol. 14. № 1. P. 43–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0079723>

Howes D. *Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory*. Michigan: University of Michigan Press, 2010. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11852>

Jaffe R. et al. What Does Poverty Feel Like? Urban Inequality and the Politics of Sensation // *Urban Studies*. 2020. Vol. 57. № 5. P. 1015–1031. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098018820177>

Jenner M. Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture // *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 127–144. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207108.003.0007>

- Largey G. P., Watson D. R.* The Sociology of Odors // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol. 77. № 6. P. 1021–1034. DOI: <https://doi.org/10.1086/225257>
- Lorimer H.* Cultural Geography: The Busyness of Being 'More-than-Representational' // *Progress in human geography*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 83–94. DOI: <https://doi.org/10.1191/0309132505ph531pr>
- Low K. E. Y.* Sensing Cities: The Politics of Migrant Sensescapes // *Social Identities*. 2013. Vol. 19. № 2. P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504630.2013.789218>
- Manalansan M. F.* Immigrant Lives and the Politics of Olfaction in the Global City // *The Smell Culture Reader*. NY: Berg, 2006. P. 41–52.
- Montsion J. M., Tan S. K.* Smell This: Singapore's Curry Day and Visceral Citizenship // *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2016. Vol. 37. № 2. P. 209–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjtg.12143>
- Otter C.* Cleansing and Clarifying: Technology and Perception in Nineteenth Century London // *Journal of British Studies*. 2004. Vol. 43. № 1. P. 40–64. DOI: <https://doi.org/10.1086/378374>
- Palipane K.* Towards a Sensory Production of Urban Space: Developing a Conceptual Framework of Inquiry Based on Socio-Sensory Perception. Amsterdam: International RC21 Conference, 2011. P. 7–9.
- Pallasmaa J.* *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. Chichester: John Wiley & Sons, 2012.
- Pink S.* An Urban Tour: The Sensory Sociality of Ethnographic Place-Making // *Ethnography*. 2008. Vol. 9. № 2. P. 175–196. DOI: <https://doi.org/10.1177/1466138108089467>
- Pink S.* *Home Truths: Gender, Domestic Objects and Everyday Life*. L.: Routledge, 2020. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003085614>
- Pink S.* Multimodality, Multisensoriality and Ethnographic Knowing: Social Semiotics and the Phenomenology of Perception // *Qualitative Research*. 2011. Vol. 11. № 3. P. 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794111399835>
- Porteous J. D.* Smellscape // *Progress in Physical Geography*. 1985. Vol. 9. № 3. P. 356–378. DOI: <https://doi.org/10.1177/030913338500900303>
- Postill J., Pink S.* Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web // *Media International Australia*. 2012. Vol. 145. № 1. P. 123–134. DOI: <https://doi.org/10.1177/1329878X1214500114>
- Pow C. P.* Sensing Visceral Urban Politics and Metabolic Exclusion in a Chinese Neighborhood // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2017. Vol. 42. № 2. P. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12161>
- Rice T.* Soundselves: An Acoustemology of Sound and Self in the Edinburgh Royal Infirmary // *Anthropology Today*. 2003. Vol. 19. № 4. P. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8322.00201>
- Rodaway P.* *Sensuous Geographies: Body, Sense and Place*. NY: Routledge, 2002. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203082546>
- Synnott A.* A Sociology of Smell // *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. 1991. Vol. 28. № 4. P. 437–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1991.tb00164.x>
- Tan Q. H.* Scent-orship and Scent-iments on the Scent-ual: The Relational Geographies of Smoke/Smell between Smokers and Non-Smokers in Singapore // *The Senses and Society*. 2016. Vol. 11. № 2. P. 177–198. DOI: <https://doi.org/10.1080/17458927.2016.1190069>
- The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses / Ed. by D. Howes.* Toronto: University of Toronto Press, 1991. № 1. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1993.tb00183.x>
- Vannini P., Waskul D., Gotschalk S.* *The Senses in Self, Culture, and Society*. NY: Routledge, 2011.
- Vigarello G.* *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Xiao J., Tait M., Kang J.* A Perceptual Model of Smellscape Pleasantness // *Cities*. 2018. Vol. 76. P. 105–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.01.013>
- Zardini M.* Toward a Sensorial Urbanism // *Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology*. 2016. P. 141–153. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783035607352-014>

Дата поступления: 05.08.2020

New Residential Districts Ordering: from Language of Smells Description to the Space Sensory Order

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.1

Ekaterina Shishova

Shishova Ekaterina — Junior researcher, Laboratory of Urban Sociology, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, eshishova@hse.ru.

The article analyzes the sensory aspects of urban life in one of the districts in the outskirts of Moscow. Revising the concepts of sensory ordering of space, I analyze the ways how urban dwellers in this district order the space by smell perception. I define three components of sensory ordering: i) the language of sensory experience, ii) ascription of meanings to space and smells localization, iii) actions aimed at supporting the desirable olfactory landscape. The process of creating this language and negotiations about the desirable olfactory landscape are based on adopting the special terms and visualizing the smells. This language allows to interact with the various agents on different levels of power, to transform and control the space. The production of meanings, based on smells, influences the district identity. Both positive and negative smell perception produce the value of the district, while the negative smells acts differently and devalues the other city territories. Citizens actions support the sensory normativity: through sensory patrolling (different ways of detecting the smells) and microordering (creating the cleanliness and freshness within neighborhoods). These ways of ordering sensory experience and creating olfactory landscape help to explain the interaction between district dwellers, the principles of how their agency is formed, and the principles of being responsible for the space.

Keywords: sensory order; smells; olfactory landscape; new residential districts; sensory multimodality

References

- Atkinson R. (2007) Ecology of Sound: The Sonic Order of Urban Space. *Urban studies*. Vol. 44. No. 10. P. 1905–1917. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00420980701471901>
- Auyero J., Swistun D. A. (2009) *Flammable: Environmental Suffering in an Argentine Shantytown*. Oxford: Oxford University Press.
- Beer B. (2014) Boholano Olfaction: Odor Terms, Categories, and Discourses. *The Senses and Society*. Vol. 9. No. 2. P. 151–173. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589314X13953118734788>
- Brednikova O., Zaporozhec O. (2014) Mikrourbanizm. Lovushka dlya goroda [Microurbanism. Trap for city]. *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. The city in details]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 13–39. (In Russ.)
- Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2020) “Vkontakte” s sosedyami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse v Sankt-Peterburge [“Vkontakte” with neighbours: traits and practices of hybrid neighbourhood in large housing estates of Saint-Petersburg]. *Laboratorium*. (In Press, in Russ.)
- Classen C. (1997) Foundations for an Anthropology of the Senses. *International Social Science Journal*. Vol. 49. No. 153. P. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.1997.tb00032.x>
- Classen C. (1990) Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon. *American ethnologist*. Vol. 17. No. 4. P. 722–735. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.1990.17.4.02a00070>
- Classen C. V., Classen C., Howes D., Synnott A. (1994) *Aroma: The Cultural History of Smell*. L.: Taylor & Francis.
- Cohen E. (1988) The Broken Cycle: Smell in a Bangkok Soi (Lane). *Ethnos*. Vol. 53. No. 1–2. P. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141844.1988.9981359>

- Dann G., Jacobsen J. K.S. (2003) Tourism Smellscapes. *Tourism Geographies*. Vol. 5. No. 1. P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461668032000034033>
- Davis L., Thys-Şenocak L. (2017) Heritage and Scent: Research and Exhibition of Istanbul's Changing Smellscapes. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 23. No. 8. P. 723–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2017.1317646>
- Diaconu M. (2011) Mapping Urban Smellscapes. *Senses and the City: An Interdisciplinary Approach to Urban Senses* / Ed. by M. Diaconu, E. Heuberger, R. Mateus-Berr, L. M. Vosicky. L.: Transaction Publishers.
- Elberfeld R. (2003) Sensory Dimensions in Intercultural Perspective and the Problem of Modern Media and Technology. *Technology and Cultural Values: On the Edge of the Third Millennium*. Honolulu: University of Hawaii Press. P. 478–489. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780824844967-030>
- Geurts K. (2003) *Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936546>
- Ghertner D. A. (2020) Airpocalypse: Distributions of Life amidst Delhi's Polluted Airs. *Public Culture*. Vol. 32. No. 1. P. 133–162. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-7816329>
- Henry T.A. (2005) Sanitizing Empire: Japanese Articulations of Korean Otherness and the Construction of Early Colonial Seoul, 1905–1919. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 64. No. 3. P. 639–675. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911805001531>
- Henshaw V. (2013) *Urban Smellscapes: Understanding and Designing City Smell Environments*. NY: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203072776>
- Howes D. (ed.) (1991) *The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses*. No. 1. Toronto: University of Toronto Press. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1993.tb00183.x>
- Howes D. (1997) Oedipus out of the Trobriands: Sensory Order, Erotogenic Zones, and Psychosexual Development in the Massim Region of Papua New Guinea. *Psychoanalytic Psychology*. Vol. 14. No. 1. P. 43–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0079723>
- Howes D. (2010) *Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory*. Michigan: University of Michigan Press. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11852>
- Jaffe R. et al. (2020) What Does Poverty Feel Like? Urban Inequality and the Politics of Sensation. *Urban Studies*. Vol. 57. No. 5. P. 1015–1031. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098018820177>
- Jenner M. (2000) Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture. *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas*. Oxford: Oxford University Press. P. 127–144. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207108.003.0007>
- Largey G. P., Watson D. R. (1972) The Sociology of Odors. *American Journal of Sociology*. Vol. 77. No. 6. P. 1021–1034. DOI: <https://doi.org/10.1086/225257>
- Lorimer H. (2005) Cultural Geography: the Busyness of Being 'More-than-Representational'. *Progress in human geography*. Vol. 29. No. 1. P. 83–94. DOI: <https://doi.org/10.1191/0309132505ph531pr>
- Low K. E. (2013) Sensing Cities: the Politics of Migrant Senses. *Social Identities*. Vol. 19. No. 2. P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504630.2013.789218>
- Manalansan M. F. (2006) Immigrant Lives and the Politics of Olfaction in the Global City. *The Smell Culture Reader*. NY: Berg. P. 41–52.
- Montsion J. M., Tan S. K. (2016) Smell This: Singapore's Curry Day and Visceral Citizenship. *Singapore Journal of Tropical Geography*. Vol. 37. No. 2. P. 209–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjtg.12143>
- Otter C. (2004) Cleansing and Clarifying: Technology and Perception in Nineteenth Century London. *Journal of British Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 40–64. DOI: <https://doi.org/10.1086/378374>
- Palipane K. (2011) *Towards a Sensory Production of Urban Space: Developing a Conceptual Framework of Inquiry Based On Socio-Sensory Perception*. Amsterdam: International RC21 Conference. P. 7–9.
- Pallasmaa J. (2012) *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Pink S. (2008) An Urban Tour: The Sensory Sociality of Ethnographic Place-Making. *Ethnography*. Vol. 9. No. 2. P. 175–196. DOI: <https://doi.org/10.1177/1466138108089467>

- Pink S. (2020) *Home Truths: Gender, Domestic Objects and Everyday Life*. L.: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003085614>
- Pink S. (2011) Multimodality, Multisensoriality and Ethnographic Knowing: Social Semiotics and the Phenomenology of Perception. *Qualitative research*. Vol. 11. No. 3. P. 261–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794111399835>
- Porteous J. D. (1985) Smellscape. *Progress in Physical Geography*. Vol. 9. No. 3. P. 356–378. DOI: <https://doi.org/10.1177/030913338500900303>
- Postill J., Pink S. (2012) Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web. *Media International Australia*. Vol. 145. No. 1. P. 123–134. <https://doi.org/10.1177/1329878X1214500114>
- Pow C. P. (2017) Sensing Visceral Urban Politics and Metabolic Exclusion in a Chinese Neighbourhood. *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 42. No. 2. P. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12161>
- Rice T. (2003) Soundselves: An Acoustemology of Sound and Self in the Edinburgh Royal Infirmary. *Anthropology Today*. Vol. 19. No. 4. P. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8322.00201>
- Rodaway P. (2002) *Sensuous Geographies: Body, Sense and Place*. NY: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203082546>
- Svirkov V. P. (2013) Uchet "Rozy vetrov" pri proektirovanii zdaniy, sooruzhenij i predpriyatij dorozhnoj industrii [Usage of wind rose in building and road enterprises designing]. *Sbornik dokladov Respublikanskoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii aspirantov, magistrantov i studentov "Innovacii v tekhnike i tekhnologii dorozhno-transportnogo kompleksa". Sekciya "Dorozhnaya klimatologiya"* [The reports collection of Republic scientific and technical conference for bachelors, masters and PhD students "Techniques and technologies innovations in country's transport and road services"]. Vol. 5. Minsk: BNTU. (In Russ.)
- Synnott A. (1991) A Sociology of Smell. *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. Vol. 28. No. 4. P. 437–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1991.tb00164.x>
- Tan Q. H. (2016) Scent-orship and Scent-iments on the Scent-ual: the Relational Geographies of Smoke/Smell between Smokers and Non-Smokers in Singapore. *The Senses and Society*. Vol. 11. No. 2. P. 177–198. DOI: <https://doi.org/10.1080/17458927.2016.1190069>
- Vannini P., Waskul D., Gotschalk S. (2011) *The Senses in Self, Culture, and Society*. NY: Routledge.
- Vigarello G. (1988) *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Volkov V. V., Harhordin O. V. (2008) *Teoriya praktik* [Theory of practice]. SPb.: EUSPb. (In Russ.)
- Xiao J., Tait M., Kang J. (2018) A Perceptual Model of Smellscape Pleasantness. *Cities*. Vol. 76. P. 105–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.01.013>
- Zardini M. (2016) Toward a Sensorial Urbanism. *Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology*. P. 141–153. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783035607352-014>
- Zimmel G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' [The Metropolis and Mental Life]. *Logos*. Vol. 3. No. 34. P. 23–34. (In Russ.)

Received: 05.08.2020

Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.2

Ссылка для цитирования:

Шталенкова К. И. Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 31–49. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.2>

For citation:

Shtalenkova K. I. (2020) The Dynamics of Currency Design in the Socio-Historical Context. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 31–49. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.2>

Ксения Шталенкова*

Цель данной статьи — показать динамику дизайна денег в социально-историческом контексте от античных монет до электронных платежных операций. Дизайн денег позволяет выявить символические особенности практик обмена в зависимости от конкретного исторического периода, в котором функционируют те или иные формы денег. Поэтому здесь важен визуальный аспект денег, который на уровне зримого касается материальных свойств денег, а на уровне непосредственно визуального характеризует специфику репрезентаций, используемых в дизайне. При этом важно анализировать взаимосвязь зримого и визуального в дизайне денег с точки зрения их функциональности, что позволяет концептуализировать деньги не как объект, а как процесс, рассматриваемый через материальные и политические системы, которые создают деньги и управляют ими. Таким образом, дизайн открывает перспективное исследовательское поле, в котором можно оценить междисциплинарный потенциал денег как объекта исследования, не отделяя их экономическое значение от культурного. С помощью концепции свидетельства (evidence) М. Энгельке в статье комплексно анализируются символические функции денег с точки зрения трансформации идеологических импликаций, характерных для дизайна. Кроме того, деньги

* Шталенкова Ксения — магистр социологии, докторант философии, ассистент, Европейский гуманитарный университет, kseniya.shtalenkova@ehu.lt.

классифицируются на основании их визуальной типологии, что демонстрирует, как с их дематериализацией не только меняется символический аспект практик обмена, но также реструктурируются и сами социальные отношения. С одной стороны, может показаться, что в условиях дигитализации финансовые обмены упрощаются, становясь более свободными и прозрачными, и с приобретением деньгами незримой природы устраняется возможность идеологического манипулирования с помощью их дизайна. Однако на самом деле социальные отношения приобретают более сложный и асимметричный характер, поскольку власть, управляющая деньгами, не только становится невидимой и, как следствие, неуловимой, но проникает в сами процессы, связанные с функционированием денег.

Ключевые слова: визуальное; деньги; дематериализация; дигитализация; дизайн денег; идеология; социальное свидетельство

Несмотря на визуальную избыточность, пронизывающую повседневность в цифровую эру, деньги, которые все еще остаются одним из ключевых медиаторов социальных отношений, дематериализуются и становятся буквально невидимыми. И хотя электронные платежные операции пока не вытеснили наличные¹, социальные практики, основанные на взаимодействии с деньгами, в этих условиях неизбежно трансформируются. Тем не менее эти практики не теряют своей физической составляющей, хотя и приобретают новые особенности: наиболее распространенный пример здесь — использование банковской карты вместо материальных форм денег. Разрозненные бумажные банкноты и металлические монеты, требующие вместительного портмоне, превращаются в абстрактный капитал, которым можно распоряжаться с помощью компактного пластикового прямоугольника с магнитной полосой. Это уже не деньги как объект, а сервис, позволяющий совершать платежные операции более технологичным способом. Однако банковская карта все еще обладает материальностью — ей присущи тактильные и визуальные свойства, кроме того, с символической точки зрения она является означаемым капитала наравне с монетами и банкнотами.

Более инновационная социальная практика — проведение операций с помощью сервисов мобильных платежей² и электронных кошельков³. Например, в сервисе Apple Pay банковские карты пользователя оцифровываются через

¹ Хотя сектор электронных платежных операций растет, по данным на 2017 год, около 80% платежей в мире проводилось наличными деньгами (Вукичевич, 2017). О широком использовании материальных форм денег говорит и всплеск тревоги, связанной с возможностью массового распространения вируса через банкноты и монеты в период пандемии Covid-19 (см.: Answer Bank: Can Covid-19 Be Spread Through Coins and Banknotes? // China Global Television Network. 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-12/Answer-Bank-Can-COVID-19-be-spread-through-coins-and-banknotes--QqxRcI1ssw/index.html> (дата обращения: 02.09.2020)).

² Сервисы мобильных платежей позволяют совершать платежные операции с помощью устройств мобильной телекоммуникационной сети.

³ Электронный кошелек представляет собой смарт-карту или другой электронный носитель, в который встроен чип. Он позволяет хранить электронные деньги и осуществлять различные платежи.

приложение Wallet на iPhone, а платежи проводятся с помощью беспроводной связи смартфона либо синхронизированных с ним других девайсов производства Apple. В данном случае тактильность, сведенная к физическому взаимодействию с экраном девайса, нивелируется, а визуальным означающим денег становится числовое выражение их количества, отображающееся на экране. Так в процессе дигитализации социальных практик обмен материальными формами денег между двумя индивидами, наделенный контекстуальным значением, заменяется на индивидуальный абстрактный жест взаимодействия с девайсом, физическое присутствие которого минимизировано⁴ (van Campenhout et al., 2013: 13). Однако полное устранение этого присутствия пока не видится практически реализуемым: несмотря на бесконтактный характер электронных платежных операций, их связь с материальным миром по-прежнему опосредуется визуально.

Хотя деньги как объект превращаются в абстрактный массив данных, обычно визуализируемый только как числовая проекция, визуализации практик взаимодействия с деньгами в электронных сервисах могут приобретать более сложные формы⁵. То есть, несмотря на дематериализацию денег, важным остается дизайн, формирующий не только объектность денег, но и их функциональность, которая не сводится лишь к вопросу удобства и эстетики. С момента изобретения чеканной монеты в Малой Азии в VII в. до н. э. (Sear, 2006: xviii) как первой формы денег, специально изготавливающейся как эквивалент, в отличие от более примитивных готовых форм в виде особо ценных товаров⁶, деньги наделяются различными материальными, и в первую очередь визуальными, характеристиками, обретающими значение в контексте их использования. Так, дизайн визуально проявляет символические особенности практик обмена в зависимости от социально-исторического контекста, в котором функционируют те или иные формы денег. И если отталкиваться от функционального аспекта и понимать деньги не как объект, а как процесс, рассматриваемый через материальные и политические системы, создающие деньги и управляющие ими (Truitt, 2020), то дизайн открывает перспективное исследовательское поле, в котором можно оценить междисциплинарный потенциал денег как объекта исследования, не отделяя экономику от ее культурного значения. Кроме того, рассматривая через призму дизайна деньги как процесс, можно выстроить в один ряд практики использования монет и банкнот, а также электронные платежные операции, что позволяет шире взглянуть на проблему дематериализации денег.

Дигитализация подразумевает под дематериализацией высвобождение информационного содержания от его носителя, в процессе чего последний исчезает, а информация свободно движется через сети и девайсы (Worgsich,

⁴ Проведение платежей с помощью девайса Apple Watch все же приобретает новое значение, поскольку это своеобразное «встраивание» практики взаимодействия с деньгами в телесность пользователя через наручные часы. Однако пока это скорее исключение из общей тенденции.

⁵ Например, в виде иконографии как набора иконок, визуализирующих типы банковских операций, или графиков платежей в приложениях интернет-банков.

⁶ Например, скот, меха, жемчуг и т.д.

2015: 175), что характерно для электронных платежных операций. Однако процесс дематериализации денег начинается гораздо раньше: с позиции информационно-коммуникативного значения денег первым шагом к их освобождению от материального носителя следует считать введение металлических денег, которые не только имеют собственную ценность как товар, но также приобретают символические функции, став означаящим других материальных ценностей в качестве меры стоимости товаров (Никитин, 2013). Поэтому для более систематичного анализа дематериализации в данной статье будет показана динамика дизайна денег в социально-историческом контексте от античных монет до электронных платежных операций. В ходе анализа с помощью концепции свидетельства (evidence) Мэттью Энгельке будет продемонстрировано, какие идеологические импликации характерны для дизайна денег, а также будет представлена визуальная типология денег в контексте эволюции их символических функций.

Деньги как социальное свидетельство: идеологические импликации дизайна

Говоря о визуальном значении денег, необходимо различать их видимую составляющую и непосредственно визуальность. Так, обращаясь к типологии зримого (visible) и видимого (visual) Жака Омона (Aumont, 1997), можно сказать, что для денег в первом случае подразумеваются их материальные особенности, а второе понятие выражает специфику визуальных репрезентаций, использованных в дизайне денег. На трансформацию символических функций денег влияют обе категории, однако долгое время их взаимосвязь концептуализировалась в исследованиях денег лишь с точки зрения материальности, из-за чего в исследовательском фокусе чаще всего оказывался лишь один аспект. Так, в ходе критики классической политэкономии Карл Маркс видит символическое значение денег с позиции материализации труда (Маркс, 1959: 50–51), в контексте чего придание монете или слитку золота внешней формы представляется ему лишь технической операцией (Маркс, 1959: 90). Вместе с этим он обращает внимание на «национальные мундиры», которые деньги носят в качестве монет и снимают на мировом рынке (Маркс, 1960: 135), однако полагает, что функциональное бытие денег поглощает их материальное бытие (Маркс, 1960: 139–140). Для Зиммеля, поставившего себе задачу подвести под историческим материализмом новый ярус в разработке концепции философии денег, значение имеют обе их функции⁷, а материальность обретает значение в контексте отображения этапов интеллектуализации социальных отношений с развитием денежной

⁷ Такое разделение денег позднее концептуализируется и Никласом Луманом в его модели медиакоммуникации, в которой деньги в своем материальном воплощении рассматриваются как медиа, или способ распространения коммуникации, благодаря чему происходит эволюция денег как абстрактного механизма коммуникации, то есть символически генерализированных медиа (Луман, 2005).

экономики (Simmel, 2004: 150). Так, деньги конкретных исторических периодов как визуальный символ репрезентируют отношения, которые ассоциируются с ними в моральном, интеллектуальном, правовом и политическом измерении (Simmel, 2004: 127). В частности, обладание деньгами, по мнению Зиммеля, способно вызвать у субъектов уверенность в политической организации и порядке государства-эмитента, что он характеризует как квазирелигиозную веру в деньги (Simmel, 2004: 178). Кроме того, с точки зрения развития форм денег Зиммеля интересует и специфика эволюции ассоциирующихся с ними символов — например, он отмечает, как на монеты наносятся изображения более примитивных объектов, связанных с обменом, что позволяет выявить символическое значение денег на уровне визуальных репрезентаций (Simmel, 2004: 143). После Зиммеля о необходимости произвести визуальный анализ банкнот говорит и Вальтер Беньямин, хотя в их дизайне он видит лишь мифологизацию капитализма (Беньямин, 2012: 68). Тем не менее на долгое время визуальный потенциал денег в целом остается вне исследовательского поля.

К концу 1980-х годов в социологии появляется концепция социальной дифференциации денег Вивианы Зелизер, где абсолютной модели рыночных денег противопоставляется множественность денег с точки зрения их неоднозначной функциональности (Зелизер, 2004). В это же время антропологи Морис Блох и Джонатан Парри создают концепцию морального аспекта обмена деньгами с точки зрения многообразия их культурного значения (Bloch, Parry, 1989). Отсюда появляется возможность расширить понимание символических функций денег и вывести их за пределы чисто социально-экономического поля. В этом ключе следует упомянуть исследования Билла Морера, который, применяя антропологический инструментарий, подвергает критике семиотику денег в контексте кризиса их значений (Maurer, 2006). Морер, однако, не рассматривает концепцию символического обмена Жана Бодрийяра в смысле разрыва означающего в виде зарплаты, с одной стороны, и цен с референтом в виде общественного экономического производства, с другой (Бодрийяр, 2000). В антропологическом поле работает и Кит Харт, который отмечает, что использование денег всегда одновременно является личным и обезличенным, в этом контексте он рассматривает и специфику визуальных репрезентаций, используемых в дизайне денег (Hart, 2007).

Визуальные исследования предлагают рассмотреть символическое значение денег на политическом уровне, что делает, к примеру, Кристина Мак-Гинли: прибегая к концепции интерпелляции Луи Альтюссера, она в контексте взаимного утверждения субъектов через обмен национальной валютой рассматривает связь визуальных образов в дизайне денег с идеологией государства-эмитента (McGuinley, 1993). В свою очередь, Эрик Хелляйнер, продолжая идеи Зиммеля, рассматривает режимы взаимодействия национальной валюты с конструированием национальной идентичности от подтверждения государственного суверенитета до превращения национальной валюты в объект квазирелигиозной веры (Helleiner, 1998). Джош Лауэр развивает последний тезис, обращая внимание на то, что посредством кодирования через визуальные образы государство-эмитент легитимирует

свое право утверждать себя в этом статусе, что придает символическому характеру квазирелигиозной веры в национальную валюту материальный характер (Lauer, 2008). Более поздние работы других авторов, занимающихся визуальными исследованиями денег, в целом продолжают эту тенденцию, включая в исследовательское поле такие новые сюжеты, как, к примеру, участие негосударственных акторов в процессе формирования репрезентаций, продвигающих национальный образ (Penrose, 2011), а также влияние дизайна денег на желание совершать покупки (Borcsich, 2015). Тем не менее такие исследования все больше уходят в сторону разделения дисциплин, в то время как исследования дизайна денег позволяют комплексно взглянуть на их символические функции в процессе дематериализации.

Так, концепция свидетельства (evidence) Энгельке (Engelke, 2008) для исследований денег как процесса в контексте трансформаций дизайна представляет не только методологический, но и эпистемологический интерес. Это метод исследования, позволяющий определить специфику взаимоотношений объекта исследования и знания, которое объект может производить и благодаря которому он может существовать. Свидетельство как объект исследования необходимо рассматривать в контексте спектра вопросов, предъявляемых к полю, в котором это свидетельство изучается. Поэтому важна и междисциплинарная перспектива метода: Энгельке отмечает, что концепция свидетельства, с одной стороны, способствует более глубокому пониманию разделения знания по дисциплинам, а с другой — инициирует более активное взаимодействие между экспертами из различных областей, открывая при этом новые ракурсы анализа привычных объектов. Благодаря этому свидетельство трансформируется из статуса инструмента (evidence-as-tool) для добычи знания в статус свидетельства как качественной характеристики (evidence-as-quality) или условия (evidence-as-condition), в котором разворачивается та или иная социальная практика, что позволяет выявить ее или сделать очевидной, «засвидетельствованной» (evident). Отсюда появляется возможность анализа, основанного на взаимном дополнении дедуктивного и индуктивного методов исследования.

Энгельке выделяет четыре основные категории, в которых предлагается характеризовать объекты исследования как свидетельство. Во-первых, это масштаб (scale), то есть способность свидетельства охватывать различные сферы, связанные с формированием знания. Во-вторых, это количество и качество (quantity and quality), то есть свойства свидетельства, благодаря которым его можно классифицировать как данные. В-третьих, это достоверность (certainty), то есть возможность использовать свидетельство как подтверждение практики, что включает и адекватность интерпретаций, основанных на свидетельстве. В-четвертых, это интенция (intention), то есть проявление агентности свидетельства в контексте воспроизводства конкретных социальных практик. При этом Энгельке отмечает, что свидетельство все же детерминируется в контексте борьбы давлений и режимов, в условиях чего формируется как само свидетельство, так и вопросы, предъявляемые к полю его функционирования. Поэтому свидетельство не просто указывает

на какие-либо факты и истины (truth), но всегда существует в конкретной ситуации и для конкретных индивидов, которые имеют отношение к этой ситуации. В связи с этим социальное свидетельство (social evidence) не обладает объективностью, но должно рассматриваться через функции и значение тех социальных практик, для выявления которых оно может являться своего рода уликой.

Рассматривая деньги как объект свидетельства в категориях, предлагаемых Энгельке, можно убедиться, что деньги широко охватывают сферы, связанные с производством знания, одновременно являясь и результатом, и медиатором социальных отношений. В этом смысле деньги видятся как работа «всеобщего интеллекта», превращающего знание в непосредственную производительную силу, что позволяет контролировать и преобразовывать условия общественного жизненного процесса (Маркс, 1969: 127). Однако если Маркса в этом контексте деньги интересуют преимущественно как развитие основного капитала, то метод Энгельке позволяет шире взглянуть на эпистемологический потенциал денег в междисциплинарном ключе, благодаря чему различные качества денег можно рассматривать комплексно, а не по отдельности. Здесь появляется возможность включить в исследовательское поле и дизайн, а главным вопросом к этому полю становится следующий: каково значение визуального для эволюции функциональности денег в условиях их дематериализации? А концептуализация денег как процесса позволяет объединить использование свидетельства в статусе качественных характеристик и условий развертывания социальных практик, что подчеркивает двойственную роль денег в производстве знания.

Если применить категорию масштаба, деньги были одним из наиболее распространенных медиаторов социальных отношений на экономическом, политическом и культурном уровнях на протяжении всей истории своего существования. В этом смысле благодаря дизайну, визуально выражающему символические функции денег, можно узнать, для каких сфер имеет актуальность их обращение, а также как их функциональность опосредует производство знания. Следовательно, визуальное позволяет оценить характер распространения денег и той информации, которую они транслируют. Отсюда вытекает категория количества и качества, которая демонстрирует характеристики денег как медиатора социальных отношений в контексте их социально-исторических трансформаций. С помощью анализа дизайна можно классифицировать деньги согласно свойствам, благодаря которым они приобретают свой статус и через которые они могут сообщать данные о социальных отношениях в конкретный исторический период. Таким образом, визуальное позволяет установить, какие существуют типы денег в контексте трансформации их физических качеств. В свою очередь, категория достоверности связана с фактом признания денег в их функциональном статусе, который способен подтвердить существование конкретной социальной практики. В данном случае дизайн призван определить, какие свойства того, что считается деньгами, обуславливают формирование соответственных социальных практик. С этой точки зрения, визуальное

позволяет выявить функциональные особенности материальных денег различных исторических периодов⁸, а также электронных платежных операций. Что же касается категорий интенции и агентности в контексте воспроизводства социальных практик, то деньги способны устанавливать различные режимы символических отношений между субъектами, участвующими в обмене денег. Здесь уместно вспомнить концепцию множественных денег по Зелизер, моральный аспект обмена по Блоху и Парри и идентификацию в политическом контексте, а дизайн здесь демонстрирует, как с помощью визуальных средств устанавливаются такие практики. Понимаемое таким образом визуальное позволяет определить предназначение репрезентаций, используемых в дизайне денег.

Визуальный аспект денег как свидетельства, способного охарактеризовать качественную и контекстуальную специфику социальных отношений в конкретный исторический период, демонстрирует свою многомерность. Кроме того, анализ визуального в дизайне денег различных исторических периодов способен выявить закономерности в трансформациях социальных отношений в связи с переходом на те или иные деньги. Тем не менее, хотя деньги являются одним из наиболее распространенных средств визуальной коммуникации, их зримая сторона нередко ускользает от взгляда индивидов, которые ими пользуются, что связано с первоочередной финансовой ценностью денег. По этой причине внимания требует не только вопрос, как индивиды смотрят на деньги в смысле восприятия дизайна и его функциональности, но также и каковы внешние причины, фокусирующие взгляд на деньги, то есть в чем специфика систем, управляющих деньгами как процессом. Возникает вопрос идеологических импликаций дизайна денег как социального свидетельства, лишённого объективности: кто создает деньги и как их создатели визуально утверждают свою власть? Если рассмотреть аспект производства знания, мы убедимся, что дизайн денег не только делает зримой символическую специфику практик обмена, но посредством этого придает материальный характер идеологии. Говоря о материальности идеологии, Альтюссер в свое время отмечал, что в реальности все, принимающее форму политической и экономической борьбы на уровне материальных отношений, на уровне культуры обретает форму борьбы за легитимацию доминирующих значений (Althusser, 2014: 184–187). Это согласуется и с тезисами В. Волошинова, высказанными еще в начале XX в., но ставшими известными западным исследователям лишь в конце 1970-х годов: область идеологии совпадает с областью знака, и каждый идеологический знак существует не только в сознании субъекта, но оказывается материальной частью самой действительности (Волошинов, 1993: 13). Идеология не может существовать вне материального мира, а дизайн денег оказывается прекрасным инструментом для ее материализации, в связи с чем необходимо рассмотреть, как меняются взаимоотношения дизайна и идеологии в контексте дематериализации денег.

⁸ Сюда входят как подлинные деньги, так и поддельные, поскольку они в равной степени способны сообщать данные о социально-исторических обстоятельствах.

Дематериализация денег: от нескрываемой пропаганды к невидимому контролю субъекта

История дизайна денег в социально-историческом контексте охватывает около двадцати восьми веков, при этом наиболее длительной практикой их дематериализации является использование монет, возникших как первая стадия этого процесса в античный период и используемых по сей день. Если исходить из категории «масштаба» монет как свидетельства, то следует обратиться к этимологии их названия — древнегреческое «nomisma» (монета), обозначающее денежный знак определенной формы⁹, веса и номинала, а также с особыми визуальными символами, является производным от слова «nomos» (закон). Так очерчивается экономическая, политическая и правовая функциональность этой формы денег в конкретных географических пределах, что остается актуальным и в более поздние периоды использования монет¹⁰. Для категории «количества и качества» интерес представляет тиражируемость монет, а также качество металлов и их весовое соотношение для изготовления одной монеты как денежной единицы. В этом смысле трансформации дизайна монет отображают, как они приобретают символический характер с постепенным переходом на менее ценные металлы. С точки зрения «достоверности» металлические деньги функционально придают материальный характер символическому аспекту социальных практик обмена между двумя индивидами, который включает в себя практики проверки подлинности монет, способов их переноса и хранения, а также составления коллекций монет¹¹. В свою очередь, категория «интенции» монет как свидетельства с позиций дизайна оказывается самой чувствительной переменной, предлагая рассмотрение визуальных данных, наиболее интересных с точки зрения идеологических импликаций.

Так, в Древней Греции в дизайн монет включались различные изображения, начиная от растений и животных и заканчивая текстовой информацией, так называемой «легенды монеты». Эти изображения символизировали локации, в которых выпускались и функционировали конкретные монеты, и особое место среди них занимали антропоморфные изображения, наиболее симптоматично проявляющие характер присутствия власти (что верно и для других форм денег). В период расцвета полисов на монетах появились стилизованные портреты богов-покровителей, связывая политический и правовой характер репрезентаций с религиозным вневременным сознанием. Первым реальным человеком, изображенным на монетах, стал Александр Македонский, но большинство выпусков с его портретом

⁹ Преимущественно округлой, что впоследствии станет каноном, хотя среди старинных монет встречаются и исключения.

¹⁰ Латинское «moneta» (предвозвестница, советчица) — один из эпитетов богини Юноны, который происходит от глагола «monere» (указывать, наставлять).

¹¹ При этом сложно определить, в чем состоит функциональное значение двусторонности монет как социальной практики. Это замечание в равной степени касается и бумажных денег.

отчеканено после его смерти — этот прием его преемники использовали, чтобы легитимировать собственную власть, обращаясь к наследию империи Александра (Kakavas, 2016). Однако вскоре преемники Александра для подтверждения своей власти и ее продвижения начинают выпускать монеты с собственными реалистичными портретами, что становится новой традицией в дизайне, сохранившейся до XXI века¹². Визуальные репрезентации монет Римской Империи приобретают еще более выраженный характер пропаганды, освещающей события повседневности и прославляющей милитаристские кампании, а также деятельность императоров и членов их семей. В этот период возникла и практика выпуска коммеморативных, то есть памятных монет, с помощью которых правящие императоры прославляли усопших членов своих семей. Далее, в дизайне монет Византийской империи появляется обращение к истории, ведущей отсчет от событий Нового Завета¹³, что не было характерно для античных монет, при этом происходит канонизация живых правителей как помазанников Божьих. Сюжеты монет государств, возникавших в Западной Европе, начиная с этого времени и до появления в Европе XVIII в. бумажных денег, преимущественно конструировались в пределах тех вариаций, которые сложились в дизайне монет в античное время.

Что касается бумажных денег, то с точки зрения категории «масштаба» их функциональность соизмерима со свойствами монет, но на уровне категории «количества и качества» они имеют иные свойства. При этом следует различать кредитные, то есть обеспеченные золотом, и фиатные, то есть не обеспеченные золотом деньги, чья номинальная стоимость устанавливается и гарантируется государством вне зависимости от стоимости материала, из которого изготовлены эти деньги. Переход на бумажные деньги свидетельствует об интеллектуализации социально-экономических отношений, кроме того, по сравнению с монетами бумажные деньги являются более тиражируемыми — деньги попадают в руки к большему числу людей. С позиции категории «достоверности» меняются и социальные практики, связанные с материальной функциональностью бумажных денег — одним из примеров этого может послужить трансформация дизайна предметов для ношения денег¹⁴. А в отношении категории «интенции» с появлением бумажных денег возникает новая традиция дизайна: если первоначально это только текстовая информация, то с развитием печатных технологий появляются возможности использовать более сложные композиции с геральдическими знаками и другими изображениями. Введение бумажных денег совпадает с Великой французской революцией и распространением идей Просвещения в Западной Европе, когда под государством подразумевается уже не только монарх, но общность субъектов. Поэтому в дизайне банкнот

¹² Например, на монетах номиналом в 1 и 2 евро, отчеканенных в Испании, изображен портрет короля Филиппа VI.

¹³ При этом даты в дизайне монет появляются лишь в XIII в.

¹⁴ То есть различных мешочков, сумочек и кошельков, вплоть до холдера для банковских карт (а иногда и банкнот), который прикрепляется к оборотной стороне смартфона.

используются не портреты живых правителей¹⁵, а антропоморфные аллегии. Это согласуется и с материальным характером банкнот — ведь в отличие от монет, обладающих собственной ценностью, они являются лишь чистым символом денег. В дизайне возникла и новая составляющая: подпись лиц, являющихся хранителями государственной казны, а также предупреждение о преследовании по закону в случае подделки денег.

Со второй половины XIX века в дизайне банкнот появляются полноценные исторические репрезентации с использованием портретов правителей прежних эпох — например, русских царей и императоров из дома Романовых на рублях российской империи. После Первой мировой войны с распространением в Европе социалистических движений, а также благодаря развитию фотографии, возникает тенденция изображать на банкнотах обычных людей. Это можно расценить как стремление властей, выпускающих деньги, продублировать реальность и подтвердить ее правдивость через дизайн. Своего апогея такие репрезентации достигают при тоталитарных режимах, где фокус на физической силе оказывает стабилизирующий, завораживающий эффект, следуя метафоре Сьюзан Зонтаг (Sontag, 1980), как в случае оккупационных денег Третьего Рейха, изображающих представителей поработанных масс (Рисунок 1). В дизайне советских рублей повседневные образы советского человека с 1937 года вытесняются портретами Владимира Ленина, которые сначала как бы обещают скорое приближение светлого будущего, а после Второй мировой войны монументализируются (Рисунок 2). В дизайне бумажных денег других государств в этот период происходит возврат к историческим репрезентациям, однако вместо государственных деятелей чаще используются портреты художников, писателей, музыкантов и ученых. Начиная с 1980-х годов в дизайне денег различных стран постепенно появляются сюжеты без портретов, связанные с природным и историко-культурным наследием, а с приходом XXI века репрезентации становятся все более абстрактными. Это говорит об интеллектуализации самого дизайна, артикулирующего культурное многообразие и духовные ценности. Однако, несмотря на такую кажущуюся нейтральность, дизайн банкнот по-прежнему имеет политический характер — на деньгах может появиться только то, ценность чего утверждена правящей властью, хотя сама по себе она становится невидимой.

Переход на практики бесконтактных платежей оказывается наиболее революционным в контексте дематериализации денег. С точки зрения категории «масштаба» их распространения происходит высвобождение денежного потока от материального носителя, в случае использования криптовалют это также и манифестация свободы от государственных институтов. На уровне категории «количества и качества», как уже упоминалось ранее, электронные

¹⁵ Даже в период Французской империи портреты Наполеона Бонапарта размещались только на монетах, а банкноты изображали аллегию Свободы (Марианну) и другие персонификации. В других государствах XIX века практиковалась схожая система, впрочем, в XX веке в некоторых государствах Азии (например, во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже) выпускались банкноты с изображениями реальных действующих правителей.

Рисунок 1. Оккупационные денежные знаки Центрального эмиссионного Банка Украины, 1942 г. Источник: (Орлов, 2008: 472–477).

Рисунок 2. Билеты Государственного банка СССР образца 1937 г. — сверху, 1947 г. — в центре и 1961 г. — снизу.

Источник: (Орлов, 2008: 318, 330, 335).

платежные операции приобретают абстрактный характер денежного массива, что свидетельствует об установлении более сложных ценностных связей между объектами. Что касается категории «достоверности», функциональные особенности бесконтактных платежей, обуславливающие возникновение новых социальных практик, приобретают все более индивидуализированный и эргономичный характер. Кроме того, важен и аспект персонализации данных, благодаря которой социальные отношения, опосредуемые электронными платежными операциями, становятся более прозрачными, все труднее сохранять анонимность, повышается уровень контроля пользователей, что также продиктовано целями безопасности и охраны личного капитала.

С позиций категории «интенции» репрезентации, связанные с персонализацией в дизайне сервисов электронных платежных операций, приобретают иной эффект. Присвоение карте имени действительно наделяет капитал значением личного обладания, хотя на самом деле этот капитал многократно используется в обращении активов банков, которые выпускают карты. Тем не менее, по сравнению с монетами и банкнотами, преимущественно изображавших правителей, которые выпускали государственные деньги и являлись их гарантом, или исторических деятелей, чьи портреты как бы демонстрировали ценность их вклада в государственную историю, а следовательно, и государственный капитал, дизайн банковской карты позволяет визуальнo закрепить высвобождающий эффект дематериализации денег в период дигитализации социальных отношений. В целом же дизайн банковских карт обычно имеет отвлеченный характер, оперируя образами, визуализирующими идеи свободы, независимости и мобильности, дополнительно продвигая индивидуалистические ценности, что демонстрирует разрыв с традициями дизайна монет и банкнот, для которых важнее детерминация власти (нередко, впрочем, остающаяся невидимой). В свою очередь, в дизайне логотипов криптовалют происходит попытка совмещать традиционные образы, например, в виде круглых форм, отсылающих к монетам, как в логотипе биткойна (Рисунок 3), и абстракции, визуализирующие процессы блокчейна и других технологий, связанных с разработкой криптовалют.

Рисунок 3. Логотип биткойна.

Источник: Bitcoin. URL: <https://bitcoin.org/en/> (дата обращения 05.09.2020).

В этом смысле визуальные репрезентации электронных платежных операций становятся более умозрительными и лишенными глубинного смысла, что позволяет говорить о попытке устранить из дизайна денег идеологические импликации. Так с утратой зримости исчезает и идеология, в контексте дигитализации денег трансформирующаяся в контроль, пропитывающий социальные отношения, медиатором которых являются деньги.

Заключение

Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте демонстрирует, что с их дематериализацией не только меняется символический аспект практик обмена, но также реструктурируются и сами социальные отношения. В этом смысле визуальная и функциональная многомерность дизайна денег, рассматриваемого с помощью концепции свидетельства Энгельке, позволяет изучать эту проблему в комплексе экономических, политических и культурных значений денег. Отсюда появляется возможность проследить разноплановость трансформации символических функций денег как процесса.

Применив категорию «масштаба», мы видим, что в процессе дематериализации деньги приближаются к своему идеальному «воплощению», лишённому носителя. С одной стороны, это способствует более свободному обращению денег, пронизывающих самые разные сферы производства знания, а с другой — позволяет деньгам освободиться и от символических функций на политическом уровне. Однако категория «количества и качества» показывает, что деньги приобретают все более интеллектуальный характер в контексте социально-экономических отношений, то есть в этом смысле символизм их значения, напротив, достигает высшей точки, где соединяются функциональность и абстрактная идея.

С позиций категории «достоверности» трансформации социальных практик, связанных с использованием денег, движутся по траектории индивидуализации и персонализации, так что обмен приобретает утилитарное значение вне символического контекста. Это также верно и на уровне категории «интенции» с точки зрения значения визуальных репрезентаций, используемых в дизайне денег для опосредования режимов взаимодействия между субъектами и их самоидентификации с позиции исторического сознания.

В отношении идеологических импликаций дизайна в исторические периоды, в которые основным денежным носителем являлась монета, деньги несли более уведомительную и пропагандистскую функцию в контексте повседневности. С появлением бумажных денег их коммуникативные особенности постепенно трансформировались в скорее познавательный и даже образовательный спектр задач, чья идеологическая детерминированность оказывалась замаскирована использованием деполитизированных образов в исторических нарративах. С переходом на электронные платежные операции, в условиях которых деньги становятся незримыми, минимизируются

и возможности идеологизации с помощью средств дизайна, в контексте чего манипулирование из визуального воздействия трансформируется в невидимый контроль субъекта в условиях реального времени. Так социальные отношения, которые, казалось бы, упрощаются, становясь более свободными и прозрачными в условиях дигитализации, на самом деле приобретают более сложный и асимметричный характер, поскольку власть, управляющая деньгами, не только становится невидимой, но оказывается неуловимой в тотальной тождественности всем процессам, связанным с функционированием денег.

Литература

- Беньямин В.* Улица с односторонним движением. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Волошинов В.* Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993.
- Вукичевич Н.* Платежи: наличные vs. безналичные // Водяной знак. 2017. Т. 125–126. № 3–4. С. 16–21.
- Зелизер В.* Социальное значение денег. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Луман Н.* Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
- Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1969.
- Никитин А. П.* Деньги как средство социальной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 54. № 2. С. 129–132.
- Орлов А.* Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск: Минская фабрика цветной печати, 2008.
- Althusser L.* On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses. L., NY: Verso, 2014.
- Aumont J.* The Image. L.: British Film Institute, 1997.
- Bloch M., Parry J.* Money and the Morality of Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511621659>
- Borcuch A.* Money and Design // Journal of Economics and Business Research. 2015. № 1. P. 171–181. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2644815>
- Engelke M.* The Objects of Evidence: Anthropological Approaches to the Production of Knowledge // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2008. № 14. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2008.00489.x>
- Hart K.* Money is Always Personal and Impersonal // Anthropology today. 2007. Vol. 23. № 5. P. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2007.00536.x>
- Helleiner E.* National Currencies and National Identities // American Behaviour Scientist. 1998. Vol. 10. № 41. P. 1409–1436. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764298041010004>
- Kakavas G.* Hellenistic Royal Portraiture on Coins // Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World / Ed. by C. A. Picon, S. Hemingway. NY: Metropolitan Museum of Art, 2016. P. 70–76.
- Lauer J.* Money as Mass Communication: U. S. Paper Currency and the Iconography of Nationalism // The Communication Review. 2008. Vol. 11. № 2. P. 109–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/10714420802068359>
- Maurer B.* The Anthropology of Money // Annual Review of Anthropology. 2006. № 35. P. 15–36. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.35.081705.123127>

McGinley Ch. Coining Nationality: Woman as Spectacle on the 19th Century Currency // *American Transcendant Quaterly*. 1993. Vol. 7. № 3. P. 247–269.

Penrose J. Designing the Nation. Banknotes, Banal Nationalism and Alternative Conceptions of the State // *Political Geography*. 2011. Vol. 30. № 8. P. 429–440. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2011.09.007>

Sear D. R. *Greek Coins and Their Values*. L.: Spink and Son Ltd, 2006.

Simmel G. *The Philosophy of Money*. L., NY: Routledge, 2004.

Sontag S. Fascinating Fascism // *Under the Sign of Saturn*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 1980. P. 73–105.

Truitt A. Money // *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. 2020. URL: <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/money> (дата обращения: 02.09.2020).

van Campenhout L., Frens J., Overbeeke K., Standaert A., Peremans H. Physical Interaction in a Dematerialized World // *International Journal of Design*. 2013. Vol. 7. № 1. P. 1–18.

Дата поступления: 05.08.2020

.....

The Dynamics of Currency Design in the Socio-Historical Context

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.2

Kseniya Shtalenkova

Shtalenkova Kseniya – MA in Sociology, Doctorate student, Assistant lecturer, European Humanities University, kseniya.shtalenkova@ehu.lt.

The purpose of this article is to show the dynamics of currency design in a socio-historical context, from antique coins to electronic payment transactions. Currency design visualizes the symbolic features of exchange depending on the types of money circulating in certain historical periods. Therefore, the visual aspect of money is important here, which at the level of the visible concerns the material features of money, and at the level of the visual characterizes the specifics of representations used in currency design. It is crucial to analyze the relationship between the visible and the visual in currency design from the point of its functionality, which makes it possible to conceptualize money not as an object, but as a process approached through the material and political systems that create and control money. Hence, currency design highlights the perspective of multidisciplinary potential of money as an object of research, which can be assessed without separating economics from cultural significance. Using the concept of evidence by M. Engelke, this article analyzes the symbolic complex of money functions in the context of the ideological implications shifting with the transformations of currency design. In addition, money is classified according to its visual typology, which demonstrates, in the process of dematerialization, the changes in the symbolic aspect of exchange, which stimulates restructuring of social relations. It may seem that in the conditions of digitalization, social relations are simplified, becoming more free and transparent as once the money becomes invisible, the possibility of ideological manipulation through currency design is vanishing. But, in reality, social relations acquire a more complex and asymmetric features, since the power that controls money not only becomes invisible and, as a result, elusive, but transfuses the very processes associated with the functioning of money.

Keywords: currency design; dematerialization; digitalization; ideology; money; social evidence; visual

References

- Althusser L. (2014) *On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses*. L., NY: Verso.
- Aumont J. (1997) *The Image*. L.: British Film Institute.
- Baudrillard J. (2000) *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. M.: Dobrosvet. (In Russ.)
- Benjamin W. (2012) *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniem* [One-Way Street]. M.: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Bloch M., Parry J. (1989) *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511621659>
- Borcuch A. (2015) Money and Design. *Journal of Economics and Business Research*. No. 1. P. 171–181. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2644815>
- Engelke M. (2008) The Objects of Evidence: Anthropological Approaches to the Production of Knowledge. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. No. 14. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2008.00489.x>
- Hart K. (2007) Money is Always Personal and Impersonal. *Anthropology today*. Vol. 23. No. 5. P. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2007.00536.x>
- Helleiner E. (1998) National Currencies and National Identities. *American Behaviour Scientist*. Vol. 41. No. 10. P. 1409–1436. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764298041010004>
- Kakavas G. (2016) Hellenistic Royal Portraiture on Coins. *Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World* / Ed. by C. A. Picon, S. Hemingway. NY: Metropolitan Museum of Art. P. 70–76.
- Lauer J. (2008) Money as Mass Communication: U. S. Paper Currency and the Iconography of Nationalism. *The Communication Review*. Vol. 11. No. 2. P. 109–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/10714420802068359>
- Luhmann N. (2005) *Media kommunikatsii* [Media of Communication]. M.: Logos. (In Russ.)
- Marx K. (1959) K kritike politicheskoi ekonomii [A Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)
- Marx K. (1960) Kapital [Capital]. *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)
- Marx K. (1969) Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Sochineniya* [Works]. Vol. 46. P. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)
- Maurer B. (2006) The Anthropology of Money. *Annual Review of Anthropology*. No. 35. P. 15–36. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.35.081705.123127>
- McGinley Ch. (1993) Coining Nationality: Woman as Spectacle on the 19th Century Currency. *American Transcendant Quaterly*. Vol. 7. No. 3. P. 247–269.
- Nikitin A. P. (2013) Den'gi kak sredstvo sotsial'noi kommunikatsii [Money as Meanss of Social Communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. Vol. 54. No. 2. P. 129–132. (In Russ.)
- Orlov A. (2008) *Bumazhnye denezhnye znaki v Belarusi* [Paper Money in Belarus]. Minsk: Minskaya fabrika tsvetnoi pechati. (In Russ.)
- Penrose J. (2011) Designing the Nation. Banknotes, Banal Nationalism and Alternative Conceptions of the State. *Political Geography*. Vol. 30. No. 8. P. 429–440. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2011.09.007>
- Sear D. R. (2006) *Greek Coins and Their Values*. L.: Spink and Son Ltd.
- Simmel G. (2004) *The Philosophy of Money*. L., NY: Routledge.
- Sontag S. (1980) Fascinating Fascism. *Under the Sign of Saturn*. NY: Farrar, Straus and Giroux. P. 73–105.
- Truitt A. (2020) Money. *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. URL: <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/money> (accessed 2 September 2020).

van Campenhout L., Fréns J., Overbeeke K., Standaert A., Peremans H. (2013) Physical Interaction in a Dematerialized World. *International Journal of Design*. Vol. 7. No. 1. P. 1–18.

Voloshinov V. (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the Philosophy of Language]. M.: Labirint. (In Russ.)

Vukichevich H. (2017) Platezhi: nalichnye vs. beznalichnye [Payments: Cash vs Contactless Payments]. *Vodianoj znak*. Vol. 125–126. No. 3–4. P. 16–21. (In Russ.)

Zelizer V. (2004) *Sotsial'noe znachenie deneg* [The Social Meaning of Money]. M.: Izd. dom GU VShE. (In Russ.)

Received: 05.08.2020

Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.3

Ссылка для цитирования:

Заиченко Н. А., Савельева Е. А. Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 50–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>

For citation:

Zaichenko N. A., Savelyeva E. A. (2020) Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg Schools. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 50–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>

Наталья Заиченко*, Елена Савельева**

В статье представлены результаты двухлетнего исследования проблемы гендерной сегрегации в педагогических коллективах школ Санкт-Петербурга. Тема раскрывается через представления всех категорий участников образовательных отношений (учителей, родителей, учеников и руководителей) о наличии/отсутствии данной проблемы. Выявлены некоторые зависимости представлений респондентов о гендерном неравенстве от возраста, пола и типа респондентов. Наиболее «гендерно зависимыми» оказались педагоги старше сорока лет и руководители; учителя-мужчины чаще акцентируют гендерные различия, чем учителя-женщины; старшеклассники не связывают глубину понимания предмета и яркость преподавания с полом учителя; родители старшеклассников при найме репетиторов отдают предпочтение педагогам-мужчинам, а родители детей младшего возраста «дискриминируют» учителей-мужчин и предпочитают учителей женского пола.

* Заиченко Наталья — кандидат педагогических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, zanat@hse.ru.

** Савельева Елена — магистр государственного и муниципального управления, заместитель директора школы № 555 «Белогорье» г. Санкт-Петербурга, workbox1983@mail.ru.

В целом для педагогических коллективов школьной системы Санкт-Петербурга гендерная сегрегация не является очевидной проблемой, и система образования не проблематизирует гендерное неравенство, традиционно поддерживая разность гендерных ролей.

Ключевые слова: дискурс; гендер; гендерная сегрегация; гендерные стереотипы; гендерный дисбаланс; общее образование; учитель

Введение

Тема «гендера» как исследовательская проблема, в том числе в контексте учительского труда, актуализирована в современных исследованиях по таким направлениям, как феминизация образовательной отрасли (Воронина, 2004; Серова, 2011); специфика разделения труда на «мужские» и «женские» роли и гендерные контракты (Темкина, Роткирх, 2002; Мезенцева, 2003; Баскакова, Соболева, 2017); проблемы гендерного неравенства при выборе образовательной траектории (Бессуднов, Малик, 2018) и гендерного порядка для начинающих педагогов (Клецина, 2016); гендерной асимметрии на рынках труда (Силласте, 2004; Мальцева, Нестерова, 2009; Бурчакова, Хожемпо, 2015) и гендерного образования (Костикова, 2001; Ярская-Смирнова, 2001; Шустова, 2009; Клецина, 2016; Скоморохова, 2015).

Исследователи отмечают явление феминизации в качестве одной из основных характеристик сферы образования, под которой понимается количественное увеличение женщин — представителей данной профессии, усиление их влияния и роли в определении социального статуса и формировании моделей реализации профессии (Баскакова, Соболева, 2017; Воронина, 2004; 2018; Калабихина, 2011а; 2017; Серова, 2011). Феминизация отрасли оказывает «негативное воздействие» на цену профессии: чем более феминизирована профессия, тем выше вероятность того, что работающие в ней будут получать относительно низкую заработную плату (Drudy, 2008).

Эта картина гендерного распределения работников образования может быть дополнена и обогащена презентацией представлений о существовании (или отсутствии) гендерных стереотипов у непосредственных производителей и потребителей образовательных услуг в общем (школьном) образовании.

Наше исследовательское любопытство в данной области спровоцировано наблюдаемым противоречием. С одной стороны, мы не можем отрицать наличие гендерных стереотипов, прочно разделяющих роли мужчин и женщин на рынке труда, в т.ч. в сфере образования; с другой стороны — наблюдаем реальные практики «ломки» этих стереотипов именно в отрасли образования и воспитания детей. В детских садах и начальной школе появляются мужчины-воспитатели, а традиционно «неженские предметы», такие как информатика и программирование, преподают женщины; мужчины становятся заместителями директоров по воспитательной работе,

а женщины осваивают компетенции «цифрового обучения». Объективно трансформируется гендерная атмосфера школьного пространства, но как это понимают и интерпретируют участники образовательных отношений — ученики, учителя, родители?

Выбор дискурсивного подхода обусловлен исследовательской целью — выявить представления ключевых участников образовательных отношений о таком социальном конструкте, как гендер. Мы не ставили перед собой задачу объяснить культурные, психологические или социальные истоки разнообразия и/или противоречивости этих представлений. Исследовательский интерес состоял в обнаружении самих различий в представлениях респондентов о социальной роли и статусах школьных учителей-мужчин и учителей-женщин.

В целях исследования были сформулированы гипотезы. Общая гипотеза: рынок услуг общего школьного образования в представлениях его участников гендерно сегрегирован.

Частные гипотезы: (№ 1) проблема гендерной сегрегации в педагогических коллективах проявляется в предпочтениях выбора учителя-мужчины или учителя-женщины у руководителей, родителей и обучающихся; (№ 2) представления респондентов-учителей о гендерной сегрегации в отношении учителей будут различаться в зависимости от возраста респондента; (№ 3) представления респондентов-учителей о гендерной сегрегации в отношении учителей будут различаться в зависимости от пола респондента.

Итак, в нашем контексте дискурс гендера — это презентация устойчивых представлений о гендерном равенстве и/или гендерной сегрегации у самих участников образовательных отношений (учителей, школьников, родителей, руководителей школ) в системе школьного образования.

Теоретическая рамка и нормативный аспект

Теоретическая рамка включает понимание двух теоретических аспектов: дефиниций «дискурса» и «гендера».

В качестве рабочего определения понятия «дискурс» мы используем формулировку Гидденса — Саттона, описавших это понятие как «способ высказывания и мышления о предмете, основанный на общих допущениях и служащий для формирования человеческого понимания этого предмета и действия в отношении него» (Гидденс, Саттон, 2019: 19). Опираясь на подход Гидденса — Саттона и логику Мишеля Фуко как наиболее влиятельного автора теории дискурса, мы принимаем позицию о том, что «...дискурсы способствуют приобретению человеком чувства самости и личностной идентичности. Это служит полезным напоминанием о том, что у человека нет абсолютной свободы мышления, речи и действия — у человеческой деятельности всегда есть пределы» (Гидденс, Саттон, 2019: 21).

Контекст гендерного дискурса связан с социальным основанием, в нашем случае речь идет об образовательных отношениях и субъектах этих отношений. Мы дополняем теоретическую рамку нормативным аспектом — понятием

«образовательные отношения». «Образовательные отношения» определяются действующим Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» как «общественные отношения по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ» (ст. 2).

Признавая полисубъектность этих отношений, в целях исследования мы выделяем среди субъектов обучающихся и их родителей, педагогов и руководителей образовательных организаций. Мы сознательно используем не дискуссионную, а строго законодательную формулировку понятия «образовательные отношения», считая такой подход оптимальным и достаточным для целей нашего исследования.

Феномен «гендера» является базовым для нашей теоретической рамки. Отдавая должное внимание поло-ролевому подходу Парсонса — Бэйлза (Parsons, 1949; Parsons, Ba1es, 1955), мы выясняем процесс закрепления ролевых стереотипов «мужского-женского» через характеристики, где женщина выполняет экспрессивную роль, поддерживающую внутренний эмоциональный фон в отношениях, а мужчина — инструментальную роль, поддерживающую внешние регулятивные связи. Так формируются соответствующие ожидания при имплицитном признании биологического детерминизма ролей. Следует уточнить, что идеи Парсонса акцентированы на ролевых различиях в семейных отношениях, такая сегрегация ролей интерпретируется им как механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, статус, престиж.

Эти представления восходят к подходу Дюркгейма, связанному с общественным разделением труда между полами: их отзвуки и основанные на них стереотипы мы находим и в ответах наших респондентов, также полагающих, что в результате социального развития «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными» (Дюркгейм, 1991).

Теоретические основания для гендерного подхода мы берем из рабочего определения Гидденса — Саттона (Гидденс, Саттон, 2019: 98) в формулировке «ожидаемые и приемлемые для членов данного общества социальные, культурные, психологические особенности и поведение». Гендер выстраивается общественным мнением как некая социально одобряемая модель поведения женщин и мужчин, которая определяет их роль и положение в таких институтах, как семья, политика, экономика, образование. Мы опираемся также на тезис Дж. Батлер (Butler, 2004) о том, что гендер — это перформатив, некая социокультурная игра, неустойчивая социальная категория, изменчивая и вариативная. Натурализованной реализацией гендера становится норма, которую постоянно переустанавливают через культурные ритуалы, в частности через речевую нормализацию. Для исследования образовательных отношений тема речевой нормализации кажется очень перспективной, но наше исследование лишь касается этой проблематики через анализ высказываний респондентов, на примере которых мы и рассматриваем гендерный дискурс в представлениях участников образовательных отношений в школьном образовании.

Гендерная проблематика в сфере труда достаточно полно представлена в российских исследованиях (Мальцева, Рошин, 2007; Баскакова, 2003; Здравомыслова, Темкина, 2003) с акцентом на то, что «одной из наиболее часто обсуждаемых проблем становится гендерная сегрегация — разнорепрезентативность мужчин и женщин в различных сферах деятельности» (Мальцева, Нестерова, 2009), гендерная асимметрия (Гриненко, 2014), гендерная стереотипизация (Кулагина, 2016). Исследователи рынка труда придерживаются позиции, что гендерная сегрегация и гендерная дискриминация не тождественные термины. Сегрегация «может складываться как под воздействием внешних ограничений (социальных, институциональных) для мужчин и женщин, так и в результате свободного выбора сфер и форм занятости, на основе существующих индивидуальных предпочтений, что не является дискриминацией» (Мальцева, Нестерова, 2009).

Гендерную сегрегацию описывают как явление, представляющее собой неравномерное распределение работников разного пола между отраслями, секторами экономики, профессиями и видами деятельности. Кроме того, гендерная сегрегация рассматривается также как состояние внутренних рынков труда, определяющее особенности трудового поведения работников разного пола и действий работодателей по отношению к ним. В этом контексте данное явление определяется как тенденция к устойчивому разделению мужчин и женщин по разным сферам деятельности.

Многие исследователи (Калабихина, 2017; Мальцева, Рошин, 2007; Силласте и др., 2004) обращают внимание на устойчивость явления горизонтальной и вертикальной сегрегации в России и выделяют три направления ее формирования: (1) классическое проявление «стеклянного потолка» или объединение механизмов «стеклянного потолка» и «липкого пола»; (2) проявление действия «стеклянных стен»; (3) дискриминация женщин при приеме на работу.

Наши гипотезы выстроены в том числе на основании работ российских исследователей, но специфицированы на рынок образовательных услуг.

Базовую аргументацию для методологии исследования мы находим в социально-конструктивистском подходе (Berger, Luckmann, 1966). В «социологии знания» П. Бергера и Т. Лукмана социальная реальность является одновременно объективной и субъективной, то есть и независимой от индивида, и постоянно создаваемой индивидом. Сфера знания — это и теоретические концепты, и обыденное знание как некий запас навыков, опытов и стереотипов, которым оперирует человечество в мире повседневности. В нашем случае представления субъектов школьного образования о социальной роли мужчин и женщин в профессии «учитель» основано именно на обыденном, опривыченном знании.

Итак, под гендерным дискурсом, в соответствии со сложившейся теоретико-методологической традицией, мы будем понимать презентацию гендерных ролей в контексте образовательных отношений в системе школьного образования.

Методология исследования

Логика исследования выстроена таким образом, чтобы можно было выявить представления ключевых участников образовательных отношений о наличии (отсутствии) проблемы гендерной сегрегации в общем образовании, исходя из множественности их характеристик. Мы выбрали следующие основания для выявления различий и/или сходств в представлениях о гендерной сегрегации в школьном образовании:

- (1) по типам участников образовательных отношений: учитель, ученик, родитель, руководитель организации;
- (2) по полу участников-учителей и руководителей образовательных организаций;
- (3) по возрасту участников-учителей;
- (4) по стажу работы (опыту) в образовательной организации участников-учителей.

Исследуя феномен гендерной сегрегации в системе общего образования с точки зрения представлений самих участников образовательных отношений, мы включили в перечень респондентов и интервьюеров лиц, находящихся на следующих ролевых позициях: учитель, руководитель, ученик, родитель.

Дополнительной «опцией» к исследованию стала выделенная роль руководителей (директоров школ и их заместителей) в части их предпочтений при выборе кандидатов на должность учителя.

Исследование проводилось в школах Санкт-Петербурга, расположенных в разных районах. Репрезентативность выборки обоснована несколькими характеристиками: 1) в выборке присутствуют все типы школ (гимназии, лицеи, общеобразовательные, с углубленным изучением предметов), кроме коррекционных; 2) территориальное размещение представлено всеми типами районов города — промышленные, спальные, центральные (исторические) районы; 3) структура совокупности респондентов-учителей по полу и возрасту соответствует структуре учителей по полу и возрасту всей генеральной совокупности.

Исследование проводилось в два этапа: первый этап в 2018 г.; второй — в 2019 г.

На первом этапе необходимо было выявить гендерную структуру рынка труда учителей, соответствие ее российской структуре по параметру «доля педагогов-мужчин по должностям, занимаемые ими должности в административно-управленческом звене, а также их «возраст» в профессии».

В качестве метода исследования был выбран сравнительный анализ статистических данных по руководящему и педагогическому составу в 153 школах Санкт-Петербурга, в том числе: 47 школ Приморского района Санкт-Петербурга, 32 школы Московского района, 20 школ Василеостровского района, 18 школ Петроградского района, 36 школ Красносельского района. В выборку не вошли специализированные образовательные организации (спортивные интернаты, коррекционные школы, школы для детей с ослабленным

здоровьем). Таким образом, в среднем представленные школы составили 89% образовательных организаций выделенных районов.

Объектом анализа стали педагогические коллективы школ в количестве 7678 человек из пяти районов Санкт-Петербурга, дифференцированных по полу и по занимаемой должности. Обработка полученных данных производилась в компьютерной программе Microsoft Office Excel.

Второй этап исследования включал собственно выявление представлений респондентов о гендерной сегрегации у участников образовательных отношений через анкетные опросы. В эту выборку включены респонденты из пяти обозначенных районов. Электронное анкетирование в формате Google-анкеты охватило 723 педагога (из них 101 — респонденты мужского пола, что составило 14% от общего количества респондентов-педагогов в соответствии с реальным гендерным составом педагогических коллективов в России), 594 учащихся, 604 родителя.

Представленные количественные и качественные характеристики выборки и задачи этапов исследования позволили получить валидные результаты.

Санкт-Петербург является мегаполисом, т.е. центром разнообразных услуг, в том числе образовательных. В этом качестве петербургское образовательное пространство может быть неким универсальным «презентационным стандартом гендерной сегрегации», которое включает в себя все возможные представления участников образовательных отношений на уровне городского школьного образования.

Результаты исследования: общая характеристика учительских коллективов

Задача первого этапа исследования состояла в выявлении половозрастной структуры педагогических коллективов городских школ (школ Санкт-Петербурга), подтверждающих или опровергающих среднестатистические данные о преобладании женщин в учительских коллективах городских образовательных организаций.

По результатам международного сравнительного исследования педагогического корпуса по вопросам преподавания и обучения (Rutkowski et al., 2013: 96), доля женщин среди учителей России составляет 85%, чем существенно отличается от других стран (в среднем 68%). В наиболее успешных по результатам PISA² странах доля женщин-учителей — около 65% (Rutkowski et al., 2013: 121). Данные нашего исследования сигнализируют о значительных различиях по доле «представленности» учителей-мужчин по районам города: от 7–8% в центральных районах города с преимущественно небольшими по контингенту школами (напр., Василеостровский) до 18% в районах

² PISA (Programme for International Student Assessment, PISA) — тест, оценивающий функциональную грамотность школьников в разных странах мира и умение применять знания на практике.

спального типа с контингентом более 1–2 тыс. обучающихся (напр., Красносельский район) (рис. 1).

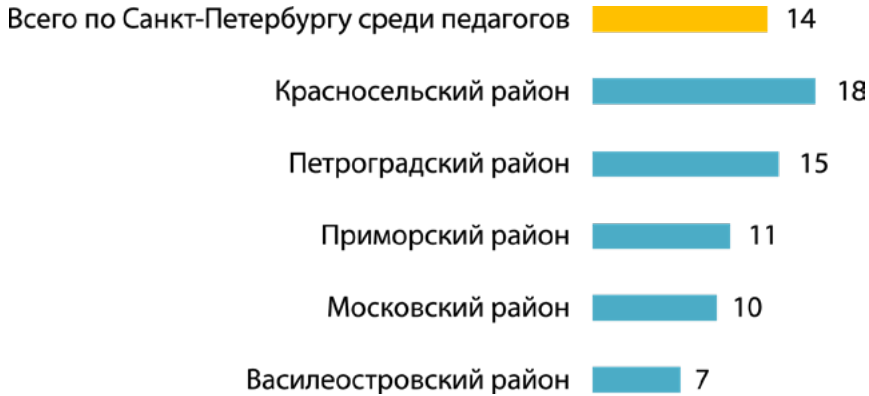

Рисунок 1. Доля учителей-мужчин от общего количества учителей в школьных коллективах в разрезе районов Санкт-Петербурга, %

Самая «популярная роль» педагога-мужчины в школе — это учитель физической культуры (24%), что вполне ожидаемо. Однако такие интуитивные ожидания не оправдываются в отношении должности учителей технологии (только 7% учителей-мужчин) и математики (5% учителей-мужчин), которые «проигрывают» учителям истории и обществознания (в совокупности 16%). Выделяется группа педагогов-мужчин (15%), работающих в отделениях дополнительного образования детей (ОДОД) по физкультурно-оздоровительному и инженерно-техническому (робототехника, информационные технологии) направлениям.

При выяснении мнений учителей о том, можно ли разделить преподаваемые предметы по гендерному признаку, делается очевидным, что у самих учителей есть четкое представление об учительских гендерных ролях: 93% опрошенных считают, что дисциплины естественно-научного профиля больше подходят преподавателям-мужчинам, равно как и физкультура (80%), точные науки (73%), история, право, экономика (56%). Для педагогов-женщин больше подходят изобразительное искусство и музыка (86%), преподавание в начальной школе (85%), русский язык и литература (81%), иностранные языки (77%).

Респонденты-учителя, принимавшие участие в нашем исследовании, наделили педагогов-мужчин такими качествами, как умение руководить (70%), объективность (68%), знание преподаваемого предмета (65%), справедливость и честность (60%). Женщины-учителя, по мнению респондентов, обладают несколько иным набором качеств: любовь к детям (80%), интерес к жизни воспитанников (76%), умение слушать и выслушивать (71%), отзывчивость и доброта (65%).

Представляя гендерную структуру рынка труда учителей Санкт-Петербурга в разрезе включенных в исследование районов, важно отметить

существенный прирост учителей-мужчин, приходящих в педагогическую профессию: за последние пять лет в школы пришло более 60% учителей-мужчин в сравнении с примерно 15% в среднем тех, кто пришел в школу более десяти лет назад (рис. 2).

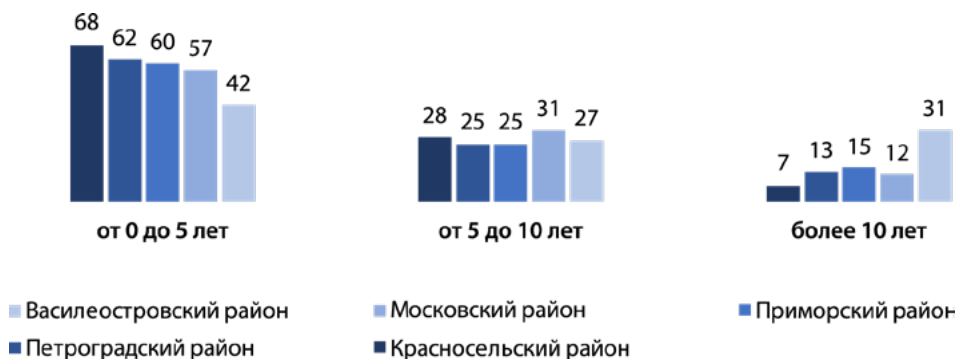

Рисунок 2. Стаж работы учителей-мужчин в разрезе районов Санкт-Петербурга, %

Растущий интерес к профессии подтверждает вовлеченность учителей-мужчин в профессиональные конкурсы. Статистика материалов конкурса «Грани педагогического мастерства» за последние пять лет информирует об увеличении в шесть раз количества учителей-мужчин среди участников и лауреатов конкурса.

По данным конкурса профессионального мастерства «Учитель года России», в котором с 1991 года приняли участие более 1300 педагогов, из 27 победителей — 4 женщины и 23 мужчины. Конечно, эти данные не могут быть основанием для вывода о наличии гендерного неравенства в учительской среде, но вполне могут стать причиной исследовательского интереса к данной теме.

Анализ выборки директоров школ, которые принимали участие в данном исследовании, показал, что в управленческом аппарате представлено 77,6% женщин. Данный показатель существенно выше, чем в других странах, где доля женщин-директоров составляет в среднем 49,8% (а в Австралии, например, их 38,6%, в Финляндии — 40,6%, в Японии — 6%).

Результаты исследования: гендерный дискурс в представлениях педагогов

На втором этапе исследования мы проверяли две гипотезы: (1) о различии представлений респондентов-учителей о гендерной сегрегации в отношении самих учителей в **зависимости от пола** респондента; (2) о различии представлений респондентов-учителей о гендерной сегрегации в отношении учителей в **зависимости от возраста** респондента.

В выборку второго этапа попал 101 учитель-мужчина, что составило 14% от общего количества респондентов и, в свою очередь, совпадает с реальной

гендерной структурой педагогического коллектива в российских школах (о чем речь шла выше); в составе данной группы респондентов 37 директоров школ, 204 заместителя директора, 482 учителя-предметника.

Вопросы анкеты были составлены таким образом, чтобы выявить представления, ощущения, мнения в отношении проявлений гендерной сегрегации в коллективе школы. Мы анализировали полученные ответы, определяя два важных для нас фактора — пол респондентов и их возраст.

Результаты опроса педагогов с учетом их гендерной принадлежности сгруппированы и представлены в следующих обобщающих их тезисах.

1. Пол респондентов повлиял на ответы на вопрос об их представлениях о предпочтениях руководителя при отборе кандидатов на должность учителя: 60% респондентов-женщин считают, что руководитель предпочтет педагога-мужчину, при этом около 70% респондентов-мужчин считают, что выбор руководителя остановится на кандидате женского пола. Женщины-педагоги не ощущают своего «особого положения» в отрасли, тогда как 68% мужчин-педагогов говорят об обратном, подтверждая выявленную тенденцию («внутреннее ощущение») дискриминации.
2. Большинство респондентов (58% женщин и 72% мужчин) полагают, что руководители используют разные управленческие подходы для педагогов-женщин и мужчин, что подтверждают ответы и самих руководителей: *«Невозможно руководить ими одинаково, так же как и использовать одни методы обучения для мальчиков и девочек» (женщина, 49 лет, директор лицея).*
3. Относительно «феминности» учительской профессии у респондентов различаются представления в зависимости от пола: только каждый пятый мужчина соглашается с тем, что это «женская» профессия, тогда как 46% учительниц считают учительство женской прерогативой.
4. Представления учителей о результативности профессиональной деятельности мужчин-педагогов в зависимости от пола вполне равновесны: более половины женщин и почти три четверти% мужчин заявляют, что *«в педагогической профессии мужчина, как правило, достигает лучших результатов, чем женщина»*, то есть находит свое отражение явление «стеклянного потолка», препятствующего женщинам. И по карьерной лестнице, соответственно, мужчина продвигается гораздо успешнее — так считают 83% мужчин и 64% учителей-женщин. Таким образом, в представлениях респондентов-учителей подтверждается наличие признаков гендерной сегрегации, описываемых часто с помощью метафор «стеклянных стены», «стеклянного потолка» и «липкого пола».
5. Предположение о том, что именно рост заработной платы становится причиной увеличения количества педагогов-мужчин, подтверждается мнением учителей: 64% женщин и 84% мужчин согласны с данной гипотезой. В продолжение «денежного» вопроса: о том, кто зарабатывает больше, 32% учительниц предпочитает «не знать», и такая же доля респондентов уверенно говорит, что мужчина в школе зарабатывает

больше. Каждый второй (52%) учитель-мужчина думает так же. Дискриминация женщин как один из признаков гендерной сегрегации подтверждается мнением респондентов о том, что женщина становится более уязвимой при необходимости сокращения, увольнения (ответы 82% женщин и 69% мужчин).

На следующем этапе рассмотрим результаты опроса педагогов в контексте их представлений о гендерной сегрегации, но уже **с учетом возраста**.

Все респонденты были разделены на три больших группы по возрасту: от 20 до 40 лет, от 41 до 55 лет, старше 55 лет. Условно назовем их соответственно «младшая», «средняя» и «старшая» группы.

Вводный вопрос был связан с представлениями о феминности учительской профессии. Ответы респондентов разделились: чем моложе группа респондентов, тем они более склонны к мнению об отсутствии гендерной зависимости в учительской профессии. Так, более 80% из «младшей» группы (от 20 до 40 лет) утверждают, что учительская профессия — универсальная и не «принадлежит» ни одному полу; представители «средней» и «старшей» групп поддерживают это же мнение на 65% и 52% соответственно.

«Младшая» группа не соглашается со своими более старшими коллегами в вопросе о предпочтениях руководителя при отборе кандидатов на должность учителя: 82% молодых респондентов не считают, что руководитель при выборе остановится на кандидате женского пола, независимо от его/ее профессиональных качеств, притом что их старшие коллеги из обеих групп в большинстве своем (72%) уверены, что руководитель предпочтет «выбрать учителя женского пола».

Участники опроса из «младшей» группы свободны и от стереотипа о том, что мужчина достигает лучших результатов в учительской профессии, тогда как педагоги старше 40 лет отмечают наличие этой тенденции (67%). Возможно, разность мнений обусловлена опытом работы в отрасли или давлением стереотипов.

В то же самое время участники анкетирования в большинстве своем (67%) считают, что доходы педагога-мужчины превосходят доходы женщин, и чем моложе респонденты, тем чаще (до 74%) они выделяют гендерное неравенство в доходах.

Продвижение по карьерной лестнице тоже окрашено гендерным неравенством в представлениях педагогов любого возраста, но особенно выделяется «средняя группа» (41–55 лет), участники которой на 78% соглашаются с тем, что мужчины продвигаются по карьерной лестнице *«и чаще и быстрее, все зависит только от их желания...»*.

При этом около 50% респондентов всех возрастных групп высказывают мнение о том, что профессиональное развитие и уровень профессиональных компетенций в преподаваемом предмете никак не связаны с половой принадлежностью, но каждый третий (34,8%) респондент все же считает, что эта зависимость есть, и педагоги мужчины более профессиональны в своих предметах.

Итоговый вопрос был связан с выявлением представлений учителей разных возрастных групп о повышении заработной платы (до средней по экономике региона) как базовом мотиве прихода мужчин на учительские должности в последние пять лет. Мнения респондентов вновь разделились по принципу «кто моложе — тот не согласен». Для представителей профессии в возрасте от 40 лет и старше очевидна взаимосвязь притока мужчин в школу с повышением заработной платы работников образования (76% положительных ответов). Молодые педагоги (50% ответили «не знаю») такой закономерности либо не замечают, что объяснимо — они пришли в профессию уже на измененные ставки окладов и не переживали этого периода перехода, либо не согласны с таким утверждением (34%).

Результаты исследования: гендерный дискурс в представлениях учащихся и родителей

Кроме педагогических работников в исследование были включены родители обучающихся: 604 человека, из них 94 мужчины (15% от общего количества респондентов-родителей).

Родители формируют свои представления в логике стереотипных гендерных различий применительно к преподаваемым предметам, их предпочтения таковы: мужчины лучше справляются с преподаванием физики (85% ответов), физкультуры (79%); математики, истории, обществознания, технологии (по 52% ответов).

Родители утверждают (в 75% случаев), что учителей-мужчин в школе должно быть больше. Кроме того, около 30% из них, вне зависимости от пола, относятся к учителям-мужчинам с большим доверием.

Родители (87%) считают, что тема профессионального роста и развития педагогов никак не связана с половой принадлежностью, и в этом они солидарны с педагогами. Одновременно с этим 43% респондентов не согласны с утверждением, что мужчины в учительской профессии достигают лучших результатов, но в представлениях мужской части опрашиваемых учителя-мужчины быстрее поднимаются по карьерной лестнице.

В целом родители учащихся придерживаются мнения, что пол учителя не имеет значения для качества преподавания. Среди ответов всегда превалирует ответ «не знаю» или «мне все равно», значения которого приближаются к 40–50%, то есть родители откровенно «равнодушны» к теме гендерной асимметрии в педагогических коллективах школ и не считают ее актуальной.

Любопытны комментарии родителей обучающихся 9–11 классов, полученные в ходе дополнительного опроса 167 респондентов по услугам репетиторского рынка. Так, отвечая на вопрос о возможности выбора пола репетитора для подготовки к государственной итоговой аттестации для своего ребенка, родители отмечают, что выберут репетитора-мужчину, полагая, что «знания

у мужчины более высокого уровня, чем у женщины»³. Было также выражено мнение, что мужчин-репетитор на контрасте с женщиной, к которой дети привыкли в школе, научит и подготовит лучше, потому что ребенок будет его слышать: «*репетитор-мужчина выводит из зоны комфорта*».

Важная группа респондентов — сами старшеклассники. Анализируя результаты анкетного опроса 594 человек (290 мальчиков, 304 девочки), можно выделить некоторые тенденции. Для обучающихся важно наличие педагогов-мужчин в школе (73%), хотя пол учителя никак не влияет на интерес к учебе (79%). Предметы, которые лучше будет преподавать учитель-мужчина, — это физическая культура, технология, физика, математика. Такие предметы, как история и обществознание, которые, по мнению руководителей школ и родителей, тоже «подходят» мужчине, учащиеся не выделяют.

Несмотря на то, что подавляющее большинство учителей — женщины, 44% школьников не согласны с утверждением, что учитель в России — профессия для женщин. Некоторую «гендерную диспропорцию» учащиеся демонстрируют в ответах на вопрос о предпочтительности для них пола директора школы: только 13% учащихся выбрали бы женщину на должность директора школы, 37%, при наличии такой возможности, голосовали бы за мужскую кандидатуру, остальная половина просто ушла от ответа на этот вопрос.

На вопрос «...по каким причинам мужчина приходит в профессию “учитель”?» почти половина (44%) респондентов-старшеклассников называют причиной прихода мужчин в школу «*интересную работу*», еще 26% респондентов считают, что мужчины приходят в школу «*по призванию к учительской профессии*», 12% утверждают, что это происходит «*из-за заработной платы*», и только 8% определяют причиной «*легкость работы учителя*». Появляются одиночные ответы старшеклассников (шесть респондентов), связанные с возможным мотивом сексуального характера: «*нравятся юные леди*» или «*можно закрутить роман с девочкой*», что вряд ли может поддерживать идею «дискриминации мужчин» в данной отрасли, но служит сигналом для отдельного исследования.

В целом следует отметить, что интерес к теме у учащихся проявляется сильнее, чем у их родителей. Среди ответов детей гораздо меньший процент ответов (в среднем около 21%) носит безразличный характер («не знаю», «все равно»).

Результаты исследования: гендерный дискурс в представлениях школьного руководства

В данной части статьи представлены результаты двух этапов исследования, проведенных в 2018 и в 2019 годах и посвященных представлениям руководителей школ о гендерных особенностях работы школьных педагогов.

Для определения мнения руководителей образовательных учреждений о проблеме «феминности» общего образования, о гендерной структуре

³ Отражено мнение родителей выпускников 9 и 11 классов вышеперечисленных районов Санкт-Петербурга, высказанное в ходе общешкольного родительского собрания 19.10.2019.

кадрового состава и об особенностях трудовых отношений с педагогом-мужчиной был так же выбран метод анкетирования: директорам школ было предложено ответить на вопросы специально разработанной анкеты. В исследовании приняли участие 42 руководителя — директора и их заместители директора. Дополнительно к анкетному опросу был применен метод интервьюирования, в котором приняли участие 37 директоров.

Первый блок вопросов в анкете и в интервью был ориентирован на изучение отношения респондентов к преобладанию женщин в социально-профессиональной структуре сферы общего образования. 58% Директоров школ, подтверждая факт «феминизации» отрасли общего образования, отрицательно воспринимают преобладание женщин в учительской профессии и указывают на необходимость привлечения мужчин в школу. Значительная часть респондентов (73%) позитивно высказывается о роли женщин-педагогов в образовательном процессе, так как участие женщин делает среду *«...гуманнее, они больше заинтересованы в обучении и воспитании подростков»*. Около 20% опрошенных считают, что преобладание женщин в школе отрицательно сказывается на развитии учащихся.

Обратимся к анализу данных о суждениях директоров школ в части различий в преподавании между педагогами-мужчинами и педагогами-женщинами.

Большинство (88%) директоров считают, что различия имеются, но каждый пятый (21%) директор утверждает, что для него не имеет значения половая принадлежность учителя. Характеризуя стиль работы учителей-женщин, директора использовали такие ответы, как *«создают благоприятную атмосферу»*, *«отличает высокая эмоциональность»*, *«обладают гибкостью в общении»*, *«легче находят общий язык с родителями обучающихся»*, *«доброжелательны, любят детей»*.

Оценивая стиль работы педагогов-мужчин, респонденты используют такие словосочетания, как *«создают дружескую атмосферу и умеют поддерживать дисциплину, владеют аудиторией»*, *«авторитетны, избегают склок и конфликтов»*, *«нейтральны, больше юмора...»*. При этом часть (20%) руководителей считают, что педагоги-мужчины ведут свои предметы профессионально, но слишком требовательны и строги.

Тема «феминизации» учительской профессии звучит в суждениях руководителей: 71% опрошенных отрицательно относятся к «феминизации» профессии учителя, тогда как каждый третий не видит в этом проблемы и не считает значительное преобладание в отрасли педагогов-женщин негативной характеристикой педагогического состава школ.

Важным был вопрос о причинах диспропорционального соотношения женщин и мужчин в образовании. Большинство респондентов в качестве основной причины указывают низкий уровень заработной платы (67%), низкий престиж педагогической профессии (44%); высокие требования к педагогам (24%), «запредельное» количество отчетностей (21%).

Среди причин численного преобладания женщин-педагогов в системе общего образования респонденты выделили следующие: *«женщины лучше и быстрее находят контакт с обучающимися» (52,5%)*; *гендерный стереотип*

о «женских» обязанностях, в связи с чем профессия считается чисто женской (37%); «женщины выбирают данную профессию, потому что не претендуют на более высокую зарплату» (35%).

Интерес представляют ответы руководителей на вопрос о возможных ролях для мужчин, которые директора готовы предложить в своих школах.

Соответствующие ответы директоров были сгруппированы и представлены следующим образом.

Директора считают, что базовыми предметами для учителя-мужчины являются история, обществознание, право (67%), где важна четкость, беспристрастность, сдержанность. Следующими по рейтингу идут ОБЖ и технология (59%), то есть те предметы, где важен «личный пример» преподавателя. Напомним, что, согласно данным анализа гендерной структуры педагогов в исследованных нами районах, предложенного в предыдущей части статьи, 24% педагогов-мужчин работают в должности учителей физической культуры, что составляет абсолютное большинство в сравнении с другими предметами. Директора школ относят педагогов-мужчин по физической культуре к «группе риска», опираясь на реальную практику, в которой присутствуют конфликты между учителями физкультуры, учащимися и их родителями, а также коллегами в связи с повышенными требованиями, отказом учитывать индивидуальные особенности обучающихся, преувеличением значимости спортивных побед и достижений по сравнению с образовательным процессом.

В ходе интервью руководители школ указали должности, на которые, по их мнению, предпочтительнее нанять педагога-мужчину, даже если по опыту или образованию он уступает педагогу-женщине: история и обществознание, основы безопасной жизнедеятельности, технология (технический труд), информатика, физика. Директора отмечают, что такие должности, как учитель начальных классов, музыки, ИЗО, находятся под влиянием существующих гендерных стереотипов у родителей, и преодоление этого барьера требует отдельной работы.

Роль, которую руководители считают «мужской» в составе управленческой команды, — это заместитель директора по учебно-воспитательной работе в основной и средней школе (с акцентом на учебную работу). Функционал такого работника будет включать больше работу с документацией и аналитикой по подготовленности выпускников к государственной итоговой аттестации, мониторингом образовательных результатов в образовательной организации. Руководители отмечают (87%), что никогда бы не поручили мужчине-завучу сопровождение аттестации педагогов и контроль деятельности по реализации программ для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Должности заместителя по безопасности и информатизации образовательного процесса директора также относят к «мужским», ориентируясь на сложившиеся в обществе стереотипы, хотя женщины справляются, в силу необходимости, и с этим функционалом.

Говоря о причинах увеличения доли педагогов-мужчин среди участников конкурса педагогических достижений руководители отмечают, что конкурс направлен в первую очередь на выявление и диссеминацию опыта. И здесь

вновь срабатывает сложившийся стереотип: «учитель-мужчина априори новатор и сможет представить что-то оригинальное»; «у него больше смелости при меньшем опыте»; «да и сама “картинка” выступления, урока, презентации опыта точно будет более живой».

Директора говорят и о том, что мужчина в учительской профессии «все еще редкость», и чтобы не потерять тех, кто есть, конкурсная комиссия обязательно поддержит участника-мужчину.

Анализируя мнение респондентов относительно привлечения учителей-мужчин в школы, отмечаем, что повышение заработной платы и дополнительное материальное стимулирование становятся главным механизмом в решении проблемы увеличения доли мужчин в сфере общего образования. Руководители признаются, что только эта поддержка способна не только привлечь педагогов, но и удержать их на рабочем месте: «Мужчина, прежде всего, добытчик в семье. Его нельзя заинтересовать отпуском в 56 дней, социальным пакетом, выслугой. Главное — материальная составляющая». Среди ответов встречались «откровения»: в случае, когда женщина-учитель давно бы получила взыскание за тот или иной поступок или конфликтную ситуацию, педагог-мужчина будет «помилован и воспитательной беседы для него будет достаточно». Ответы директоров подтверждают, что преимущественный способ решения проблемы дефицита педагогов-мужчин в системе образования усматривается в повышении уровня оплаты труда.

Для подтверждения (или опровержения) адекватности первичных результатов мы повторили в 2019 году опрос и интервью с директорами школ из разных районов Санкт-Петербурга: это были 22 директора школ, четверо из которых — мужчины. Опрос включал те же вопросы, что и анкетирование педагогов, представленное на первом этапе исследования. Ответы респондентов представляют интерес не столько с точки зрения количественных показателей, сколько с качественной стороны, поэтому мы представляем выдержки и комментарии руководителей при ответах на соответствующие открытые вопросы (таблица 1).

Результаты интервью дают возможность сделать вывод о том, что гендерное неравенство в педагогических коллективах поддерживается некоторыми предпочтениями или установками руководителей при найме на работу. Выявлены три варианта действий директора по отбору кандидата на должность:

- (1) «Исхожу только из профессиональных качеств кандидата и выбираю того, кто более полно отвечает моим требованиям». Такой выбор будет «работать» на достижение гендерного равенства.
- (2) «Я выберу более легкий путь, и приму на работу женщину». Такое решение руководителя, вероятнее всего, поддерживает дискриминацию мужчин в отрасли.
- (3) «Объявляя вакансию на должность, я представляю некий образ будущего сотрудника, в том числе знаю, кого — мужчину или женщину — хочу нанять, буду следовать этому образу». Это тоже форма дискриминации, поскольку такой подход говорит о том, что директор заранее увязывает пол учителя с какими-то специфическими задачами.

Выдержки из ответов руководителей на вопросы интервью

Вопросы	Ответы
Можно ли сказать, что профессия учителя в России — это профессия для женщин?	<ul style="list-style-type: none"> — да, такова статистика; — вынужденно женская; — да, виновато государство; — да, это удобно для женщины; — да, женщина сильнее и выносливее; — женщины заполнили освободившуюся нишу; — это традиция с советских времен.
При отборе кандидатов на должность учителя Вы остановите свой выбор на кандидате женского или мужского пола (при прочих равных условиях)?	<ul style="list-style-type: none"> — женщину, с ней спокойнее; — мужчину, это полезно для женского коллектива, стимулирует; — женщину, она более дисциплинирована и ответственна; — женщину, она не откажется от дополнительной неоплачиваемой работы; — сложный вопрос... найм мужчин в школе — трудный путь для руководителя.
Можно ли сказать, что Вы используете различные управленческие подходы по отношению к учителям-мужчинам и учителям-женщинам?	<ul style="list-style-type: none"> — да, конечно, думаю — так в любой профессии; — да, так же как с детьми разного пола мы используем разные методики; — да, мужчин нельзя заставить, недостаточно просто попросить, их надо убеждать, приводить аргументы; — да, и это как-то автоматически происходит; — нельзя так сказать, от ситуации зависит.
Согласны ли Вы с утверждением о том, что в педагогической профессии мужчина достигает лучших результатов, чем женщина?	<ul style="list-style-type: none"> — да, в женском коллективе мужчине легче; — на фоне женского коллектива мужчине легче достичь результатов, чем в мужском; — не столько лучших, сколько быстрее; — просто эти результаты заметнее.
Назовите причины прихода мужчин в профессию.	<ul style="list-style-type: none"> — вполне возможно, что и зарплата; — человек из учительской династии; — привлекает режим и отпуск, как и женщин; — легче было поступить в педагогический вуз, чем в другой, вот он и в профессии; — перспектива более быстрого карьерного роста; — больше никуда не берут; — призвание.
Можно ли утверждать, что в системе образования доходы мужчин выше, чем доходы женщин?	<ul style="list-style-type: none"> — доход зависит от должности, а должность мужчина получит быстрее и выше; — нет, просто они могут заработать во второй половине дня; — тут равные возможности, просто мужчина берет больше нагрузки для заработка.

Вопросы	Ответы
Считаете ли Вы, что педагоги-мужчины быстрее продвигаются по карьерной лестнице?	<ul style="list-style-type: none">— безусловно;— да, и раньше, и сейчас;— да, мужчина — это диковинка в образовании, его надо поддерживать;— да, сбрасывают стереотипы общества;— да, и в любой другой сфере так же;— в принципе — да, если есть амбиции, но есть и те, которым «ничего не надо».
Можно ли утверждать, что педагоги-мужчины профессионально развиваются быстрее?	<ul style="list-style-type: none">— нет;— да, но это не внутренние резервы человека, которые зависят от его половой принадлежности, это представления общества о том, кто и где лучше, выше, быстрее...;— нет, конечно, никакой связи, по крайней мере, мы этого не наблюдаем;— развитие в профессии не зависит от пола, здесь другие причины.
Есть ли какой-то обязательный процент мужчин в педагогическом коллективе?	<ul style="list-style-type: none">— 30% вполне достаточно;— нет, дело не в количестве;— вряд ли есть ответ на такой вопрос;— это уж как получится — в любом случае лучше принимать на работу прежде всего хорошего специалиста.
Зачем учитель-мужчина в школе?	<ul style="list-style-type: none">— для здоровых отношений в коллективе;— это противовес женскому мнению — мужчины мыслят по-другому;— для равновесия в системе воспитания;— для разномыслия;— есть предметы, с которыми мужчины традиционно лучше справляются;— так вопрос ставить нельзя — мы же не спрашиваем, зачем женщина-учитель в школе.

Анализируя ответы респондентов, а также принимая во внимание невербальные коммуникативные средства, сопровождающие интервью, следует отметить демонстрируемую руководителями «гендерную чувствительность», подход, при котором руководитель осознает и реагирует на особенности гендерных отношений в коллективе.

Можно утверждать, что у школьного руководства, как и в педагогической среде в целом, явно представлены гендерные стереотипы. Такие ответы, как «*мужчина — диковинка в образовании, его надо поддержать*», конечно, отражают гендерное неравенство и большую символическую ценность учителей-мужчин.

Принимая во внимание пояснения, данные в интервью, возможно выделить такие основания для описания представлений руководителей о профессиональной роли мужчины в школе, как: (1) работа на достижение результата; (2) работа на формирование коммуникаций; (3) работа на реализацию амбиций; (4) работа на «удовольствие от процесса»; (5) просто работа.

Достижение гендерного равенства в учительской среде рассматривается руководителями в качестве одной из многочисленных ценностных установок и управленческих задач, в ходе решения которых предполагается и «гендерное просвещение» педагогов, некоторый ликбез по гендерной компетентности. При настройке «гендерной линзы» оказывается важным учитывать и пол директора, и гендерную композицию коллектива.

Стиль управления является одним из факторов существования феномена гендерной сегрегации, так как поведение управленца может как провоцировать и усиливать прямую или косвенную дискриминацию, то есть быть «гендерно слепым», так и нивелировать любые ее проявления и обеспечивать гендерный баланс.

Стереотип или норму поведения, лежащую в основе явления «гендерная сегрегация», определяющую в том числе и различия в оплате труда, можно признать институциональной ловушкой (Полтерович, 1999). Феномен «институциональной ловушки» как неэффективной устойчивой нормы (института), имеющей самоподдерживающийся характер, проявляется именно в представлениях людей. В нашем случае ловушка гендерной сегрегации на рынке образовательных услуг закрепляется устойчивыми стереотипами о мужских и женских ролях и поддерживается эффектами «стеклянных стен» и «липкого пола».

Выводы

Результаты исследования позволяют зафиксировать наличие феномена гендерной сегрегации в системе общего образования и его отражение в представлениях педагогов. Эти представления либо поддерживают выявленные признаки гендерного неравенства в отрасли, либо позволяют «уловить» некоторые ощущения и противоречия, которые также представляют интерес для характеристики изучаемого явления.

Точки напряжения гендерного дискурса в представлениях участников образовательных отношений сосредоточены на следующих моментах.

- (1) Диаметрально различны представления педагогов мужчин и женщин о предпочтениях руководителя при отборе кандидатов на должность учителя: 60% респондентов-женщин считают, что руководитель предпочтет педагога-мужчину, но около 70% респондентов-мужчин считают, что предпочтительный выбор руководителя остановится на кандидате женского пола. Ожидания педагогов-мужчин говорят о том, что они видят себя дискриминированными на рынке учительского труда.
- (2) Эти представления вступают в некоторое противоречие с представлениями респондентов-педагогов как мужчин, так и женщин о том, что в случае сокращения штатов как раз педагоги-женщины будут более уязвимы и «дискриминированы».
- (3) Стереотип профессии учителя как «женской профессии» в три раза чаще распространен среди учителей-женщин, и только каждый пятый респондент-мужчина соглашается с этим утверждением.
- (4) Явление «стеклянного потолка и стен» применительно к карьере педагога-женщины подтверждается представлениями респондентов-педагогов о том, что мужчина в педагогической профессии *«достигает лучших результатов и быстрее, чем женщина»*.
- (5) Чем моложе педагоги, тем менее склонны они думать о гендерной уязвимости учительской профессии как «типичной женской», но они же выделяют параметр дохода как «гендерно зависимый», в том смысле, что низкие зарплаты в отрасли делают ее для мужчин непривлекательной.
- (6) Все группы респондентов — учителя, ученики, родители и руководители школ — разделяют стереотипы о том, какие предметы лучше преподавать мужчинам, а какие — женщинам.

Картину дополняют несколько частных выводов.

- (1) В представлениях педагогов-мужчин женщина будет иметь больше шансов при найме на работу, тогда как женщины своего «превосходства» не осознают. При этом руководители при найме на должность учителя действительно учитывают не только профессиональные качества, но и пол, однако их гендерные предпочтения разнонаправлены: учитель-мужчина выглядит, с одной стороны, как «ценный кадр», с другой — как возможный источник проблем, связанных как раз с осознанием своей «ценности». Не все готовы иметь дело с этими проблемами.
- (2) Родители и учащиеся признают важность и необходимость наличия педагогов-мужчин в школе, однако не связывают успешность обучения и мотивацию с полом учителя, преподающего предмет. Родители и учащиеся в большинстве своем нейтральны к теме гендера в педагогических коллективах.

- (3) И педагоги, и руководители школ признают ключевым фактором увеличения притока мужчин в учительскую профессию повышение заработной платы работников образования.
- (4) Возраст респондентов является фактором, влияющим на мнение респондентов относительно гендерного неравенства в педагогических коллективах. Чем моложе педагоги-респонденты, тем более выражена их позиция поддержки гендерного равноправия, и они же в меньшей степени ощущают присутствие гендерных особенностей в профессии.
- (5) Руководители школ признают «неравноправие» в своем отношении к работникам разного пола. Их предпочтения сформулированы в цитате одного из респондентов: *«Мужчины должны быть в школе. Чем больше, тем лучше. Тогда это здоровый коллектив. Но для того, чтобы удержать педагога-мужчину, руководителю надо его постоянно заинтересовывать. Либо материально, либо карьерой. Отсюда их более быстрый рост и более высокий доход».*

В качестве заключения

Явление гендерной сегрегации в пространстве петербургской школы выражено в тенденции к устойчивому ролевому и статусному разделению мужчин и женщин в педагогической профессии. Гендерная сегрегация поддерживается наличием в обществе определенных стереотипов, закрепляющих гендерные роли мужчины и женщины, а также особенности трудового поведения работников разного пола. Последствиями гендерной сегрегации становятся разница в оплате труда и карьерных возможностях мужчин и женщин.

Высокая степень феминизации педагогической профессии и значимая горизонтальная и вертикальная сегрегация сохраняется. В ходе анализа гендерной структуры школьных педагогических коллективов выявлены специфические черты распределения мужчин и женщин, наиболее востребованные педагогами-мужчинами должности, представленность мужчин в управленческой команде школы. Полученные данные позволили выделить тенденцию притока преподавателей-мужчин в профессию за последние пять лет.

Проявление «гендерных характеристик» в представлениях респондентов различно. Следует подчеркнуть, что гендерные особенности проблематизируются именно в суждениях педагогов и руководителей как работников. Для учащихся и, еще в большей степени, родителей как потребителей образовательных услуг проблема гендерных различий в педагогической профессии мало актуальна.

Феномен гендерной сегрегации имеет все характеристики институциональной ловушки, поддерживаемой эффектами культурной инерции и социетальными факторами.

Литература

- Баскакова М. Е.* Образование в России: гендерная асимметрия развития и эффективности ин-вещий // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 5–26.
- Баскакова М. Е., Соболева И. В.* Образовательный потенциал российских работодателей: гендерный аспект // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-83-103>
- Бессуднов А. Р., Малик В. М.* Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135–167. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Бурчакова М. А., Хожемпо В. В.* Гендерная асимметрия в сфере труда в России // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2015. № 1. С. 28–37.
- Воронина О. А.* Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018.
- Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1982-0>
- Гриненко С. В.* Гендерная асимметрия в образовании // Современные научные исследования и инновации. 2014. Т. 3. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/41818> (дата обращения: 02.03.2020).
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.
- Калабихина И. Е.* Гендерный переход и качество жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2011а. № 8. С. 42–48.
- Калабихина И. Е.* Новые подходы к измерению представленности женщин в stem-образовании и stem-занятости в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.21064/winars.2017.1.1>
- Калабихина И. Е.* Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2011б. Т. 3. № 1. С. 149–176.
- Клецина И. С.* Гендерный контекст исследований профессиональной деятельности современных педагогов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. № 18. С. 24–31.
- Костикова И. В., Костикова А. А.* Специфика философии гендерного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 4. С. 1498–1504. DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20170422>
- Кулагина Н. В.* Гендерная стереотипизация и сегрегация в профессиональной сфере как психологические детерминанты внутриличностных гендерных конфликтов // Конфликтология / nota bene. 2016. № 2. С. 158–162. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8965.2016.2.21377>
- Мальцева И. О., Нестерова Д. В.* Гендерная сегрегация на внутреннем рынке труда: источники и последствия. Препринт WP15/2009/04. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2009.
- Мальцева И. О., Рошин С. Ю.* Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007.
- Мезенцева Е. Б.* Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 50–71.
- Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы. 1999. URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf (дата обращения: 14.04.2020).
- Серова А.* Феминизация образования в контексте проблемы гендерного неравенства // Власть. 2011. № 12. С. 95–98.

Силласте Г. Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–133.

Скоморохова Н. А. Гендерный подход в педагогической практике // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. Т. 13. № 4. С. 94–97.

Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

Шустова Л. П. Подготовка педагогов к гендерному образованию и воспитанию детей // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1099> (дата обращения: 13.06.2020).

Ярская-Смирнова Е. П. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Личность и свобода. Саратов: Гос. пед. ин., 2001. С. 192–195.

Butler J. Undoing Gender. L.: Routledge, 2004. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203499627>

Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. L.: Penguin Books, 1966.

Drudy Sh. Gender Balance/Gender Bias: The Teaching Profession and the Impact of Feminization // Gender and Education. 2008. Vol. 20. № 4. P. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540250802190156>

Parsons T. Age and Sex in the Social Structure // *Parsons T.* Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe, 1949. P. 218–232.

Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. NY: The Free University Press, 1955.

Rutkowski D. et al. The TALIS 2013 Conceptual Framework. URL: https://www.oecd.org/education/school/TALIS%20Conceptual%20Framework_FINAL.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

Дата поступления: 25.05.2020

Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg Schools

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.3

Natalia Zaichenko, Elena Savelieva

Zaichenko Natalia – Candidate of Pedagogics, Professor, HSE University in St. Petersburg, zanat@hse.ru.

Savelieva Elena – Master in Public Administration, Deputy Director, School № 555 Belogoriye, St. Petersburg, workbox1983@mail.ru.

This research paper presents results of the two years study aimed at eliciting gender segregation among the teaching school personnel in the schools of St. Petersburg. The topic is being elaborated through the lens of the education relationships stakeholders (teachers, parents, learners, school management) own views on the problem.

Paper shows that the views of the respondents depend on their age, gender and position in school. The most gender-dependent respondents are pedagogues older than 40 and administration staff. Male teachers are more prone to emphasize gender differences than their female colleagues, whereas high school students' involvement in the subject learning and their perceptions of the teaching style are not anyhow connected with the gender of the teacher. However, high school students' parents prefer to hire men as private tutors, just as the primary scholars' parents opt for female teachers against their male colleagues.

The authors conclude that teachers in St. Petersburg schools don't identify gender segregation as an apparent problem, as well as the whole system doesn't struggle with the gender imbalance and gender roles differences.

Keywords: discourse; gender; gender segregation; gender stereotypes; gender imbalance; general education; teacher

References

- Baskakova M. E. (2003) *Образование в России: гендерная асимметрия развития и эффективности инвестиций* [Education in Russia: gender asymmetry of development and investment efficiency]. *Гендерное равенство: поиски решения старых проблем* [Gender equality: searching for solutions to old problems]. M.: MOT. P. 5–26. (In Russ.)
- Baskakova M. E., Soboleva I. V. (2017) *Образовательный потенциал российских работодателей: гендерный аспект* [Educational potential of Russian employers: gender aspect]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues]. No. 4. P. 83–103. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-83-103>
- Berger P. L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. L.: Penguin Books.
- Bessudnov A. R., Malik V. M. (2016) *Social'no-ekonomicheskoe i гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9 го класса средней школы* [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1. P. 135–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Butler J. (2004) *Undoing Gender*. L.: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203499627>
- Burchakova M. A., Hozhempo V. V. (2015) *Гендерная асимметрия в сфере труда в России*. [Gender asymmetry in the field of labour relations in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika*. [RUDN Journal of Economics]. No. 1. P. 28–37. (In Russ.)
- Drudy Sh. (2008) *Gender Balance/Gender Bias: The Teaching Profession and the Impact of Feminization*. *Gender and Education*. Vol. 20. No. 4. P. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540250802190156>
- Dyurkgejm E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. M.: Nauka. (In Russ.)
- Giddens E., Sattou F. (2019) *Osnovnye ponyatiya v sociologii* [Basic concepts in sociology] / Transl. by E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko; ed. by S. Gavrilenko. M.: ID NIU VSHe. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1982-0>
- Grinenko S. V. (2014) *Гендерная асимметрия в образовании* [Gender asymmetry in education]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii* [Modern research and innovation]. Vol. 3. No. 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/41818> (accessed 02 March 2020). (In Russ.)
- Kalabihina I. E. (2011a) *Гендерный переход и качество жизни* [Gender changeover and life quality]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living of the population of Russian regions]. No. 8. P. 42–48. (In Russ.)
- Kalabihina I. E. (2011b) *Pochemu vazhno razvivat' instituty гендерного равенства в России* [Why it is important to develop institutes of gender equality in Russia]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova* [Scientific research of the faculty of Economics. Electronic journal of the faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University]. Vol. 3. No. 1. P. 149–176. (In Russ.)
- Kalabihina I. E. (2017) *Novye podhody k izmereniyu predstavlenosti zhenshchin v stem-obrazovanii i stem-zanyatosti v Rossii* [New approaches to measuring women's representation in STEM-education and STEM-employment]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 1. P. 5–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2017.1.1>
- Klecina I. S. (2016) *Гендерный контекст исследований профессиональной деятельности современных педагогов* [Gender approach to the study of teacher's work]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psihologiya* [Izvestiya Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 18. P. 24–31. (In Russ.)

Kostikova I. V., Kostikova A. A. (2017) Specifica filosofii gendernogo obrazovaniya [Specifics of Gender Education Philosophy]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional education in the modern world]. Vol. 7. No. 4. P. 1498–1504. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20170422>

Kulagina N. V. (2016) Gendernaya stereotipizatsiya i segregatsiya v professional'noj sfere kak psichologicheskie determinanty vnutrilichnostnykh gendernykh konfliktov [Gender stereotyping and segregation in the professional sphere as psychological determinants of intrapersonal gender conflicts]. *Konfliktologiya / nota bene*. [Conflictology / nota bene]. No. 2. P. 158–162. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8965.2016.2.21377>

Mal'ceva I. O., Nesterova D. V. (2009) *Gendernaya segregatsiya na vnutrennem rynke truda: istochniki i posledstviya* [Gender segregation in the domestic labor market: sources and consequences]. Preprint No. WP15/2009/04. M.: ID GU-VShE. (In Russ.)

Mal'ceva I. O., Roshhin S. Yu. (2007) *Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobil'nost' na rossijskom rynke truda* [Gender segregation and labor mobility in the Russian labor market]. M.: ID GU-VShE. (In Russ.)

Mezenceva E. B. (2003) Muzhchiny i zhenshchiny v sfere domashnego truda: logika ekonomicheskoy racional'nosti protiv logiki gendernoj identichnosti? [Men and women in domestic work: the logic of economic rationality versus the logic of gender identity?]. *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniya starykh problem* [Gender equality: searching for solutions to old problems]. M.: MOT. P. 50–71. (In Russ.)

Parsons T. (1949) Age and Sex in the Social Structure. *Essays in Sociological Theory Pure and Applied*. Glencoe. P. 218–232.

Parsons T., Bales R. (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*. NY: The Free University Press.

Polterovich V. M. (1999) *Institucional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy* [Institutional Traps and Economic Reforms]. URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf (accessed 14 April 2020). (In Russ.)

Rutkowski D. et al. (2013) *The TALIS 2013 Conceptual Framework*. URL: https://www.oecd.org/education/school/TALIS%20Conceptual%20Framework_FINAL.pdf (accessed 05 May 2020).

Serova A. (2011) Feminizatsiya obrazovaniya v kontekste problemy gendernogo neravenstva [The feminization of education in the context of the problem of gender inequality]. *Vlast'* [Power]. No. 12. P. 95–98. (In Russ.)

Sillaste G. (2004) Gendernaya asimetriya kak faktor kar'ernogo rosta zhenshchin [Gender asymmetry as a factor of women's career growth]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. No. 3. P. 122–133. (In Russ.)

Shustova L. P. (2009) Podgotovka pedagogov k gendernomu obrazovaniyu i vospitaniyu detej [The preparation of teachers for gender sensitive education and upbringing of children]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1099> (accessed 13 June 2020). (In Russ.)

Skomorohova N. A. (2015) Gendernyj podhod v pedagogicheskoy praktike [Gender approach in pedagogical practice]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psichologiya* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology.]. Vol. 13. No. 4. P. 94–97. (In Russ.)

Temkina A. A., Rotkirh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoj Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in contemporary Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11. P. 4–15. (In Russ.)

Voronina O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality]. M.: Editorial URSS. (In Russ.)

Voronina O. A. (2018) *Gendernaya kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii* [Gender Culture in Russia: Traditions and Innovations]. M.: IF RAN. (In Russ.)

Yarskaya-Smirnova E. R. (2001) Gendernaya socializatsiya v sisteme obrazovaniya: skrytyj uchebnyj plan [Gender socialization in the education system: hidden curriculum]. *Lichnost' i svoboda* [Personality and freedom]. Saratov: Gos. ped. in. P. 192–195. (In Russ.)

Zdravomyslova E. A., Tyomkina A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 1. No. 3/4. P. 299–321. (In Russ.)

Received: 25.05.2020

Векторы солидарности участников ЛГБТК+ сцены внутри сообщества и с другими активистскими группами

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.4

Ссылка для цитирования:

Онегина Е. В. Векторы солидарности участников ЛГБТК+ сцены внутри сообщества и с другими активистскими группами // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 75–90.

DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.4>

For citation:

Onegina E. V. (2020) The Main Value Vectors of Solidarity of LGBTQ+ Scene with Other Activist Groups. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 75–90. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.4>

Елена Онегина*

Консервативная идеология государства влияет на жизненные сценарии ЛГБТК+ людей, вытеснив их из публичной сферы, а также контролируя личное пространство. Параллельно с этим в последние три года активно развиваются российские онлайн-проекты о жизни людей и сообщества, набирающие популярность.

ЛГБТК+ сцена представляет собой децентрализованное пространство с множеством низовых гражданских инициатив и включенными в нее организациями и независимо действующими активистами. Участники сцены борются с дискриминацией, основанной на гендере и сексуальности, через организацию протестов, образовательных мероприятий и других событий. Эмпирическая база исследования составляет 20 глубинных интервью с ЛГБТК+ людьми.

ЛГБТК+ сцена конституируется, скорее, через рефлексивное, зачастую конфликтное обсуждение принципиальных для сообщества вопросов статуса сексуальности, публичных акций, власти и иерархии, а также новых сексуальных и гендерных идентичностей. Вовлекаясь в активизм, индивид выбирает не только форму участия (формальное место работы, волонтерство

* Онегина Елена — аспирантка факультета социальных наук, стажер-исследователь Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, elena.onegina@gmail.com.

или независимая деятельность), но и направление своей деятельности — ориентацию на работу внутри сообщества или вне его.

Ядро сцены составляют активно действующие индивиды и группы, периферию и границы поддерживают пассивные участники и противники ЛГБТК+ сообщества. В статье рассматриваются отношения солидаризации участников ЛГБТК+ сцены с другими инициативами в городе, а точнее, выясняется, какие ценности служат основанием для формирования солидарности.

Ключевые слова: исследования молодежи; гендерные исследования; ЛГБТК+ сцена; качественная методология; культурная молодежная сцена; солидарности

Введение

В феврале 2020 года аналитики «Левада-Центра», проводя исследование, посвященное социальной дистанции¹, добавили в список возможных ответов различные группы людей: «педофилы», «экстремисты», «террористы», «феминистки» и «геи и лесбиянки» — объединенные, по словам авторов, тем, что их поведение «может рассматриваться как преступное и/или девиантное». Формулировки опроса намеренно оставлены с 1989 года в том виде, в каком они применялись в проекте «Советский человек».

Люди, перечисленные в опросе, воспринимаются как объекты, над которыми совершают действия, что выражается в формулировке: «как, по-вашему, следовало бы поступить с...», а за этим следуют варианты ответов: «ликвидировать», «изолировать от общества», «оказывать помощь», «предоставить их самим себе» и «затрудняюсь ответить». Так, по данным опроса «Левада-Центра» 2020 года, каждый пятый опрошенный предлагает «ликвидировать» геев и лесбиянок. Общественное мнение фиксируется и формируется такими опросами, через них нормализуется ненависть и поддерживается дискриминационный дискурс.

То, как сформулированы вопросы, задаваемые информантам, и язык, который использовали авторы опроса в личных интервью, вызвали ряд обсуждений² и критических публикаций. Дискриминационная риторика, транслируемая в данном опросе, является следствием распространенности

¹ Социальная дистанция // Левада-Центр. 20.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/20/sotsialnaya-distantsiya-2/> (дата обращения: 17.05.2020).

² Журналист, продюсер и автор канала “Straight talks with gay people” («Открытый разговор с веселыми людьми»), Карен Шаинян сделал отдельный выпуск, посвященный опросу «Левада-Центра», и предложил к обсуждению вопрос о том, в чем измеряется гомофобия. Выпуск по ссылке: Шаинян К. Тотальная ликвидация: в чем проблема с опросом «Левады» и в чем измеряется гомофобия? // YouTube. 28.04.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PqoPnsavHCQ> (дата обращения: 17.05.2020).

Также журнал «Афиша» и редакторка портала «Открытые» Мария Лацинская подвергла этот опрос содержательной критике. Текст по ссылке: Лацинская М. Легализация права на ненависть: что не так с опросом «Левада-центра» про ЛГБТ и феминисток // АфишаDaily. 21.04.2020. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/15347-legalizaciya-prava-na-nenavist-cto-ne-tak-s-oprosom-levada-centra-pro-lgbt-i-feministok/> (дата обращения: 17.05.2020).

стереотипных представлений о ЛГБТК+ людях в обществе, в том числе среди представителей власти.

Консервативная идеология поддерживается на законодательном уровне. Так, президент России лично поддержал³ одну из поправок к Конституции, фиксирующую понятие «брак» как «союз между мужчиной и женщиной». После принятия поправки гетеросексуальность в России фактически становится конституционной нормой. Таким образом, ЛГБТК+ люди — стигматизируемая социальная группа как на уровне дискурса, так и на уровне практик (Онегина, 2019: 181).

Параллельно с этим (и несмотря на это) развиваются альтернативные независимые медиапроекты на российских и зарубежных стриминговых платформах⁴. За последний год ЛГБТК+ персоны неоднократно становились центральными героями в сюжетах сериалов и фильмов.

В статье я использую аббревиатуру ЛГБТК+ (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, квир) как зонтичный термин. Использование обозначения ЛГБТ имеет ограничения и не отражает в полной мере весь спектр гендерных идентичностей и жизненных опытов информантов. Акроним ЛГБТК не включает, например, опыт людей с небинарной гендерной идентичностью (так как нет соответствующей литеры). По этой причине в аббревиатуре есть «+» для обозначения других участников сцены, чей опыт не может быть соотнесен с конвенциональной аббревиатурой ЛГБТ или не в полной мере отражает идентичность информантов. При этом даже термин ЛГБТК+ используется с учетом ограничений. Отмечу, что внутри сцены нет консенсуса относительно того, какую терминологию корректнее употреблять. Расширение аббревиатуры и упоминание всех существующих идентичностей может привести к ложному ощущению единения и солидарности внутри. Как отмечает Томаш Сикора, в действительности между группами людей мало общего, кроме их «ненормативности» (Sikora, 2011: 10).

Теоретические основания

Теоретики субкультурного и постсубкультурного подходов предлагали для анализа молодежи концепты, которые позволяли описывать закрытые группы с помощью понятия субкультуры, а ситуативные и временные объединения — с помощью концепции стиля жизни. Концепт культурной молодежной сцены позволяет сместить фокус внимания с формы молодежного объединения на содержание.

³ «Союз женщины и мужчины» или «союз двух людей». Определение брака в разных странах // ТАСС. 13.02.2020. URL: <https://tass.ru/info/7757761> (дата обращения: 17.05.2020).

⁴ Канал на youtube “Straight talks with gay people”. Автор шоу — Карен Шаинян, разговаривает с открытыми геями, лесбиянками, бисексуалами и трансгендерами, «с людьми, которые создают окружающую нас жизнь и культуру». Канал доступен по ссылке: <https://www.youtube.com/channel/UCkIiotHeAU8JK5YLspo1-9w> (дата обращения: 17.05.2020).

Некоммерческий проект «Открытые» — российский зин о квир-культуре и ЛГБТ-сообществе. Сайт проекта: <https://o-zine.ru> (дата обращения: 17.05.2020).

Концепт сцены — это часть солидарного подхода, целью которого было исследовать «не только внутригрупповые, но и межгрупповые коммуникации» (Омельченко, 2014: 5). Так в анализ попадают разные молодежные группы, связанные общими ценностями и нормами, или векторами солидарности (Омельченко, 2013). Ключевым элементом для формирования сцены является общение. Именно оно образует связи внутри и вне сцены.

Используя сценовой подход для анализа молодежных активностей, исследователи уделяют внимание не только актерам и практикам, но и пространствам, где (не)происходят взаимодействия. Так, именно концепт молодежных культурных сцен объединяет в себе важные измерения, обогащая исследование за счет включения триединства: единство места, времени и пространства (Омельченко и др., 2004; Омельченко, Поляков, 2017). Концепт сцены помогает увидеть разные включенные группы и инициативы, которые образуют и поддерживают существующие границы. Важно отметить значение для анализа не только участников сцены, но и тех, кто оказывается вне сцены, наблюдает и взаимодействует с участниками.

Участники ЛГБТК+ сцены часто говорят, что целостность сообщества определяется борьбой за гендерное равенство и против дискриминации ЛГБТК+ персон (Онегина, 2019; Onegina, 2020). Производство гендера и сексуальности происходит с помощью практик, которые совершает индивид.

Гендер — это первичный механизм означивания при взаимодействии с индивидами. Для выстраивания успешной коммуникации необходимо поместить человека в гендерную систему (Ridgeway, 2009: 153–154). Коннелл оспаривает утверждение, что биология является основанием для формирования взаимоотношений общества и гендера, но в то же время настаивает на том, что важно принимать во внимание как социальное, так и возможное влияние биологического, чтобы не приуменьшать значимость телесности, концентрируясь на социальном (Коннелл, 2015: 96). Жизненный опыт и практики людей могут быть намного шире, чем границы «жестких» идентичностей. Изменение гендерного порядка и противостояние ему возможно с помощью совершаемых практик.

Критический подход квир-теории к пониманию гендерной идентичности — в отказе от бинарности «мужского» и «женского» и восприятию сексуальностей как оппозиции друг другу. Выходом из такой ситуации может стать формирование квир-идентичности как более подвижной и изменяющейся (Шевелева, 2014: 353). В исследованиях идентичности, которые проводятся в рамках квир-теории, идентичность понимается как нечто нестабильное.

Теория политик идентичности предполагает, что человек должен сделать взаимоисключающий выбор в момент самоидентификации. Иначе говоря, индивид помещает себя в некие границы идентичности при самоназвании в терминологии политик идентичности. Сложность в том, что гомосексуальные модели идентичности не могут вместить в себя все множество репрезентации гендера, сексуальности и власти (Halberstam, 1999). Существует риск «стать заложником выбранной идентичности», что приведет к ограничению практик (Clausen, 1990). Индивид, идентифицируя себя определенным образом, создает более изоциренную форму умалчивания (Косовски, 2002:

67–90). Утверждение «гомосексуальности» может являться продолжением гомофобного дискурса (Фуко, 1996: 202).

Использование категории «квир» для самоидентификации обозначает свободу конструировать собственную идентичность. Несмотря на то, что эта категория предоставляет новые возможности как для теоретиков, так и для активистов, дискуссии по этому поводу разделяют активистов внутри сцены Санкт-Петербурга (Онегина, 2019: 188).

ЛГБТК+ сцена в Санкт-Петербурге представляет собой децентрализованное, неформальное социальное движение, которое борется против дискриминации по признаку пола и сексуальности путем организации протестных акций, образовательных проектов, фестивалей. В данной статье предпринимается попытка ответить на исследовательский вопрос: как и почему ЛГБТК+ активисты солидаризируются или не солидаризируются с другими группами активистов за пределами сцены?

Методология

Эмпирическая база кейса состоит из 20 глубинных интервью с ЛГБТК+ людьми в возрасте от 18 до 37 лет⁵. Информанты на момент проведения интервью проживали в Санкт-Петербурге. Длительность интервью от 52 до 142 минут. Такой большой разброс в возрасте можно объяснить тем, что в жизнь современной ЛГБТК+ сцены в Санкт-Петербурге вовлечены активисты разных поколений. На мой взгляд, было важно включить интервью с активистами, которые вовлечены в сообщество в течение длительного времени.

Информантов, принявших участие в исследовании, можно отнести к среднему классу, исходя из их образовательного статуса и текущей занятости. При указании пола информанта в библиографических данных учитывалась самоидентификация и то, в каком роде участник исследования предлагал к себе обращаться во время интервью.

В качестве метода анализа применялись элементы обоснованной теории Кэти Чармаз (Charmaz, 2006). Ключевые этапы работы, такие как кодирование интервью, выделение категорий и написание мемо, проведены с использованием программы Nvivo 12.

ЛГБТК+ сцена и конфликтующие или солидаризирующиеся группы

ЛГБТК+ сцена в Санкт-Петербурге представляет собой мозаику, которая собирается из разных инициативных групп, организаций, независимых активистов. Принципы выстраивания иерархии и распределение власти внутри

⁵ 14 интервью собрано в 2016–2017 гг.; 6 интервью собрано в 2019–2020 гг. Часть эмпирических данных была собрана в рамках проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ инновационного молодежного активизма в Европе и России», реализованного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

сцены были рассмотрены мной в предыдущей статье (Онегина, 2019). В фокусе данной статьи отношения солидаризации участников ЛГБТК+ сцены с другими инициативами в городе, а точнее, ценности, служащие основанием для солидарности.

ЛГБТК+ активисты выстраивают солидарность с разными гражданскими группами. Так, с феминистками Санкт-Петербурга они используют общие пространства для проведения мероприятий, а зоозащитники помогают ЛГБТК+ людям на массовых мероприятиях, давая возможность пройти в качестве участников в их колонне (Онегина, 2019: 184–185). ЛГБТК+ сцена — это флюидное сообщество: кроме активистов, на сцене представлены разные субгруппы, как, например, «ламповые активисты»⁶, «отцы-основатели» и другие, где границами выступают различные ценности, нормы и идентичности, также размытые. В то же время есть центр — «ядро» ЛГБТК+ сцены, формирующееся вокруг участников, которые появляются на акциях и часто организуют их. «Внешние» инициативы и группы, примыкающие в качестве поддерживающих, участвующих и сочувствующих ЛГБТК+ персонам, также во многом конституируют сцену.

Распределение ресурсов и привилегий как основание для солидаризации

Наиболее часто обсуждаемое среди информантов сотрудничество происходит у ЛГБТК+ персон и феминисток/профеминистов в Санкт-Петербурге. ЛГБТК+ и феминистки разделяют общие ценности гендерного равенства и поддерживают друг друга. В то же время у части феминисток, по мнению информантов, радикализируются мнения относительно ЛГБТК+ людей, что усложняет интеграцию:

«Другое дело, что есть, конечно, какие-то проблемы, попытки противопоставить одного другим, например, вопрос трансфобии в феминистском сообществе в некоторых группах» (инт. № 10, муж., 37 лет).

«Радикальный настрой против цис-мужчин, как бы в этом проблема. То есть, если в ЛГБТ-сообществе в принципе поддерживают, да, и цис-и транс-, просто как бы ориентация, там, и идентичность, то некоторые феминистки в принципе против взаимодействия с мужчинами, и там могут быть такие конфликты» (инт. № 6, жен., 22 года).

Определенные напряжения, существующие в рамках феминистской сцены Санкт-Петербурга, распространяются и на некоторые части ЛГБТК+ сцены.

⁶ Под «ламповыми активистами» понимаются инициаторы и создатели мероприятий для участников сообщества в формате встреч-чаепитий в приятной атмосфере и в безопасном (психологически и физически) пространстве. «Ламповые активисты» редко участвуют в публичных акциях, их работа больше направлена на само сообщество.

Отношение к секс-работе как к принуждению или к выбору является одним из ключевых разногласий, которое сводит к минимуму или делает полностью невозможной коммуникацию между ЛГБТК+ людьми и участницами феминистского сообщества.

«В общем и целом, фем-движению наплевать, спасаешь ли ты щенков, ты плохой человек, если ты там, не знаю, вот ты сказала, что проституция — это не всегда принуждение. И они такие: “Ааа, на костер тебя, да чтоб ты вообще”, а ты такой просто типа блин, но я знаю ситуации, когда это выбор, да. И они такие: “Нет, это никогда не выбор”, и свою личную бомбежку они пытаются подкрепить некой идейностью, или идеологией, хотя на самом деле это их эмоции» (инт. № 1, жен., 22 года).

Ценности, объединяющие участников обеих сцен, — гендерное равенство и соблюдение прав человека. Более точечная повестка, такая как вопросы проституции, ведет к разногласиям. Также некоторая часть феминисток придерживается радикальной позиции, исключив трансгендерных мужчин из любых типов взаимодействий⁷. Привилегированное положение трансгендерных мужчин, по мнению участниц сообщества, является основанием для создания закрытых отдельных встреч. Предполагается, что трансгендерные мужчины не проблематизируют свое социальное положение, и для создания безопасного пространства выбрана стратегия дистанцирования.

В результате солидаризация с феминистками случается ситуативно или вовсе невозможна из-за радикальных позиций некоторых участниц феминистского сообщества. Пересечение сцен, однако, может происходить во время организации отдельных мероприятий, например, Марша 8 марта.

При этом тактически активистами может применяться использование элементов патриархального гендерного порядка в свою пользу — например, это происходит во время публичных акций протеста и понимается как определенная гарантия сохранения безопасности или условия, при которых есть большая вероятность не подвергнуться насилию со стороны противников ЛГБТК+ сообщества и сотрудников полиции.

ЛГБТК+ активисты, имеющие право проводить публичные мероприятия, представляют все сообщество и становятся его «представителем» в публичной сфере. В данном контексте ценность, объединяющая сцену — это борьба за гендерное равенство и соблюдение прав человека.

Использование привилегий трансгендерности и патриархального гендерного режима для гарантии безопасности в публичной сфере является способом адаптации к возможным рискам ведения активисткой деятельности в социально и политически консервативной среде:

⁷ Трансгендерность — термин, обозначающий людей, чьи гендерная идентичность и самовыражение совпадают с биологическим полом.

«Вот, я не настолько боюсь каких-то нападений, потому что, мне кажется, это очень маловероятно, с учетом того, что представление, что я девушка, как бы вряд ли на меня набросятся сразу с кулаками какие-то гомофобные люди» (инт. № 4, жен., 22 года).

Адаптация в ситуации высоких рисков происходит через понимание общих правил проведения публичных акций и возможности предположить действия всех участников: сотрудников полиции, людей, несогласных с проведением акций, и самих представителей сцены.

Давление, угроза жизни и здоровью со стороны агрессивно настроенных радикальных групп создают ощущение небезопасности, что сокращает пространство выбора для участников сцены. Защита и гарантия соблюдения своих прав со стороны представителей власти и правопорядка маловероятны. Это становится причиной тревожности участников сцены, в дополнение к усиливающемуся давлению и контролю со стороны общества и государства. Однако выстраивание солидарных коммуникаций внутри ЛГБТК+ сцены и с другими группами гражданских активистов вызывает сложности из-за отсутствия единогласия по ключевым вопросам.

Ценность ненасилия, или реализация права замены военной службы на альтернативную как основание для солидарности

Военная служба — это тот контекст, в котором ЛГБТК+ людям необходимо взаимодействовать с государственными институтами. В Конституции РФ закреплено право, позволяющее заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой⁸. При этом коммуникация призывников с военными комиссарами и призывной комиссией недостаточно прозрачна, в результате чего реализация конституционного права затруднена.

Отрицание такой ценностной позиции, как необходимость несения военной службы, стала точкой для пересечения движения сознательных отказчиков (СО) от военной службы и участников ЛГБТК+ сцены. Благодаря сотрудничеству движения СО и ЛГБТК+ была создана инициатива «Квир-призывник». Заинтересованному человеку предоставляется консультация юриста и защита от гомофобии в процессе общения и дальнейшей работы.

Социальные изменения в сфере прав человека и работа государственных институтов частично происходят с помощью привлечения юристов, волонтеров и призывников, уже воспользовавшихся правом заменить военную службу альтернативной.

«Это все дела по обжалованию, большая часть — это обжалование решений призывных комиссий об отказе замены военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу. Любой мальчик может, если его

⁸ Конституция Российской Федерации. Статья 59.3.

убеждения противоречат несению военной службы, подать заявление на альтернативную гражданскую службу, призывная комиссия обязана его рассмотреть» (инт. № 2, муж., 19 лет).

Участники движения СО и ЛГБТК+ люди требуют реализации этого конституционного права и солидаризируются в решении связанных с ним вопросов, помогая сделать индивидуальный выбор, а также исключить себя из контекста унижения, демонстрации власти и иерархий, связанных с военной службой. Ценность ненасилия и право индивидуального выбора — основа для солидарности между движением СО и ЛГБТК+ сценой.

Публичные акции как пространство пересечения с «другими»

Публичный дискурс о ЛГБТК+ сообществе во многом создается государственными средствами массовой информации, новостными программами и журналистскими расследованиями. В этом контексте может сформироваться ложное представление о гомогенности и целостности ЛГБТК+ сцены. Неоднозначные публичные действия отдельных активистов могут повлиять на все сообщество. Например, летом 2013 года активист развернул плакат с провокационным слоганом «Содом в каждый дом» на Марсовом поле в ходе ЛГБТК+ митинга. Последовала молниеносная реакция не только представителя депутатского корпуса, но и критика со стороны сообщества. Реакция информанта дает представление о серьезности произошедшего инцидента:

«Это было общее мероприятие, но когда я его увидел, у меня так похолодело на душе. Я понял, что это такой подарок гомофобам, и буквально через несколько дней была куча демотиваторов, наделанных во всех гомофобных группах: “Вот чего они хотят на самом деле. Они хотят содом в каждый дом, они хотят, чтобы ВСЕ дети были содомитами”, еще вот эта лексика “содом”» (инт. № 10, муж., 37 лет).

Напряженная активистская работа в консервативных условиях иногда приводит к резким эмоциональным ответам на давление и дискриминацию со стороны государства и общества. Использование неудачной, намеренно провоцирующей лексики, как в этом примере, сыграло против сообщества, укрепив гомофобно настроенных людей в своих убеждениях. Пренебрежение общей разделяемой ценностью внутри ЛГБТК+ сообщества, такой как ненавязывание взглядов, привело к потере социального капитала всего сообщества из-за неуспешной презентации в публичном пространстве. Провокационная акция протеста схожа с действиями гомофобных организаций, которые проявляют агрессию, вторгаясь в частную жизнь ЛГБТК+ активистов, добиваясь увольнения с рабочего места по причине СОГИ⁹, говоря об угрозе внедрения в личное пространство.

⁹ По признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Опыт задержания становится одним из контекстов неизбежного пересечения публичного и личного пространств. Ситуативное объединение с представителями водителей-дальнобойщиков произошло именно в таком контексте — на акции в защиту Исаакиевского собора «Музей — городу». Единство места, времени и пространства стало основой для установления межгрупповой коммуникации и формирования временной солидарности между группами после общего опыта задержания. Ситуационное проявление поддержки со стороны ЛГБТК+ активистов водителей-дальнобойщиков произошло во время введения системы оплаты «Платон» в 2016 году. Помощь проявлялась во взаимном распространении записей в социальных сетях и информации о мероприятиях. Подобная солидаризация, однако, не привела к устойчивой связи групп, поскольку разового опыта задержания недостаточно для формирования постоянной межгрупповой коммуникации.

Развитие сетей поддержки и фокусированное взаимодействие участников ЛГБТК+ сцены с другими группами и объединениями создает и укрепляет связи вне ЛГБТК+ сцены. Нарастивание социального капитала происходит через готовность отстаивать значимые для группы ценности. Такое сотрудничество с целью отстоять интересы и права различных групп граждан не всегда приводит к стабильным союзам, а солидарность проявляется не во всех вопросах.

Проявление власти внутри и вне ЛГБТК+ сцены

Отношения внутри рабочего коллектива и комфортная окружающая среда определяют устойчивость активистской сцены (Gorski, 2015). Разные ценности внутри коллектива могут стать причиной ухода из активизма. Такая ситуация, например, произошла в крупной ЛГБТК+ организации. О сексуальных домогательствах внутри организации рассказали публично две участницы событий — сотрудница и волонтерка организации¹⁰. Обе девушки перестали работать в организации и сотрудничать с ней после того, как ситуацию не получилось разрешить внутри коллектива.

Ситуация принятия решений и рутинное рабочее взаимодействие могут стать причиной столкновения по причине разных ценностей и привести к конфликту.

«Мне кажется, это очень связано как раз с вопросами власти, потому что ты в принципе не можешь манипулировать, если у тебя власти нет» (инт. № 18, жен., 25 лет).

Иерархическая структура и властные принципы патриархата, на основе которых строятся взаимодействия внутри организации, копируются с модели взаимодействия в обществе.

¹⁰ «Дима хорошо к тебе относится» — сексуальные домогательства в ЛГБТ-группе «Выход». URL: <http://work-freely.tilda.ws> (дата обращения: 17.05.2020).

«Нет ощущения, что сами ЛГБТ-организации работают по тем принципам, которые они декларируют, против чего они борются. Мы видим, что директора там реально 10–15 лет сидят на своих местах, нет отчетности» (инт. № 20, жен., 35 лет).

Таким образом, сами участники сцены отчасти поддерживают и воспроизводят существующую иерархию и властные отношения, производя неравенства внутри и вне ЛГБТК+ сцены.

Идеализация активистской деятельности и неоправданные ожидания приводят к разочарованию относительно правил взаимодействия и структуры активистской сцены. Забота о себе постепенно становится нормой для молодых ЛГБТК+ активистов. Часто участники сцены говорят об эмоциональном напряжении, сложных условиях работы, усталости от постановки абстрактных целей:

«То есть делаю ровно столько, сколько у меня есть энергии, сколько для меня не слишком энергозатратно. Вот. Ну, у меня планы на ближайшее время больше связаны с какими-то личными вещами, ну, типа, обретение и нахождение какой-то внутренней опоры и так далее, то есть там хотелось бы там личную психотерапию, вот я недавно начал» (инт. № 12, муж., 23 года).

Активистская карьера нестабильна, и психологическое состояние участников влияет на устойчивость организации (Newman, 2012; Gorski, 2015). Так, при появлении стабильной занятости и семейных отношений происходит перераспределение ресурсов, и это, вкупе с активистским выгоранием, может стать причиной ухода из активизма (Gorski, Chen, 2015: 388).

За последние три года информация о том, как заботиться о себе и не допустить выгорания из-за активистской деятельности, стала распространяться среди ЛГБТК+ активистов (Onegina, 2020). Дискуссии о психологическом здоровье и личных границах становятся более регулярными в активистской среде Санкт-Петербурга.

Повседневная жизнь ЛГБТК+ активистов наполнена различными рисками и небезопасными ситуациями, в том числе угрозами жизни. В ходе исследования информанты говорили о цели, к которой они стремятся и во имя которой они выстраивают и взаимодействие внутри своего сообщества, и связи с инициативами вне ЛГБТК+ сцены — это борьба с дискриминацией людей по признакам СОГИ и гендерное равенство.

При этом не для всех ЛГБТК+ активистов основанием для формирования солидарности является гендерная идентичность.

«Я вообще считаю, что, например, я могу солидаризироваться только с теми людьми, с которыми у меня ценности сходные, а не идентичности или, ну не знаю, какая-то цель, ЛГБТ-активизм и так далее» (инт. № 18, жен., 25 лет).

Более значимы в данном контексте общие разделяемые ценности, на основе которых выстраиваются коммуникации. Конструкты групповых идентичностей для части активистов перестают быть достаточными для солидаризации.

«Причастность к ЛГБТ не дает тебе карт-бланш по поводу уважения и так далее, и тому подобное. Разумеется, причастность к ЛГБТ твоя не дает окружающим право тебя оскорблять, обижать и, по-моему, ничто не дает такого права, это лишь повод» (инт. № 14, муж., 34 года).

Ценностным вектором, вокруг которого выстраиваются новые солидарности, является индивидуализация, формирование внесистемного объединения, исключающая механическую включенность в «толпу» себе подобных.

Для контекста существования ЛГБТК+ сцены важно, что у ее участников доверие к властям отсутствует, и законодательные нормы, которые могут быть предприняты в перспективе, рассматриваются как непредсказуемые. Вместе с тем многие участники ЛГБТК+ сцены, ушедшие из активизма, воспринимают свою частную жизнь как изолированную от контекста страны и ощущают независимость от консервативной риторики:

«Я себя не ассоциирую, например, с правовым контекстом России. Ну, то есть у меня такое расхождение между моей реальностью и там какой-то государственной реальностью» (инт. № 18, жен., 25 лет).

Выстраивание своего личного проекта вне контекста права и политической повестки страны является одним из способов адаптации к социальной реальности, когда частная жизнь становится приоритетнее, чем абстрактные общие цели, декларируемые как государством, так и активистскими организациями.

С другой стороны, желание мыслить себя частью глобального мира и сводить влияние локального или государственного дискурса к минимуму становится стимулом для создания онлайн-площадок для коммуникации, дискуссии и взаимодействий, вне зависимости от идентичностей участников и социального устройства национальных государств.

«Сейчас форматы публичных проявлений — они очень сильно ужаты. С одной стороны, они, как мне кажется, перестали быть максимально эффективны, с другой стороны, они стали максимально опасны для человека. Зачем? Значит, нужно менять формат, формат активности. Да? Тем более что живем мы в современном информационном обществе, и есть много-много вариантов что, как, где и так далее» (инт. № 14, муж., 34 года).

Социальное, дискурсивное давление и сложность формирования стабильной солидарности с группами-союзниками создают предпосылки для

ухода из ЛГБТК+ активизма в другие активистские сферы, менее подверженные контролю и дискриминации со стороны представителей власти, федеральных СМИ и радикальных активистов националистических взглядов.

Позволю себе выдвинуть предположение, что экоактивизм и зоозащита в определенной степени выделяются из набора активистских групп как наиболее приемлемые для работы и взаимодействия после ухода из ЛГБТК+ активизма. В данном случае основными ценностями для возможной солидаризации выступают антигомофобная риторика и политика ненасилия.

Заключение

Солидаризация участников ЛГБТК+ активистов внутри и вне сцены происходит на основе ключевых ценностей — прав человека и гендерного равенства.

Сложность нахождения стабильной поддержки со стороны других инициатив в городском пространстве, активистское выгорание и социальное давление создают условия для поиска новых способов участия в ЛГБТК+ активизме или служат основанием для смены сферы активизма на альтернативную.

Устойчивость активистской группы или объединения зависит от разделяемых ценностей внутри сцены. Поддержка и солидарность как внутри, так и вне сцены формируются не столько за счет гендерной идентичности и объединения в борьбе против дискриминации, основанной на гендере и сексуальности, сколько за счет общих разделяемых ценностей, оказывающихся более значимыми.

Разделяемая ценность ненасилия — основной вектор солидаризации и основание для межгрупповой коммуникации. Активисты выступают с критикой манипулирования со стороны работодателя и насильственных отношений внутри коллектива и высказываются против использования провокационных методов для публичных акций протеста. Отказ от агрессии и антимилитаризм — вектор солидаризации ЛГБТК+ активистов с другими инициативами, например, с движением СО.

Культура заботы о себе в российской активистской среде только начинает развиваться. Риски и ощущение небезопасности становятся фоном — привычной повседневностью, и негативно влияют на устойчивость сцены. Выгорание является проблемой социальной среды, а не индивидуальной.

Активистское пространство Санкт-Петербурга полно внутренних взаимодействий, конфликтов и солидарностей. В условиях усиления консервативной риторики государства и глобальных вызовов, связанных с эпидемией коронавируса, солидаризация с другими группами активистов возможна преимущественно через Интернет. Ключевым общественным пространством для формирования дискуссии и взаимодействия становится онлайн-среда. Создание информационного поля о и для ЛГБТК+ людей, которое было бы свободно от гомофобной риторики, по мнению активистов, является будущим

направлением развития. Так, летом 2020 года прошел первый в истории онлайн-фестиваль «диджитал прайд» как практика взаимной поддержки ЛГБТК+ людей по всему миру.

Литература

Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. Барчуновой; под науч. ред. И. Тартаковской. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Кософски С. И. Эпистемология чулана // Пер. с англ. О. Липовской, З. Баблюяна. М.: Идея-пресс, 2002.

Омельченко Е. и др. Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры // Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004.

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.

Омельченко Е. Л. От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3–8.

Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111–132.

Онегина Е. В. Конфликты и солидарности ЛГБТК сцены в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 179–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.08>

Шевелева А. Концепция идентичности в рамках квир-теории // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / Под ред. А. А. Кондакова. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 352–356.

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

Charmaz K. Constructing Grounded Theory. L.: Sage, 2006.

Clausen J. My Interesting Condition // Journal of Sex Research. 1990. Vol. 27. № 3. P. 445–459. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224499009551571>

Gorski P. C. Relieving Burnout and the “Martyr Syndrome” among Social Justice Education Activists: The Implications and Effects of Mindfulness // The Urban Review. 2015. Vol. 47. № 4. P. 696–716. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11256-015-0330-0>

Gorski P. C., Chen C. “Frayed All Over:” The Causes and Consequences of Activist Burnout among Social Justice Education Activists // Educational Studies. 2015. Vol. 51. № 5. P. 385–405. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131946.2015.1075989>

Halberstam J. F2M: The Making of Female Masculinity // Feminist Theory and the Body: A Reader / Ed. by J. Price, M. Shildrisk. L.: Taylor & Francis, 1999. P. 125–133.

Newman J. Working the Spaces of Power. Activism, Neoliberalism and Gendered Labour. L.: Bloomsbury Academic, 2012. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781849666725>

Onegina E. “I Go Out to Be Seen”: Balancing between Burnout and Effectiveness in the Youth LGBTQ Scene in Russia // Sexuality & Culture. 2020. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12119-020-09762-0>

Ridgeway C. L. Framed Before We Know It: How Gender Shapes Social Relations // Gender & society. 2009. Vol. 23. № 2. P. 145–160. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243208330313>

Sikora T. To Come: Queer Desire and Social Flesh // Interlalia. 2011. № 6. P. 1–20.

Дата поступления: 17.05.2020

The Main Value Vectors of Solidarity of LGBTQ+ Scene with Other Activist Groups

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.4

Elena Onegina

Onegina Elena — Postgraduate student, Postgraduate School of Sociological Sciences, Trainee Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University — St. Petersburg, elena.onegina@gmail.com.

The conservative ideology influences the life scenario of LGBTQ+ people by pushing them out of the public sphere and controlling the private sphere of their lives. At the same time, over the past three years, online projects about and for LGBTQ+ people and communities have been actively developing, gaining popularity and support. LGBTQ+ scene is a decentralized space of various initiatives, organizations, and independent activists. The participants of the scene are fighting against gender and sexual-based discrimination by organizing protests, educational projects, and other activities. The empirical basis of the study is 20 interviews involving LGBTQ people.

The LGBTQ+ scene is constituted through a reflexive, often conflicting discussion of issues that have fundamental importance for the community such as status of sexuality, public actions, power, and hierarchy, as well as new sexual and gender identities.

The person engaging in activism on an individual level not only chooses a form of participation (professional work, volunteering, or independent activity), but also the direction of activity within the community or outside it.

The core of the scene is set by active individuals and groups, the periphery and borders are supported by passive participants and opponents of the LGBTQ+ scene. The article examines the relationship of solidarity of LGBTQ+ scene participants with other initiatives, or rather, what values serve as the basis for the formation of intergroup solidarity.

Keywords: youth studies; gender identities; modern Russia; qualitative methodology; modern youth scenes

References

- Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory*. L.: Sage.
- Clausen J. (1990) My Interesting Condition. *Journal of Sex Research*. Vol. 27. No. 3. P. 445–459. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224499009551571>
- Connell R. (2015) *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Foucault M. (1996) *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Beyond knowledge, power and sexuality]. M.: Kastal. (In Russ.)
- Gorski P.C. (2015) Relieving Burnout and the “Martyr Syndrome” among Social Justice Education Activists: The Implications and Effects of Mindfulness. *The Urban Review*. Vol. 47. No. 4. P. 696–716. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11256-015-0330-0>
- Gorski P.C., Chen C. (2015) “Frayed All Over:” The Causes and Consequences of Activist Burnout among Social Justice Education Activists. *Educational Studies*. Vol. 51. No. 5. P. 385–405. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131946.2015.1075989>
- Halberstam J. (1999) F2M: The Making of Female Masculinity. *Feminist Theory and the Body: A Reader* / Ed. by J. Price, M. Shildrisk. L.: Taylor & Francis. P. 125–133.
- Kosofsky E. S. (2002) *Epistemologiya çulana* [Epistemology of the Closet]. M.: Idea Press. (In Russ.)

Newman J. (2012) *Working the Spaces of Power. Activism, Neoliberalism and Gendered Labour*. L.: Bloomsbury Academic. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781849666725>

Omelchenko E. (2013) Solidarnosti i kul'turnyye praktiki rossiyskoy molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskiy kontekst [Solidarities and Cultural practices of Russian Youth XXI: Theoretical Context]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10. P. 52–61. (In Russ.)

Omelchenko E. (2014) Ot subkul'tur k solidarnostyam i nazad k subkul'turam? Spory o terminakh i etnografii molodezhnoy sotsial'nosti [From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1. P. 3–8. (In Russ.)

Omelchenko E. et al. (2004) *Glyadya na Zapad: Kul'turnaya globalizatsiya i rossiyskiye molodezhnyye kul'tury* [Looking West: Cultural Globalization and Russian Youth Cultures]. SPb.: Aletea. (In Russ.)

Omelchenko E., Polyakov S. (2017) Kontseptsii kul'turnoy stsény kak instrument analiza gorodskikh molodezhnykh soobshchestv [The Concept of Cultural Scene as Theoretical Perspective and the Tool of Urban Communities Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 16. No. 2. P. 111–132. (In Russ.)

Onegina E. (2019) Konflikty i solidarnosti LGBTK stsény v Sankt-Peterburge [Conflicts and solidarities of the LGBTQ scene in St. Petersburg]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1. P. 179–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.08>

Onegina E. (2020) "I Go Out to Be Seen": Balancing between Burnout and Effectiveness in the Youth LGBTQ Scene in Russia. *Sexuality & Culture*. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12119-020-09762-0>

Ridgeway C. L. (2009) Framed Before We Know It: How Gender Shapes Social Relations. *Gender & society*. Vol. 23. No. 2. P. 145–160. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243208330313>

Sheveleva A. (2014) Kontseptsiya identichnosti v ramkakh kvir-teorii [Concept of Identity through queer theory]. *Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [At a Turning Point: Methodology, Theory, and Practice of LGBT and Queer Studies] / Ed. by A. Kondakov. SPb.: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy. P. 352–356. (In Russ.)

Sikora T. (2011) To Come: Queer Desire and Social Flesh. *Interalia*. No. 6. P. 1–20.

Received: 17.05.2020

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

В текущем номере журнала мы открываем новую рубрику «ИНТЕР-энциклопедия качественных методов». Мы намереваемся в каждом последующем номере публиковать несколько кратких статей, тематизирующих методический арсенал качественных методов и описывающих основные понятия качественного исследовательского процесса. В некоторой перспективе эти статьи составят сводную энциклопедию качественных методов, которую мы сможем пополнять на сайте журнала. Что породило эту инициативу? Разумеется, российская социология в целом преодолела этап маргинализации качественной парадигмы, эпистемологический спор о качественном и количественном утратил свою былую остроту, изданы монографии и учебники по качественным методам. Но практика применения качественных методов порождает все новые вопросы и актуализирует потребность уточнения конвенциональных норм. Междисциплинарность современных подходов также обнаруживает проблему заимствования иной исследовательской оптики и задачу адаптации методического арсенала к нуждам качественного исследовательского процесса. Казус и узус качественных методов в этом смысле нуждаются в переосмыслении. Дополним эту ситуацию этическими дискуссиями последних времен, и станет очевидным актуальный запрос на современный энциклопедический обзор понятийного аппарата качественной социологии. Поэтому предпринимаемая инициатива является широким приглашением к участию социологов-качественников к составлению такой открытой энциклопедии. Если наши читатели полагают себя экспертами в том или ином качественном методе или понятии, мы приглашаем написать в рубрику «ИНТЕР-энциклопедия» тексты, соответствующие академическим стандартам, тематизирующие актуальную методологическую дискуссию и описывающие примеры исследовательской практики.

ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5

Ссылка для цитирования:

Семенова В. В., Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>

For citation:

Semenova V. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>

*Виктория Семенова**, *Елена Рождественская***

Работа представляет собой попытку обобщенной научной трактовки основополагающих понятий в рамках качественной парадигмы, таких как интеракция, интервью, интерпретация. Данные дефиниции употребляются и в более широком социологическом теоретико-методологическом контексте, имеют свою историю в рамках социальных наук. Вместе с тем в современной науке эти категории уже встроены в терминологию и семантику интерпретативной парадигмы, приобрели дополнительные смыслы и контексты употребления в тезаурусе социолога-качественника. Поэтому мы поставили цель описать их более детально в жанре словарных статей, как терминов, встроенных и интерпретируемых в поле качественной социологии; как конструкторов, используемых в ходе построения методологического дизайна качественного исследования при их употреблении в практике полевых работ или анализе первичных данных, тем более что эти три термина определяют общую концепцию и конфигурацию нашего журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация».

Ключевые слова: качественная социология; интерпретативная парадигма; интеракция; интервью; интерпретация

* Семенова Виктория — доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН, victoria-sem@yandex.ru

** Рождественская Елена — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, rigasvaverite@gmail.com.

ИНТЕРАКЦИЯ

Интеракция — концепция межличностной коммуникации с применением вербальных и невербальных средств в процессе совместной деятельности. Интерактивное взаимодействие заключается во взаимном влиянии агентов социального диалога в ходе обмена идеями, практическими знаниями, действиями в целях выработки солидарности и разделяемых идентичностей, которые способны направить их действия в будущем. Диалог может принимать как символическую (символический обмен) форму, так и номинальную. Важная особенность успешного взаимодействия — способность принимать на себя роль «другого», умение «примерять» ее на себя.

Благодаря координации поведения в процессе интеракций индивиды формируют групповые структуры, такие как иерархии, роли, разделяемые идентичности¹.

Вся повседневная жизнь состоит из микродействий коммуникативного свойства, в любой акции присутствует компонент социального взаимодействия, будь то поход к врачу, покупка товара, ситуация выхода замуж или женитьбы и т.д., и возникает необходимость выработать общие принципы кооперации с «другим». Как отмечал Т. Лукман, «социальная реальность конструируется в коммуникативной интеракции... Очевидно, что социальная интеракция — это нечто большее, чем индивидуальное действие, но она предполагает индивидуальное действие, действие, которое имеет смысл для тех, кто в нем участвует, независимо от того, приводит ли оно к тем результатам, которые были запланированы, или к болезненным результатам, когда последствия интеракции отличаются от тех, которые первоначально ожидались» (Лукман, 2020).

Сам термин пришел из теорий символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, И. Гофман), концепций социального конструктивизма (П. Бергер и Т. Лукман), а также широко встроен в тематику социальной психологии.

Считается, что теоретико-методологическая установка исследователя, который занимается качественными исследованиями, берет начало в понимании социальных интеракций как основы социальной жизни. Эта ориентация базируется на представлении о том, что все, что люди говорят и делают в социальном мире, является результатом их личностного восприятия, возникающего в результате взаимных коммуникаций и общих символических представлений, формируемых, прежде всего, вербально, посредством языка, но также и невербально.

Понятие «символический интеракционизм» состоит из двух компонентов: символ и интеракция. Если первый соотносится с объектами, которые что-то замещают или что-то представляют, будь то жест, физический предмет или произнесенное слово, то второй компонент — интеракция — подчеркивает значимость ситуации межсубъектной коммуникации при

¹ Американская социологическая ассоциация. URL: <https://www.asanet.org/topics/social-psychology-and-interaction> (дата обращения: 12.07.2020).

передаче смыслов того или иного символа. Таким образом, интеракции обусловлены культурно. Согласно Говарду Беккеру, люди являются автономными, интерпретирующими субъектами, которые обладают способностью обсуждать, модифицировать или отвергать те значения и смыслы, которые были усвоены в процессе социализации (Беккер, 2018). Другими словами, это теоретическое направление фокусируется в первую очередь на субъективных аспектах интеракций, а не на макроструктурных факторах социальных взаимодействий. Для интеракционистов люди — прагматические акторы, которые ориентируют и приспособливают свое поведение к действиям и реакциям других людей, поскольку обладают способностью интерпретировать, оценивать действия и самих участников взаимодействия в качестве символических объектов. Процесс «приспособления» рождается из способности воображать разные альтернативные линии поведения еще до самого действия, как бы представляя себе воображаемую аудиторию. Он исходит из способности воспринимать другого, к тому же и самого себя как символический объект. Таким образом, для интеракциониста люди являются не пассивными объектами, сформированными в ходе социализации, а активными, креативными участниками процесса интеракций, которые конструируют свои социальные миры.

«Символический интеракционизм придает социальному взаимодействию (интеракции) центральное значение, учитывая его своеобразие. При подобной позиции интеракция не является условием, в котором проявляются социологические детерминанты поведения, а представляет собой взаимосвязанное поведение его участников. Поэтому интеракция является процессом, который сам формирует человеческое поведение» (Абельс, 2000).

Т. Лукман подчеркивает, что содержательно это означает переориентацию социальных исследований на анализ «процесса производства» в сравнении с анализом «продукта» или «потребления» определенных «продуктов», то есть на анализ интеракции и диалога как составляющих социальной реальности (Лукман, 2020).

Продолжая эту мысль, И. Гофман более детально рассматривает взаимодействие лицом к лицу как предмет исследований. Базовым элементом такого рассмотрения является ситуативный подход, где событие в терминологии Гофмана рассматривается как «социальный контакт», «столкновение», «несфокусированные и сфокусированные сборища» (Гофман, 2009). Основой его драматургической перспективы описания различных ситуаций называют так называемый ритуальный подход, в котором присутствует понятие «ритуалы взаимодействия» (Р. Коллинз). Как отмечает Абельс (Абельс, 2000: 58), Гофман подчеркивает «театрализованность» интеракций, рассматривая их как некие социальные постановки, когда люди, выступая «на публике», в отношениях с другими людьми, обществом, социальными институтами в своих повседневных действиях рассчитывают на восприятие окружающих

Он также вводит понятие интерактивного порядка, который включает в себя механизмы самовоспроизводства социального взаимодействия. К ним относится, в частности, прагматичная выгода, извлекаемая

человеком из участия в интеракции и превосходящая его затраты на взаимодействие.

Для его описания Гофман вводит множество понятийных инструментов для анализа взаимодействий как ритуалов: «лицо» и «лицевая работа»; «позитивные» и «негативные» ритуалы; «взаимообмены», «экспрессии» и «впечатления», «управление впечатлениями».

Изучение интеракций

Такая общая теоретико-методологическая рамка предопределяет фокус и цели исследователя-качественника на практике при подготовке своего проекта. Философия качественного подхода строится на контекстуальном изучении ситуаций с целью понять, «что происходит» с данным феноменом путем поиска и анализа символических форм социальных интеракций. Первичными данными являются словесные высказывания, образные конструкции, действия отдельных институций или поступки отдельных людей в тех формах, в которых они публично презентуют себя как акторы. Строгий анализ процесса интеракции предусматривает контекстуальное плотное описание в традициях Клиффорда Гирца, которое он использовал для социально-антропологических исследований (Geertz, 1973).

Качественное исследование и нацелено на распознавание паттернов повседневного взаимодействия путем раскрытия в ходе систематического наблюдения смыслов социального диалога через слова и действия его непосредственных участников и их последующую интерпретацию в социологических конструкциях. К тому же качественная парадигма предполагает для лучшего понимания порядка и смыслов данного взаимодействия размещать их в контексте определенных обстоятельств или конкретных ситуаций, порождающих именно данные смыслы.

Здесь, согласно принципам драматургического подхода Гофмана, важны не только формы вербальной интеракции — образцы речи, язык общения, тембр голоса, экспрессивность речи, но и невербальный, менее осознаваемый уровень коммуникации — символические сигналы общения (поза, положение в пространстве, синхронность взаимодействия с партнером), демонстрирующие определенные ожидания со стороны партнеров по общению. Сюда относят язык тела: поворот тела, контакт глаза в глаза и т.д., — которые как эмоциональные сигналы, возможно, более примитивны, но могут снизить или, наоборот, усилить энергетику вербальной коммуникации, например, сигнализировать о запретности определенной темы. Для некоторых форм интеракции также важным аспектом может служить анализ внешней среды, обстановки общения (например, происходит ли интеракция в официальной аудитории или в зоне рекреации).

Исследователи, среди которых ведущую роль играют социальные психологи, отмечают, что анализировать интеракции можно по следующим осям:

- по степени результативности различают эффективную интеракцию, которая предусматривает продуктивный обмен, сотрудничество на равных,

и неэффективную, когда каждый из агентов зацикливается на себе и в ходе интеракции возникают конфликты, или же формируются конкурентные отношения партнеров (ср., например, ситуацию торговой сделки);

- по линии властных компонентов интеракции различают доминирование/партнерство/подчинение при диалоге агентов;
- по степени эмоциональности: дружеское/враждебное; включенное/отстраненное взаимодействие.

Методы исследования

В эмпирических исследованиях при изучении интеракций в качественной парадигме чаще всего используют стратегию кейс-стади при приоритете техники наблюдения и глубинных интервью (например, исследования забастовочного движения, отношений «врач — пациент»). Различают включенное наблюдение (основоположник — антрополог Б. Малиновски, а также Чикагская школа, Р. Парк, Э. Берджесс и др.), при котором слова и поступки, а также взаимодействия внутри групп изучаются с позиции их социальных значений, когда исследователь сам является участником группы или же открыто наблюдает ее в естественном окружении, и невключенное наблюдение, если к объекту исследования трудно найти личный доступ (как при интернет-коммуникации).

Участие исследователя в пространстве интеракции может варьироваться от полного участия до частичного и полного неучастия, и тогда встает многоаспектная сложная проблема интеракции в ситуации «исследователь — респондент» (Омельченко, 2020). Существует научная дискуссия, связанная с вопросом о том, какое влияние intersубъективные отношения исследователя и респондента могут оказать на сам процесс изучения, а также на его результаты.

Возможные тренды будущих исследований

В перспективе интерес представляет модификация феномена интеракции в эпоху интернета: с одной стороны, социальные медиа предоставляют новые возможности для интерактивного взаимодействия в новых координатах времени/пространства; с другой стороны, интеракции лишаются многих привычных составляющих как вербального, так и невербального общения, в том числе модифицируется эмоциональная энергетика, глубина общения (при существенном расширении ареала общения), усиливается значение графической символики.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью (глубинное) — «разговорный» метод исследования в социальных науках, где информацию получают через интеракцию интервьюера и респондента в ходе непосредственного контакта «лицом к лицу». Как способ получения нового знания, интервью имеет долгую историю, вспомним

хотя бы «Диалоги» Платона. В социальных науках начало профессионального использования интервью в качестве инструмента исследования связывают с работами Чикагской школы 20-х годов XX века, но длительное время к нему относились весьма скептически. Тем не менее в последние несколько десятилетий, начиная с 60-х годов прошлого века, свободное интервью завоевывает популярность и становится, возможно, одной из самых востребованных исследовательских методик, используемых также в маркетинговых и индустриальных исследованиях. Некоторые исследователи даже называют современную социальную ситуацию «обществом интервью» (“interview society”, см.: Brinckmann, 2008). В социологии эта техника широко используется в феноменологических, культурологических, социально-антропологических и постструктуралистских подходах.

По способу языкового общения интервью приближается к повседневному разговору, но, в отличие от него, преследует четкие исследовательские цели — получить информацию по определенной теме или о конкретном аспекте индивидуализированного жизненного опыта. По оси межличностной интеракции данный исследовательский инструмент находится посередине некоего континуума, где с одной стороны — формальное интервью, которое берется в ходе массовых опросов, а с другой стороны — клинически-терапевтическое интервью (З. Фрейд, Ж. Пиаже). При опросном интервью отношение «интервьюер — интервьюируемый» анонимно и нейтрально, общение носит характер властного доминирования интервьюера как эксперта, тогда как в психоаналитическом интервью цель, скорее, терапевтическая, чем научная — облегчение или преодоление болезненных состояний интервьюируемого пациента. Общий же феноменологический смысл качественного интервью состоит не в получении ответов на вопросы, но в стремлении интервьюера понять мир «другого» по принципу «я хочу понять тебя и посмотреть на мир с твоей точки зрения».

Интервью может проводиться как контакт одного исследователя сразу с несколькими респондентами (групповое интервью). Такое групповое интервью иногда называют фокус-интервью. В то время как индивидуальное интервью стимулирует в первую очередь беседу относительно индивидуального опыта, понимания социальных аспектов жизненного мира конкретного человека, групповое интервью призвано побудить участников обсудить их различные, не всегда совпадающие взгляды и опыты, используя энергетику группового мнения.

В большинстве случаев интервью носит форму асимметричного диалога («односторонний диалог»), в рамках которого интервьюер задает вопросы, а интервьюируемый, занимая роль респондента, отвечает на них. В отличие от строго структурированных интервью в опросном исследовании, качественное интервью — это интервью с открытыми вопросами, на которые респондент может отвечать в свободной форме, с любой степенью глубины ответа, а также может вступать в интерактивное взаимодействие с интервьюером, самостоятельно поднимая новые вопросы или переходя к новым темам.

Открытость — ведущий принцип качественного интервью, ибо только благодаря открытости можно обнаружить смыслы, существенные для исследовательского вопроса. Полная открытость означала бы участие в интервью без гипотез, диспозиций и теоретического предварительного знания. Однако беседа невозможна без использования общего исследовательского опыта и ресурса понимания у интервьюера. Это означает, что исследовательская группа должна обмениваться предшествующим опытом, гипотезами и знанием: это снижает риск того, что возобладает предвзятое субъективное мнение. Такие процедуры требуют осознанного и не всегда легкого решения, вынуждающего сделать доступными и обсуждаемыми свои собственные убеждения и быть открытым для других «истин». Открытость как принцип может вызвать сопротивление со стороны исследователя в конкретной ситуации интервью, поскольку взгляды исследователя и интервьюируемого могут радикально не совпадать. Но качественное интервью и затевается с целью того, чтобы понять как можно точнее точку зрения интервьюируемого, который должен иметь возможность развивать свои собственные смыслы.

Подобные интервью желательно проводить вне официальных публичных мест, в локациях, где обеспечивается обстановка приватности, личного контакта и есть возможность длительного общения. Такой длительный неформальный контакт лицом к лицу с одним респондентом в качественной парадигме и называют глубинным интервью.

В зависимости от степени структурированности глубинное интервью представлено целой серией типов от полностью неструктурированного до структурированного. Более детальная техника подобных интервью зависит от целей исследования, но все они предусматривают длительный межличностный контакт, даже если это телефонное или онлайн-интервью. По типам интервью различают: 1) нарративное, 2) полуструктурированное (интервью с путеводителем), которое может выстраивать тематическую направленность в определенной логике: биографическое, лейтмотивное, фокусированное; 3) диалоговое, или свободная беседа, где возможна даже конфронтация с высказываниями респондента для уточнения или углубления его позиции.

Принцип процессуальности должен применяться как по отношению к интервью, так и по отношению ко всему исследовательскому проекту. Применительно к интервью это означает, что не все формулировки и порядок вопросов определены заранее, дизайн интервью зависит от процесса. Курс и продолжительность беседы будут варьироваться в зависимости от направленности интервью и возникающих вопросов, поэтому при проведении интервью необходима гибкая реакция на высказывания респондента.

Следующий методологический принцип — принцип экспликации. Он требует, чтобы у интервьюируемых просили объяснений и пояснений к сказанному. Но важно отметить, что пояснять следует предварительно описанное, то есть толкование следует за описанными структурами опыта. Цель состоит в том, чтобы получить или простимулировать более полное толкование опыта опрашиваемых.

Любое глубинное интервью требует полной аудио- или видеозаписи и своей дальнейшей, как можно более точной, расшифровки путем транскрибирования, чтобы не потерять значимую для исследователя информацию. Таким образом интервью как устный источник превращается в письменный документ, подлежащий анализу и интерпретации.

Хотя глубинное интервью и относится к типу неформальных, существуют некоторые общие требования к организации и тактике поведения интервьюера в поле.

- Требуется предварительная саморефлексия исследователя, осознание себя как «инструмента познания» в полевой ситуации, настрой на позицию партнерского взаимодействия в формате разговорного жанра со скрытой научной рефлексией и ориентацией на познавательные цели. Это определяется как осознанная двойственность позиции интервьюера для обеспечения баланса познания и эмпатии, рационального и эмоционального в процессе интеракции.
- Принцип рефлексивности должен определять все этапы исследовательского процесса. Для интервью и его последующего анализа это означает, что высказывание респондента погружено в контекст рассказа, оно связано с более ранними утверждениями или вопросами, и это должно быть принято во внимание при его интерпретации — только так его можно понять.
- Для проведения успешного интервью интервьюер с самого начала стремится к установлению доверительных отношений с интервьюируемым, которые необходимо целенаправленно формировать с самой первой фазы интервью, еще в преамбуле разговора.
- Интервьюер зачастую имеет дело с конфиденциальной частной информацией, поэтому необходимо постоянно напоминать себе об этических аспектах подобного взаимодействия, избегать болезненных тем и тактично касаться тем, связанных с травматическим опытом (Квале, 2003). Для определения четких этических границ интервью исследователи настаивают на подчеркивании его добровольного характера и подписании договора об информированном согласии.
- В силу свободного характера разговора интервьюеру необходима интуиция, так как нельзя заранее предвидеть все возможные риски, в том числе моральные, и непредвиденные повороты в беседе. Важно быстро реагировать на такие неожиданности и уметь совладать с возникающими рисками.
- Интервьюер нацелен не на получение готовых ответов, а на желание «схватить живые образы» индивидуального опыта в единстве фактов, вербальных и невербальных данных, поэтому необходима настройка и готовность к восприятию невербальной информации, что весьма пригодится на этапе написания мемов (заметок, комментариев) после завершения интервью.

Различают несколько фаз глубинного интервью: 1) первичный контакт и брифинг, на котором происходит определение ситуации для

интервьюируемого. Цель — адаптация научных целей исследования к повседневному миру респондента и установление отношений доверия между интервьюером и интервьюируемым. 2) Основная фаза интервью как структурированный разговор по интересующим исследователя темам. Здесь важна проблема постановки вопроса (номинальный, отслеживающий, углубляющий и т.д.). 3) Дебрифинг и выход из интервью. Цель данного этапа — создать у респондента позитивный эффект вместо возникающего иногда ощущения опустошенности вследствие раскрытия своего интимного мира «на публику», а также предусмотреть возможность дополнительных контактов. 4) После интервью — составление мемос, первичных заметок интервьюера для последующего анализа с учетом всех вербальных и невербальных данных проведенного интервью.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Интерпретация — в гуманитарном знании, в науках о культуре понятие «интерпретация» употребляется в значении, близком к понятию «понимание», с помощью которого мыслители, начиная с Дильтея, стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку, декодирование) смыслов, воплощенных в различных текстах и вообще артефактах культуры. В философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире (Швырев, 2001). Как теоретическая система философских и методологических взглядов, а также как исследовательская практика, это понятие берет начало в немецкой интеллектуальной традиции и герменевтике. Согласно Х. Гадамеру, герменевтика как наука об интерпретации с ее историческими корнями в интерпретациях библейских текстов исходит из того, что наши “being” и “doing” тесно связаны (Гадамер, 1988).

Как методологическая система в области социальных наук, как эпистемологическая парадигма, интерпретация исходит из центрального понятия *Verstehen*, или понимания и поиска смыслов социальной реальности (М. Вебер). В этом отношении она противостоит натуралистической концепции объяснения как конечной цели исследования. В широком смысле любое социальное исследование является интерпретативным, поскольку имеет дело с человеческим фактором. Однако эта теоретическая концепция более широко применяется теми социальными исследователями, кто привержен определенным онтологическим, эпистемологическим и методологическим принципам. Такая традиция основывается на рассмотрении результатов исследования, исходящем из определенных теоретических ориентаций, при этом открыто постулируется, что именно эти ориентации были использованы при выходе на определенные умозаключения.

Интерпретация в качественной парадигме понимается как исследовательская стратегия, направленная на раскрытие скрытых смыслов

социально-культурных феноменов. Познание субъективных значений (слов) социального опыта акторов опирается на общее представление исследователя-профессионала о контекстуальности функционирования социального феномена.

В постмодернистской парадигме основа таких взглядов состоит в том, что нет абсолютной истины — контекст определенной ситуации предопределяет специфическое наполнение смыслов и значений для участников, поэтому все результаты исследования считаются относительными. Опираясь на работы таких философов, как Ричард Рорти (Rorty, 1990), интерпретаторы считают, что исследователи должны отказаться от своих опасений относительно теории познания; отказаться от философской доктрины реализма/неореализма; пересмотреть основные понятия, такие как объективность, субъективность и релятивизм; переосмыслить роль методов в процессе исследования (Smith, 2008: 460).

Полученные данные не всегда говорят сами за себя, скорее, результаты исследования могут быть рассмотрены с различных перспектив.

Приведем пример. В ходе интервью мать с гордостью говорит о своем сыне, что у него высокий уровень образования — он окончил строительный техникум. Но зафиксированный факт — уровень образования — может быть совсем по-разному интерпретирован с точки зрения исследователя и его знания об иерархии системы образования и с точки зрения оценки этого факта глазами респондента. Возникают возможные разные перспективы оценки, интерпретации одного и того же социального факта.

Процесс конструирования смыслов на основе полученных результатов и понимается как интерпретация. Она помогает понять скрытый смысл данных, полученных в ходе исследования. Для этого исследователь «прикладывает» к результатам уже имеющиеся теоретические концепции или же конструирует свои собственные на основе полученных данных относительно индивидов, групп или изучаемых сообществ, соотнося их с актуальными научными дискуссиями, например, относительно расы, гендера, класса, неравенства, демократии, войны, глобализации и т.д., тем самым возвращая эмпирические данные в русло социальной критики и концепций социальных изменений.

Рассуждая о месте интерпретации в качественном исследовании, необходимо отметить, что в одних исследовательских направлениях интерпретация является центральным звеном описательного анализа, как в случаях социально-антропологического, культурологического подхода, биографического подхода, устной истории, при выборе тактики кейс-стади. Другие же, более аналитические стратегии, например, конструирование мини-теории (grounded theory) или построение типологии, используют интерпретацию на первичных этапах работы с исходными данными. В первом случае говорят об интерпретативном исследовании (Smith, 2008; 459).

Н. Денцин и И. Линкольн, рассуждая об интерпретативном исследовании, подчеркивают, что в таком исследовании смыслы раскрываются,

обнаруживаются и переживаются. Фокус делается на поиске смыслов, описании и детализации (The SAGE..., 2017). Исследователь может надеяться, скорее, на интерпретацию жизни субъектов, чем на полное их понимание. С точки зрения культурного антрополога К. Гирца, антропологическое исследование и его презентация возможны, скорее, только как интерпретация, и только во вторую или даже третью очередь как истинное «понимание» индивидуальных или групповых субъектов (Geertz, 1973).

Ролевая позиция интерпретатора. В пространстве самой эпистемологической традиции с течением времени концептуальное видение интерпретации также меняется: от колонизаторских постпозитивистских теорий к эмансипаторским теориям «исключенного» и феминизму. В традиционном интерпретативном исследовании интерпретатор был центральным звеном при описании наивных локальных культур «аборигенов», эти культуры трактовались с позиции «белого» антрополога-«миссионера», изучающего культуру «другого». Но, начиная с конца XIX века и с проектов Чикагской школы, стала развиваться иная интерпретативная традиция, которая фокусировалась больше на самих нарративных жизненных историях, а исследователь служил только передаточным звеном. В эпицентре исследовательского интереса стали сами «повествования о жизни», «голос» субъектов. Методологически это означает иной подход к интерпретации. Постмодернистская парадигма и современные дискуссии возникли на основе подобных изменений. В целом идея отстраненного наблюдателя была отброшена, и начались сложные онтологические и методологические диспуты относительно смыслов, субъективности, исследовательской рефлексивности самого интерпретатора при работе с субъективными данными.

Дискуссии об интерпретации. В настоящее время существуют несколько исследовательских направлений или интерпретативных парадигм, которые по-разному рассматривают возможности реструктурирования и реконструирования первичных данных и роль интерпретатора: этнометодология, феноменология, постпозитивистские, конструктивно-интерпретативные, критические и феминистски-постструктуралистские модели (Denzin, Lincoln, 2017).

Несмотря на их различия и специфику встроенности в различные методологические традиции, в любом случае задача интерпретатора состоит в стремлении понять в процессе интерпретации мир участников или смысл отдельных событий. В процессе работы с данными создается пространство диалога между повседневными заботами, живым опытом, практиками изучаемых участников событий, с одной стороны, и позицией участвующего наблюдателя — с другой, с его непосредственным (здесь и сейчас) проникновением в мир исследуемых. Интерпретатор соотносит ситуации с практическими мирами участников, исследует передний план в поисках его фоновых значений и практик, которые в конечном счете и делают возможным тот или иной «передний план». Наибольшее значение здесь имеет

работа с текстами. Работая с текстом, интерпретатор переходит от одного сюжета к другому, анализирует отдельные части, а также текст в целом, отслеживая возможные соответствия/несоответствия, присутствующие в отдельных частях текста.

Логика интерпретации. Прежде всего интерпретатор стремится выявить и артикулировать «особенное», специфическое для данной ситуации: особые формы речи, локальные способы действия и особые формы мышления. Общее, сходное для всех сторон данного контекста или ситуации, а также его отличительные, специфические черты — вариативность рассматривается на фоне схожих случаев — социально-типичного, что трактуется как внеконтекстуальные свойства данной ситуации, ее формальные атрибуты.

Переходя от одной стадии к другой и рефлексирюя свое движение к целостности, исследователь постепенно приближается к более полному пониманию субъектов или ситуации в целом. Глубокая и успешная артикуляция свойств данного объекта возможна тогда, когда исследователь воедино собирает большинство значимых категорий, что в результате приводит к более полному пониманию ситуации.

Если отследить логику и шаги интерпретации, то их можно представить в следующей формальной последовательности:

- фиксация основных непротиворечивых фактов, представленных респондентами в ходе полевого исследования;
- «плотное» описание фактов по методике К. Гирца (словесные конструкции и отдельные действия, описывающие свойства каждого факта);
- целостное описание ситуации как частного случая в данном контексте;
- построение первичных гипотез относительно смыслов на основании вариативных свойств данного феномена;
- сравнительный анализ вариативных свойств данного кейса в пространстве социально-типичного с фиксацией сходств/различий;
- привлечение социологических концептов и социологических теорий среднего уровня для интерпретации смыслов данной ситуации.

Литература

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем.; под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000.

Беккер Г. Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. Н. Фархатдинова; под общ. ред. А. Корбуа. М.: Элементарные формы, 2018.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; под общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

Лукман Т. Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция / Пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 11–20. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Швырев В. С. Новая философская энциклопедия / Под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.

Brinckmann S. Interviewing // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 470–472.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 1973.

Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers I. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139173643>

Smith J. K. Interpretive Inquiry // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 459–461.

The SAGE Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2017.

Дата поступления: 01.09.2020

INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5

Victoria Semenova, Elena Rozhdestvenskaya

Semenova Victoria — Doctor of Sociology, Professor, Head of Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods, Institute of Sociology of FCTAS RAS, victoria-sem@yandex.ru

Rozhdestvenskaya Elena — Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, rigasvaverite@gmail.com

The work is an attempt to generalize the scientific interpretation of fundamental concepts in the framework of a qualitative paradigm, such as interaction, interview and interpretation. These terms are usually used in a broader sociological theoretical and methodological literature, and have their own history within the social sciences. Though, in modern science, these categories are already embedded in the terminology and semantics of the interpretive paradigm, and they have acquired additional meanings and context of use in the thesaurus of the qualitative sociologist. Therefore, the goal is to describe them in more details, in the genre of dictionary entries, as terms embedded and interpreted in the field of qualitative sociology; as concepts used during the construction of the methodological design of qualitative research, and in the practice of fieldwork or analysis of primary data. Moreover, these three terms define the general concept and configuration of our journal “Interaction. Interview. Interpretation”.

Keywords: qualitative sociology; interpretive paradigm; interaction; interview; interpretation

References

Abels H. (2000) *Interakciya, identichnost', prezentaciya: vvedenie v interpretativnyuyu sociologiyu* [Interaction, identity, presentation: an introduction to interpretive sociology] / Transl.; Ed. by N. A. Golovin, V. V. Kozlovskiy. SPb.: Aletejya. (In Russ.)

Bekker H. (2018) *Autsajdery: Issledovaniya po sociologii deviantnosti* [Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance] / Transl. by N. Farhatdinov; Ed. by A. Korbut. M.: Elementarnye formy. (In Russ.)

Brinckmann S. (2008) Interviewing. *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods* / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications. P. 470–472.

Denzin N., Lincoln Y. (eds.) (2017) *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications.

Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenetiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics] / Transl.; Ed. by B. N. Bessonova. M.: Progress. (In Russ.)

Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. NY: Basic Books.

Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodejstviya. Oчерki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on face-to-face behavior] / Ed. by N. N. Bogomolova, D. A. Leont'ev. M.: Smysl. (In Russ.)

Kvale S. (2003) *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research Interviewing]. M.: Smysl. (In Russ.)

Luckmann T. (2020) Kommunikativnoe konstruirovaniye real'nosti i sekvencial'nyj analiz. Lichnaya reminiscenciya [The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence] / Transl. from English by V. V. Semenova. *Interakciya. Interv'yū. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 9–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>

Omelchenko E. L. (2020) "Ya nichem vam ne pomog...": issledovatel'skaya refleksiya vsled neudachnomu interv'yū ["I didn't help you in any way...": Research Reflection after a Failed Interview]. *Interakciya. Interv'yū. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Rorty R. (1990) *Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers I*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139173643>

Shvyrev V. S. (2001) *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New philosophical encyclopedia] / Ed. by V. S. Styopin. M.: Mysl'. (In Russ.)

Smith J. K. (2008) Interpretive Inquiry. *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods* / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications. P. 459–461.

Received: 01.09.2020

Рецензии и обзоры

«Лайфхаки», “how to” и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.6

Ссылка для цитирования:

Штейнберг И. Е. «Лайфхаки», “how to” и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 106–121.

DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

For citation:

Shteinberg I. E. (2020) Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 106–121. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

Илья Штейнберг*

Рецензия на книгу А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой «Как собрать данные в полевом качественном исследовании». М: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020. ISBN 978-5-7598-1960-8 (paperback)
ISBN 978-5-7598-2086-4 (epub)

Представлена рецензия на учебное пособие А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой «Как собрать данные в полевом качественном исследовании». Авторы книги описывают совместный опыт участия в полевых исследовательских проектах, выбирая жанр “how to” с множеством примеров полевых ситуаций, стратегий, инструментов и документов. Обсуждаются проблемы доступа в поле, сбор визуальных материалов,

* Штейнберг Илья — кандидат философских наук, доцент кафедры юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; преподаватель интенсивных курсов повышения квалификации, Институт социологии ФНИСЦ РАН, isteinberg@mail.ru.

вопросы архивирования данных и многие другие актуальные аспекты исследовательской работы. В книге пошагово выстраивается логика полевого проекта от конструирования исследовательского дизайна до выхода из поля и сохранения связей с ним.

Ключевые слова: качественное исследование; методы сбора данных; доступ в поле; интервью; наблюдение; исследовательская рефлексия

Введение

В современном мире с его объемом и доступностью информации практические руководства и инструкции пользователя, которые охватывают все сферы жизни, меняются в сторону простых и понятных для восприятия текстов, где на наглядных примерах, с применением механик инфографики и прочей визуализации, демонстрируются способы решения различных задач. Тематический охват этих «руководств» значительно изменился и поражает своим разнообразием. Прежние скромные издания из серии «Сделай сам», касающиеся посильного строительства из подручных материалов, ремонта, приготовления пищи, самоучители игры на музыкальных инструментах и подобные издания значительно отличались от профессиональных практических пособий с их обилием специфических терминов и понятий, использованием инструментов, труднодоступных для «любителя» и требованиями к наличию базовой теоретической подготовки и определенного уровня специфических навыков и умений. Сегодня эти границы, мне кажется, стираются под натиском продукции под шапкой «Это просто». «Маркетинговое исследование — это просто» или «Доступно о том, как провести фокус-группу, интервью, собеседование» и проч. Правда, пока не появились практические советы любителям в дисциплинах, где есть очевидные негативные последствия для пользователя или технические сложности. Например, еще нет практического руководства с названием «Укладка парашюта — это просто» или «Самоучитель игры на классическом органе». Возник и стремительно развивается особый жанр — «лайфхаки», который многие отождествляют с тем, что авторы учебного пособия обозначили как практические руководства в стиле “*how to do*” (т.е. руководства к действию) (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 7).

Почему возникает спрос на практическое руководство по качественным исследованиям в виде сборника «лайфхаков» как полезных советов и хитрых трюков в решении бытовых проблем для экономии времени и денег? Потому что интервью, наблюдение, фокус-группа выглядят как обыденные практики общения, где достаточны бытовые навыки «вести беседу», «внимательно наблюдать», «проводить собрание». Никто же не откажет себе в коммуникабельности, умении сопереживать, эмпатии и прочих прекрасных человеческих качествах, которые нужны для общения с другими людьми. Понимание, что это «не просто», появляется, когда наступает момент оценки результата этих «бесед». Даже простая сборка мебели по инструкции с подробным

описанием, рисунками и видео пошаговых действий приводит иногда к отчаянию «начинающего сборщика» и вызову «специально обученных людей». А что же говорить о «сборке» факторов для модели поведения нелинейных систем, которыми являются люди и их сообщества?

На мой взгляд, авторы практического пособия «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» избежали искушения превратить его в «лайфхаки» для полевого исследования качественными методами, показав, что это «не просто». Достаточно посмотреть на структуру текста, на используемую профессиональную терминологию, на описание полного цикла полевого исследования, чтобы понять, что отправиться в поле «с чистого листа», с «незамутненным взглядом ребенка», без соответствующей подготовки, которой достигается состояние “*tabula rasa*” и «настраивается оптика» исследователя, может повлечь за собой большие риски не собрать первичную информацию, релевантную целям и задачам проекта.

Например, в «наставлениях» по методам сбора качественных данных редко упоминается необходимость до выхода в поле определиться с аналитической рамкой проекта, «задающей определенную перспективу для изучения объектов, субъектов и феноменов» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 14). Авторы подчеркивают, что эта аналитическая рамка — не статичный теоретический конструкт, а результат циклического процесса построения объяснительных гипотез: циклические процедуры по Моргану (Morgan, 2014) или спиралевидные по Гобо и Молле (Gobo, Molle, 2017). Такая активность предполагает знание существующих теоретических концептов относительно темы исследования или хотя бы парадигмальных основ качественного подхода и его отличия от количественного, то есть уже «не просто».

Продолжение и развитие традиции

С другой стороны, обилие примеров конкретных академических и научно-практических проектов, выполненных в рамках социологических, этнографических и междисциплинарных исследований, демонстрирует стиль “*how to*”, где на практике применяются предлагаемые в пособии методы. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что почти все эти примеры взяты из непосредственно личной практики исследований авторского коллектива. По собственным ощущениям от процесса написания подобных методических работ я знаю, что пропущенный автором через себя опыт использования данного метода помогает лучше описать его возможности и ограничения на практике, дает более системное представление о том, как выбранный метод вписывается в общий замысел проекта.

В этом, мне кажется, проявляется заявленное авторами во введении «продолжение отечественных традиций». Еще в 1999 г. в предисловии к нашей с Евгением Ковалевым книге по качественным методам, которую мы написали по материалам пятилетнего междисциплинарного исследования под руководством Теодора Шанина, Ольга Михайловна Маслова отметила,

что «здесь все начинается с примера» (Ковалев, Штейнберг, 1999: 10). В своем предисловии она многократно подчеркивала важность личного опыта авторов в использовании тех методов и парадигм, которые они предлагают читателям в качестве практического руководства к действию. В то время в нашей научной литературе по качественным методам в социологических исследованиях шел «золотой век переводчиков»: учебные пособия строились в основном на заимствованных примерах из опыта зарубежных исследовательниц. Теперь дефицита ни в переводах, ни в отечественном исследовательском опыте не наблюдается. Это дает возможность работать в штатном режиме сравнения и анализа собственных методических усилий с мировым опытом в этой сфере, что и демонстрируют авторы этого издания.

Перед любым практическим руководством или учебным пособием стоит задача преодоления разрыва компетенций между тем, что читатель знает о методе, и тем, что он потом «сумеет сделать руками». Этот «разрыв» можно преодолеть при условии, что в процессе освоения конкретного метода присутствуют три компонента: 1) объяснение, что надо делать и почему надо делать именно так (теоретическое обоснование метода); 2) демонстрация на собственном примере (обучить другого можно только тому, что умеешь сам); 3) дать самим студентам попробовать повторить то, что показал учитель (для корректировки, усвоения и закрепления практического навыка). Мне показалось, что авторы пособия стремились следовать этой логике. На это указывают небольшие экскурсы в методологию, описание своего опыта использования метода, учебные задания и нацеленность на последующую учебно-производственную практику в рамках экспресс-экспедиций.

Хочется обратить особое внимание на включение в содержание данного руководства разделов, которые в отечественных учебных пособиях по методикам исследования для вузов встречаются редко, а некоторые темы поднимаются обычно в журнальных статьях или на онлайн-площадках. Например, «Мобильный исследователь: как современные устройства помогают в сборе данных» или «Архивация полевых данных», «Выход из поля и сохранение связей с ним», «Этика полевых исследований». Есть даже «наставления» по построению дизайна исследования в парадигме «публичной социологии», которую развивает Майкл Буравой (Буравой, 2008). В этом заявленный авторами стиль *“how to do”*, на мой взгляд, прошел испытание на прочность и последовательность, так как в отечественном дискурсе публичной социологии мало кто идет дальше дискуссий между «академиками» и «практиками». В руководстве исследование трактуется в рамках публичной социологии как сбор и анализ информации о жизненной ситуации акторов, «доведение результатов проекта до более широких аудиторий и возвращение социологического знания в район, где проводилось полевое исследование» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 21–22). Авторы предлагают свою трактовку дизайна проекта в рамках публичной социологии и показывают, как может на практике выглядеть «наделение властью уязвимых групп», которые используют результаты исследования для улучшения своего положения.

В академическом и традиционном научно-практическом исследовании грань, где кончается наука и начинается политика, часто обозначена линией с надписью «практические рекомендации». Эти «практические рекомендации» предназначены, прежде всего, для принятия управленческих решений администрацией и прочими институтами власти. Конечно, хотелось бы более детального описания процедуры «возвращение социологического знания в район» из перспективы «наделения властью его жителей». Безусловно, не хватает анализа последствий этих интервенций для самих уязвимых групп. Однако сама попытка говорит о серьезности намерений авторов показать на собственном опыте, что значит осуществить проект в рамках определенной социологической концепции.

Ремесло и искусство в качественных методах

Поле для качественных методов исследований выглядит избыточно широко для однозначного понимания его возможностей и ограничений. Выступать с критикой какого-либо авторского подхода или попыток адаптации методического арсенала смежных дисциплин, на мой взгляд, занятие неблагодарное, если заранее не уточнить тип конкретного исследования, его цели и задачи, а главное, иметь сведения о достижении этих целей, того, что удалось и что не получилось в результате. Мне кажется, что любое учебное пособие по методам должно включать раздел по работе над своими ошибками в применении инструментов исследования. Приятно отметить, что авторы, видимо, тоже считают это важным, так как текст руководства изобилует констатациями, что не все удалось достичь, как было задумано, хотя не везде это сопровождается анализом причин.

Например, в разделе подготовки к полю было дано «наставление» при разработке дизайна проекта придерживаться логики определенной дисциплины. В качественном поле смещения в такой логике чаще наблюдаются между социологией и этнографией. Авторы делают попытку показать эти различия на примерах двух исследований. Из них следует, что граница между социологическим и этнографическим исследованием пролегает по степени формализованности инструментария и использования вторичных данных. А «этнографичность» сбора данных, заключается во «вживании» в культурный контекст» плюс проявление «внимания исследователя к выстраиванию отношений с представителями изучаемой социальной группы». Наверное, читателю хотелось бы еще увидеть различия в целях и задачах, теоретических рамках, гипотезах, выборке и других элементов программы этих типов исследования.

Такие примеры дают представление о том, чем логика дизайна социологического исследования может отличаться от этнографического. Авторы добросовестно указывают, что исследование, которое планировалось как этнографическое кейс-стади, по факту больше тяготеет к социологическому исследованию (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 28–30). Это

говорит о том, что логика дизайна была нарушена, и пусть анализ причин этого ограничивается короткими сроками экспедиции, недостаточными для вживания и проч., само описание проекта, где «этнографичность» удалось соблюсти только частично, так как «поле» длилось только месяц и доверительных отношений с заводскими рабочими не сложилось, уже делает текст живым и достоверным. Здесь бы неплохо, мне кажется, дать представление о критериях, по которым можно об этом судить. Например, что это не только «доверительная информация» в беседах, но факты приглашения в гости домой, на семейные праздники, мероприятия «для своих», расширение того, что «они готовы показать чужаку» и т.п.

В идеале можно найти пример, где «плохое этнографическое исследование» может превратиться в «хорошее социологическое» или не стать ни тем, ни другим. В приведенных примерах проектов можно показать этнографические и социологические аспекты в задачах изучения «повседневной жизни в индустриальном районе» и сложности в стремлении оставаться в рамках одной логики. Например, ключевой вопрос одного из них: «Что представляет собой идентичность современного индустриального рабочего в постсоветском пространстве?» — выглядит как этнографический. Он содержит задачу описания этого феномена и не предполагает выяснение того, под влиянием каких внешних социальных институтов эта идентичность сформировалась именно такой, а не иной, что обычно входит в задачи социологического проекта. Таким образом, если речь идет о практическом руководстве, то, видимо, надо постоянно напоминать о различиях в подготовке и проведении социологического, антропологического, этнографического исследования или показать необходимость междисциплинарного подхода. Может быть, стоило бы в заданиях по закреплению материала раздела подготовки к полю дать описание двух проектов с задачей определить его тип или предложить, например, сделать социологическую проблематизацию темы, которая заявлена как этнографическая, или наоборот.

Поскольку данная работа представляет собой не компиляцию различных учебных пособий по качественным методам, а авторский взгляд на то, что эти пособия собой представляют и как можно помочь студентам их освоить для практического использования, то я бы остановился на ряде тем, которые представляются мне «болевыми точками» в организации и проведении сбора первичных данных качественными методами.

Ключевой исследовательский вопрос

Авторы руководства не обошли вниманием серьезную проблему полевого качественного исследования — поиск и формулирование ключевого исследовательского вопроса как центральной оси проекта. В целом данная тема достаточно подробно рассмотрена, показано значение ключевого вопроса темы, приведены примеры и даны упражнения для закрепления материала. При этом использован довольно редкий прием, когда из ключевого вопроса

предлагается сформулировать «подвопросы» для интервью и для наблюдения. Здесь, мне кажется, было бы полезно развести описательные и объяснительные ключевые вопросы. В приведенных примерах предложены описательные вопросы: «Как современные работники воспринимают и описывают свою работу?» или «Что представляет собой идентичность современного индустриального рабочего в постсоветском пространстве?» Описательные вопросы более свойственны этнографическим исследованиям, нацеленным на описание новых или малоизвестных практик.

Социологические качественные исследования тоже могут иметь ключевые вопросы в описательном формате, но чаще нацелены на объяснение в целом известных социальных феноменов через факторы внешней среды. Для этого они иногда формулируются в форме парадокса, например: «Почему, несмотря на это, происходит не то, что ожидалось?» Тот же вопрос про идентичность может содержать парадокс: «Почему люди, которые не считают себя ни бедными, ни богатыми, не идентифицируют себя со средним классом?» Ключевой вопрос в исследовании, посвященном крестьянской идентичности жителей села, нес такой же парадокс: «Почему житель села, при постоянном проживании в нем, занимаясь сельскохозяйственным производством, имея свой земельный надел, считает себя не крестьянином, а бывшим колхозником или «мелким предпринимателем»? Или: «Почему одни фермеры считают себя крестьянами, а другие нет?»

Данная глава, на мой взгляд, значительно бы выиграла, если бы студентам были предложены критерии, по которым можно отличить этот тип вопросов в программе исследования, и сформулированы задания по их тестированию на «право называться ключевыми».

Выборка в качественных исследованиях

Наверное, это одна из самых болезненных точек в проектировании дизайна исследования. В вопросе: «Почему вы считаете, что столько респондентов достаточно для интервью в этом исследовании?» — скрыта постоянная и любимая мишень для критики этого подхода. Имя этой мишени — «Репрезентативность». В пособии перечислены основные способы конструирования выборки, приведен пример работы методом «снежного кома», но тема «репрезентативности», на мой взгляд, нуждается в дополнении. Например, одним из аргументов авторов, смягчающих остроту проблемы, является признание, что с точки зрения количественного подхода эти выборки «нерепрезентативны». Но при этом делается замечание, что «даже среди этнографов встречаются и такие, кто настаивает на необходимости конструирования именно репрезентативных выборок в этнографических исследованиях» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 36–37) со ссылкой на Гобо и Молле (Gobo и Molle, 2017). Этот тезис нуждается в пояснении в том плане, что надо четче понимать, что имеется в виду под репрезентативной выборкой в качественном исследовании. Понятно, что репрезентировать структуру

населения так, как это делается в массовых опросах, не то что города, но даже и среднего по численности села такая выборка не может. Но, тем не менее, мы можем говорить о репрезентации отдельных практик и смыслов, которые вкладывают в них их носители как представители определенных социальных групп или сообществ. Для этого используются логические схемы, которые позволяют «до поля» примерно рассчитать число интервью, то есть построить целенаправленную квотную выборку для ответа на ключевые вопросы исследования. Некоторые авторы считают, что в большинстве качественных исследований это число составляет в среднем от 15 до 50 респондентов. Надо отметить, что я тоже вышел на это число, когда пытался найти способ борьбы с «ложным снежным комом» в исследовательских интервью. В результате появилась «восьмиоконная модель выборки», которая позволяет логически обосновать число респондентов перед выходом «в поле», то есть построить целенаправленную квотную выборку, репрезентирующую практики и типы их носителей, которые интересуют проект (Штейнберг, 2014). Правда, этот метод имеет ограничения, так как продуктивен при групповой работе (является элементом «длинного стола»), лучшие результаты получены для экспертных интервью, а также предполагает коррекцию «окон» выборки в ходе этапа «в поле» и т.п.

Наблюдение в поле

Наблюдение, пожалуй, наиболее сложный способ сбора первичных данных в качественных исследованиях. Поэтому не случайно авторы указывают на проблемы с выбором и фокусировкой на объекте наблюдения, способах фиксации, описания и интерпретации результатов. Перечислены различные инструменты для наблюдения и описания его объектов и роли самого наблюдателя, читателя знакомят с практикой использования полевого дневника, затронут вопрос об *этике полевого исследователя*.

Как положительный момент надо отметить факт, что структура раздела «Сбор полевых данных» повторяет логику полевой работы качественными методами, которая всегда начинается с наблюдения. Даже тогда, когда в программе исследования методом сбора данных выбрано структурированное интервью или фокус-группа, мы начинаем наблюдать, а лишь потом задавать вопросы, кроме, пожалуй, интервью в удаленном доступе, например, по телефону или посредством других гаджетов, где возможна только голосовая связь.

«Механика мозга» устроена таким образом, что понимание собеседника и объяснение его поведения в интервью предполагают определенную последовательность: наблюдение — восприятие — обращение к опыту для идентификации информации — понимание — объяснение. Без сознательной фиксации невербальной информации с помощью полевых дневников, описания контекста интервью (обстановки, состояния респондента и проч.)

интерпретация ответов в плане понимания их смысла может быть значительно осложнена. Это хорошо видно на примерах различий в понимании ответа респондента самим интервьюером и «приглашенным» аналитиком транскрипта интервью.

Авторы обращают внимание на смену ролей наблюдателя в процессе исследования в результате установления более доверительных отношений с участниками исследования или изменения целей и задач. Это ценное замечание, которое хотелось бы дополнить предостережением от непроизвольной «смены ролей», когда «наблюдатель» движется по пути сокращения дистанции с объектом наблюдения, погружаясь в его повседневные практики и человеческие отношения. Он может не заметить, что стал включенным наблюдателем и даже участником. Особенно это актуально для социологических проектов, где в поле важнее понимание, а после поля — объяснение. Здесь на первый план выступает дистанция особого рода — это дистанция между пониманием и объяснением. «Ассимиляция с полем» в наблюдении ведет к эффекту «замысленности взгляда», когда возникает иллюзия, что все понял и объяснять необходимости нет.

В тексте отдельно выведен для обсуждения методический спор относительно продуктивности индивидуального и коллективного наблюдения. С одной стороны, нет сомнений, что команда наблюдателей за массовым явлением (митингом, демонстрацией и проч.) соберет больше данных для анализа и представит более объемную картину, особенно если это полипрофессиональная группа. Здесь тоже, на мой взгляд, стоит оговорить, что «одиночка» может быть эффективен, если работает по узкой теме. Например, наблюдает только факты взаимоотношения «стражей порядка» с демонстрантами в указанных в плане наблюдения «узловых точках». Это похоже на работу репортеров в горячих точках или на спортивных соревнованиях. Они по своему опыту знают, где надо находиться для наблюдения, чтобы поймать нужный момент, фиксируя, что должно или не должно произойти. В одном нашем проекте у наблюдателя был «лайфхак» — незаметно расположиться неподалеку от стоянки патрульной машины как точки лучшего обзора за происходящими событиями. Но это все предполагает высокий уровень профессионализма, а для обучения студентов практикам наблюдения все же предпочтительнее коллективный формат, где можно сравнивать результаты наблюдения несколькими наблюдателями одного и того же объекта.

Полевой дневник

Ведение полевых дневников является привычным атрибутом полевой работы антрополога и этнографа. В социологических исследованиях этот инструмент исследователя-качественника вызывает много вопросов, связанных с его целесообразностью, содержанием, порядком заполнения

и проч. «Руководство» предлагает различать формализованный дневник наблюдения и ведение дневника в свободной форме. Первый более распространен в практике социологического исследования, второй — в этнографии и антропологии. В пособии перечисляются функции полевого дневника: «структурировать и систематизировать сбор эмпирических данных; зафиксировать повседневные смыслы и контексты ситуаций, в которых происходят коммуникации и интеракции между исследователем и участниками исследования; проследить развитие отношений между исследователем и участниками исследования; отразить эмоциональное состояние исследователя при нахождении в поле; сформулировать предварительные предположения и сделать первичный анализ» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 99).

Я не случайно полностью привел весь список функций дневника из пособия: тем самым я хотел показать, что их осуществление требует много времени, специфических навыков и физической нагрузки, особенно в рамках социологической экспресс-экспедиции, где день за днем до окончания «поля» интервьюер может проводить несколько интервью или наблюдений на разных объектах. Поэтому сетование на нехватку времени и сил на заполнение полевых дневников — это неременный атрибут таких полевых исследований. Здесь важно отметить, что дневник ведется «до поля, в поле и после поля» и встречаются его виды с относительно высокой формализацией. Например, в ходе наших «длинных столов» применяется формат «группового полевого дневника» для осуществления процедуры аналитической триангуляции, который собран по принципу «необходимое и достаточное». Он включает обязательные разделы для полевых дневников участников проекта, например, описание контекста интервью, «что считать ответом на ключевой вопрос исследования», «неожиданные ответы», «метафоры и сравнения респондента, поясняющие его ответ». Кстати, в методике обучения полевых исследователей он выполняет роль тренажера для приобретения навыков работы с полевым дневником.

В раздел, где объясняется, почему полевые дневники необходимы, будет полезным добавить еще две функции дневника: подстраховка в случае отказа техники фиксации объекта или невозможности ее использования, а также значение полевого дневника не только для наблюдателей, но для «объектов» наблюдения, так называемый эффект икебаны, когда наблюдатель ведет запись в их присутствии. Здесь возможны как позитивные, так и негативные последствия, которыми можно управлять (например, темп речи респондента, перевод темы, совместное создание рисунков или схем, поясняющий вопрос и ответ). Не всегда отмечается факт, что полевой дневник может служить инструментом для управления процессом общения между интервьюером и респондентом. От классического «лайфхака» — «говорите медленнее, я записываю», до организации паузы в разговоре, возврата к предыдущему ответу или вопросу, снятия негативных моментов «контакта глазами» и проч.

Тандемное интервью, биографические прогулки и «насыщенность»

Следующие главы пособия посвящены слабо представленным в методических учебных пособиях практикам тандемных интервью и биографическим прогулкам. В главе 5 («Полевое интервью») приведена таблица критериев для предварительного тестирования гайда, а описание тандемного интервью уходит от привычного наставления заранее распределить роли («беседчик» и «наблюдатель-регистратор») к широкому спектру возможностей этого метода. Важно, конечно, помнить, что здесь есть опасность попасть в формат «перекрестного допроса» или столкнуться с индивидуальными особенностями респондента, который предпочитает беседы без посторонних, включая второго интервьюера.

Также нечасто встретишь обоснование народной мудрости «лучше меньше, да лучше» — авторы следуют здесь за Веллером, который доказывал, что небольшая выборка ($n = 10$) с интенсивным зондированием темы будет более продуктивна, чем большая выборка с поверхностными интервью без зондирования (Weller et al., 2018). Особенно важно упоминание, что «тематическое насыщение может быть иллюзией или неумением использовать тактики зондирования (углубления)» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 120). А ведь именно «насыщенность» собранных интервью, когда ответы респондентов начинают повторяться, является основным аргументом для «остановки снежного кома» в поле.

Что касается биографических прогулок и использования рисунков, то здесь есть много пересечений с частью работы, посвященной полевому дневнику.

Визуальные и проективные данные

Стоит обратить внимание на использование проективных методов в качественных исследованиях. Здесь, наверное, наиболее четко видна граница между социологическими и этнографическими исследованиями. Наблюдение как метод определения внутреннего состояния человека не является надежным. Например, ни внешний вид, ни язык тела не могут дать достоверной информации о степени удовлетворенности жизнью или ощущении счастья. Люди могут выглядеть одинаково, но быть в разной степени счастливыми и несчастными, или выглядеть по-разному, но быть одинаково удовлетворенными своим положением. Количественные анонимные опросы или формализованные интервью за счет нивелирования ответов в больших массивах данных остаются самым надежным методом из ненадежных. Даже фактор ситуативности может быть «переварен» большим объемом выборки. Для «качественников» же вопрос о сравнении данных и обобщениях, присутствующих в их отчетах, остается наиболее неприятным. Нет никаких серьезных оснований считать, что можно сравнивать самооценку ощущений или фактов

своей биографии у людей, принадлежащих к разным культурам, имеющим различные индивидуальные особенности и жизненные истории. Здесь нагрузка на выборку и доверие к субъективности исследователя чрезвычайно велика, поскольку мы имеем дело с двойной рефлексией — рефлексией исследователя по поводу рефлексии респондента. Продукт этого совместного конструирования смыслов может содержать риск «двойной ошибки», поэтому надежность выводов должна проверяться в социологическом исследовании методической триангуляцией, которая помогает сравнить рефлексии респондента с его социальным поведением.

Еще один интересный вопрос поднят авторами — это вопрос о том, в какой части гайда должны предлагаться задания, связанные с проективным методом. Безусловно, верна рекомендация ставить эти методы в конце гайда, но здесь надо напомнить, что для многих респондентов «раппорт» с интервьюером легче наладить через техники визуализации, здесь работает установка, пришедшая к нам из глубины веков — «обзор и укрытие» (когда тебя не видят, а ты видишь все). Если интервьюер видит, что респонденту с трудом дается вербализация своих мыслей и чувств, то рисунки, схемы, фотографии можно предложить и в начале интервью.

Этическая комиссия

Данное руководство содержит описание исследовательских практик, которые пока не нашли широкое распространение в России. Одна из них — это этическая комиссия, которая действует, в частности, в НИУ ВШЭ и проводит этическую экспертизу инструментов социологического исследования. Важно, что здесь приведен пример этического протокола, где перечислен ряд вопросов, связанных с обеспечением безопасности информантов в психологическом, моральном и социальном плане. Например, это вопросы анонимности, принадлежность к социально уязвимым группам, возможные негативные реакции на вопросы и проч. характеристики основных исследовательских инструментов, в отношении которых необходимо заполнить этический протокол — документ, который уточняет этические принципы исследования: как будет использоваться домашний адрес участников, не принадлежат ли участники проекта к социально уязвимым группам (беременные, дети до 16 лет, лица с хроническими расстройствами и др.); не спровоцируют ли исследовательские действия стресс у информантов и многое другое.

Конечно, желательно бы было, чтобы авторы не ограничились только упоминанием, что к их проекту претензий со стороны комиссии не было. На мой взгляд, полезно было бы привести пример, когда этическая комиссия отклонила исследовательский инструмент по конкретным причинам, так как на Западе этические комиссии редко объясняют причины, по которым инструмент проекта признан «неэтичным».

«Эмпатическая кооперация»

В «наставлениях» студентам упомянута еще одна «болезненная точка» в интервью, названная **«эмпатической кооперацией»** с исследователем, когда респонденты «будучи расположенными к общению, готовы давать развернутые ответы на «непонятные» для них вопросы». К сожалению, надо отметить, что в эту ловушку попадают не только участники студенческой практики, но и опытные исследователи. Причины, по которым респондент «начинает интенсивно рассказывать совсем о другом», могут быть гораздо шире нежелания показаться некомпетентным, если вопрос непонятен или выглядит как «не совсем корректный или абстрактный». Бывает ситуация, где как раз ошибкой будет прерывание «ответа не по теме», так как не всегда можно быть уверенным, что респондент не понял вопрос. Бывает, что он потом неожиданно «выруливает на тему», встречаются собеседники, которым в ответе надо «начать издалека». В некоторых исследованиях, где используется дискурс-анализ, «непонимание вопроса» или его собственное толкование респондентом является само по себе ценной информацией. Здесь можно дать две рекомендации: 1) кроме просьбы «спрашивать, если непонятно», которая редко находит отклик, терпеливо ждать момента, когда становится ясно, что вопрос не понят, и попросить привести пример, по которому можно лучше понять, на какой вопрос отвечает респондент; 2) если вопрос содержит формулировки или понятия, которые могут быть восприняты по-разному, то лучше предварительно уточнить, какой смысл в них вкладывает респондент. Вообще, это хорошая тема для обсуждения со студентами феноменологического подхода в качественных исследованиях, где одновременно существует множество жизненных миров.

Доступ к полю

Тема доступа к полю, мне кажется, авторам пособия вполне удалась. Достаточно перечислить важные составляющие этого этапа полевого исследования, с которым большинство практиков связывают 50% успехов и неудач в сборе информации. Например, это различия в доступе к полю, которое представляет собой открытую, многочисленную группу, знакомую с практикой исследований (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 68) и к полю с труднодоступными респондентами (закрытые группы, носители латентных практик). Стремление показать всю линейку респондентов (как у нас говорят, «от таксиста до министра») приводит к важному обсуждению разнообразия входов в поле и различных тактик исследователя, которые собраны в таблицу «Описание тактик доступа в поле исследования» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 70). Здесь указаны и письма-приглашения, и флаеры, и помощь «проводников», рекрутеров и т.п. Важно подчеркнуть, что в этой главе представлены описания личного опыта использования этих тактик и показана их результативность.

Жаль только, что не указано, как эти тактики синхронизированы с типом исследования и моделью выборки: ведь одно дело социологическая экспресс-экспедиция, где от предварительной работы «на берегу» крайне сильно зависят ее результаты, другое дело — этнографическая экспедиция с ее технологией «вживания», где вопросы доступа в поле можно решать «по обстановке». Многие риски работы с труднодоступными респондентами также можно оценить заранее, если озаботиться простым вопросом: «Из каких соображений информант согласится на интервью с социологом, компетенция которого (как право задавать вопросы и получать ответы) непонятна?» Здесь появится широкая палитра «ресурсов доступа» от «по знакомству», «из любопытства», «из-за тщеславия» до «просто заплатить». Исходя из этого, выбираются подходящие тактики, которые позволяют существенно облегчить доступ к полю.

Методы обучения методам

Если говорить о том, чего в этом практическом руководстве действительно не хватает как отдельного раздела, то это главы о подготовке полевых исследователей, которым предстоит использовать на практике все эти «наставления». Дело в том, что главным инструментом полевого качественного исследования является сам исследователь, который обладает необходимыми специфическими и неспецифическими навыками для применения инструментов сбора данных. В этом деле мы вынуждены зависеть от его субъективности. Ее нельзя исключить, но ее можно осознать, тем самым повышая надежность и достоверность полученных данных. Для этого нужен определенный уровень развития рефлексивности. Никто же не ожидает от человека без музыкального слуха, что он сможет хорошо сыграть на скрипке, даже если он знает нотную грамоту. В работе перечисляются многие неспецифические навыки, такие как рефлексия, эмпатия, аналитичность мышления, организованность, коммуникабельность и проч., которые требуются для овладения специфическими, такими как умение архивировать, тестировать гайд, проводить интервью или наблюдение, вести полевой дневник и т.д. На мой взгляд, нужны способы диагностики уровня развития неспецифических навыков и специальные тренировочные упражнения для их доведения до уровня, необходимого для данного ремесла. Методики создания и развития рабочих групп для реализации проектов в гуманитарной сфере, где наш «метод длинного стола» и его модификации — это только один из большого числа возможных подходов.

В учебном пособии эта проблема, видимо, решается опытом применения этих инструментов на практике студенческих экспедиций, а может быть, лекцией студентов «со слухом» для участия в «практике». Я это пишу не в плане критики авторов, а для того, чтобы обозначить проблему, которая сегодня очень актуальна, но по ряду причин находится в тени тренда по совершенствованию технологий с использованием новых возможностей электронных

средств коммуникации и освоением киберпространства. Это усиливает разрыв компетенций между знаниями о методе и способностью его применить на практике. Здесь большое поле для создания «методов по обучению методам» специалистов, которым предстоит применять качественный подход в решении научных или практических задач во всех возможных средах.

В заключение, говоря об учебном пособии А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой, мне особенно приятно отметить, что данное «Практическое руководство» представляет собой достойный образец методического пособия по обучению профессиональным навыкам ремесла исследователя-качественника. Полагаю, что оно найдет благодарных читателей не только из студенческой среды, но будет полезно и для опытных специалистов-практиков.

Литература

Буравой М. За публичную социологию // *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения* / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконая» модель // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*. 2014. № 38. С. 38–71.

Gobo G., Molle A. *Doing Ethnography*. 2nd ed. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington; Melbourne: SAGE, 2017.

Morgan D. *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>

Weller S. et al. Open-Ended Interview Questions and Saturation // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13. № 6: e0198606. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198606>

Дата поступления: 1.08.2020

.....

Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.6

Ilya Shteinberg

Shteinberg Ilya — *Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Lecturer, Centre for Sociological Education, Institute of Sociology of FCTAS RAS, isteinberg@mail.ru.*

A review of the textbook by A. V. Vanke, E. V. Polukhina and A. V. Strelnikova “How to Collect Data in Field Qualitative Research”. The authors of the book describe a joint experience of participation in field research projects, choosing the genre of “how to do” with many examples

of field situations, strategies, tools and documents. The problems of access to the field, visual materials collecting, issues of data archiving, and many other topical aspects of research work are reviewed here. The book shows the logic of a field project step by step, from constructing a research design to leaving the field and maintaining connections with it.

Keywords: qualitative research; data collection methods; access to the field; interview; observation; exploratory reflection

References

Burawoy M. (2008) Za publichnyuyu sociologiyu [For Public Sociology]. *Obshchestvennyye dvizheniya v Rossii: tochki rosta, kamni pretknoventiya* [Social Movements in Russia: growing points and stumbling blocks] / Ed. by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. M.: OOO "Variant", CSPGI. P. 8–51. (In Russ.)

Gobo G., Molle A. (2017) *Doing Ethnography*. 2nd ed. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington; Melbourne: SAGE.

Kovalev E. M., Steinberg I. E. (1999) *Kachestvennyye metody v polevykh sociologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative Methods in Sociological Fieldwork]. M.: Logos. (In Russ.)

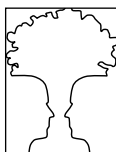
Morgan D. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>

Steinberg I. E. (2014) Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: «vos'miokonnaya» model' [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model"]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. M.: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Weller S. et al. (2018) Open-Ended Interview Questions and Saturation. *PLoS ONE*. Vol. 13. No. 6: e0198606. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198606>

Received: 01.08.2020

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2020. Том 12. № 3

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com